

Департамент культуры и туризма Вологодской области
Вологодская областная универсальная научная
библиотека им. И.В. Бабушкина
Вологодская региональная общественная организация
«Батюшковское общество»

**«МОИ ПЕНАТЫ».
РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ
И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ**

**Сборник материалов по итогам
Всероссийской научной конференции
(Вологда, 29 – 30 мая 2017 г.)**

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. И. В. Бабушкина
ВОЛОГОДСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«БАТЮШКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО»

**«МОИ ПЕНАТЫ».
РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ
И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ**

Сборник материалов по итогам
Всероссийской научной конференции
(Вологда, 29 – 30 мая 2017 г.)

Вологда
ВОУНБ
2017

УДК 821.161.1(47)Батюшков
ББК 83.3(2Рос+Рус)бБатюшков
М74

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 68-рп от 05.04.2016 и на основании конкурса, проведенного Фондом поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива».

М74 «Мои Пенаты». Русская провинция и ее роль в истории культуры : сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции (Вологда, 29–30 мая 2017 г.) / Департамент культуры и туризма Вологод. обл., Вологод. обл. универс. науч. б-ка им. И. В. Бабушкина, Вологод. регион. обществ. орг. «Батюшков. о-во» ; [ред. и сост.] И. Е. Колесова. – Вологда : ВОУНБ, 2017. – 143 с., [6] л. ил. : ил.

ISBN 978-5-904318-30-7

Сборник подготовлен по итогам Всероссийской научной конференции «“Мои Пенаты”. Русская провинция и ее роль в истории культуры», посвященной 230-летию со дня рождения К. Н. Батюшкова. Конференция прошла в Вологде 29 – 30 мая 2017 г. Статьи публикуются в авторской редакции.

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся творчеством К. Н. Батюшкова и особенностями его эпохи.

УДК 821.161.1(47) Батюшков
ББК 83.3(2Рос+Рус)б Батюшков

ISBN 978-5-904318-30-7

© БУК ВО «Вологодская областная
универсальная научная библиотека
им. И. В. Бабушкина», 2017
© ВРОО «Батюшковское общество», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колесова И. Е.</i> Итоги Всероссийской конференции «“Мои Пенаты”».	4
<i>Русская провинция и ее роль в истории культуры».....</i>	
<i>Кошелев В. А.</i> Мотивы смерти и бессмертия в лирике Батюшкова.....	7
<i>Пашкуров А. Н.</i> Миниатюра К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815) в контексте предромантической философии Гения.....	17
<i>Даен М. Е.</i> Два царских портрета XVIII века из собрания Вологодского государственного музея-заповедника. Опыт исследования.....	24
<i>Колесова М. Л.</i> Усадебный туризм: особенности развития на современном этапе.....	33
<i>Белова С. Ю.</i> История церкви села Даниловское	44
<i>Мисайлиди Л. Е.</i> Реликвии К. Н. Батюшкова в собрании Пушкинского Дома	51
<i>Молодов О. Б.</i> О роли православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах.....	58
<i>Морозова Н. П.</i> Батюшковские материалы в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина.....	65
<i>Шигаревская О. В.</i> Письмо, отправленное «наудачу»	69
<i>Стукова М. А.</i> Усадьба Котельниково.....	76
<i>Фоминых Н. В.</i> Соколова (Батюшкова) Варвара Николаевна – младшая сестра поэта К. Н. Батюшкова. (По материалам архивных изысканий Р. М. Лазарчук).....	82
<i>Базанова М. А.</i> Популяризация культурно-исторического наследия К. Н. Батюшкова через внеурочную работу в образовательном учреждении.....	85
<i>Волков А. Н.</i> Проблемы популяризации творческого наследия К. Н. Батюшкова на современном этапе. Пути преодоления	89
<i>Волков А. Н., Леонтьев В. Л.</i> Создание «Центра просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы» на базе МОУ «Мяксинская школа» – новый шаг в изучении и популяризации творческого наследия К. Н. Батюшкова на череповецкой земле.....	95
<i>Волкова М. А.</i> Экскурсионно-краеведческий маршрут «Хантаново в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова»	100
<i>Лебедев В. П.</i> Символика деревьев Даниловского и Хантановского парков и их адаптивное значение для Константина Батюшкова.....	106
<i>Чекалова И. В.</i> К истории памятника на могиле Константина Николаевича Батюшкова.....	109
<i>Чусова В. Д.</i> Литературный музей – очаг духовного становления учащихся.....	119
<i>Белова А. П.</i> Изучение эпистолярного наследия К. Н. Батюшкова в контексте подготовки к написанию сочинения-рассуждения.....	133
<i>Елистратова К. А.</i> Изучение творчества К. Н. Батюшкова во внеурочной деятельности: из опыта работы учителя.....	139

Колесова И. Е.

**ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«“МОИ ПЕНАТЫ”.
РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ
В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ»**

2017 год стал для Вологодской области годом литературных юбилеев: Константин Батюшков и Василий Белов, Варлам Шаламов и Игорь Северянин, Ольга Фокина и Борис Чулков. Каждое имя – заметный вклад в русскую литературу.

Достойное место в ряду юбиляров занимает современник и любимый поэт Пушкина – Константин Николаевич Батюшков – член литературного кружка «Арзамас», почетный член Вольного общества любителей российской словесности, а также поэт, прозаик, литературный и художественный критик, переводчик, который родился в Вологде в мае 1787 года, 230 лет назад.

29 и 30 мая 2017 года в Вологде прошли юбилейные мероприятия, посвященные этой знаменательной дате. Их организаторами выступили Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина и Вологодская региональная общественная организация «Батюшковское общество».

Первый день начался с возложения цветов к памятнику на могиле поэта в Спасо-Прилуцком Димитриевом мужском монастыре, где была отслужена заупокойная лития. Присутствующие почтили память поэта чтением его стихов и возложили к могиле венок с надписью «К. Н. Батюшкову от благодарных земляков».

В этот же день в Вологодской областной научной библиотеке открылась Всероссийская научная конференция «“Мои Пенаты”. Русская провинция и ее роль в истории культуры», которая собрала людей разных возрастов и разного рода занятий, объединенных интересом не только к личности и творчеству Константина Николаевича Батюшкова, но и к реалиям эпохи, окружавшим его. Ученые, краеведы, школьные учителя приехали в Вологду со всей России.

Во второй день конференция продолжила свою работу на выезде. Участники посетили места Вологодской области, связанные с именем К. Н. Батюшкова. Очередное заседание состоялось в Устюжене, также участники и гости конференции посетили село Даниловское.

Доклады, представленные на конференции и ставшие основой для статей, включенных в данный сборник, очень разнообразны как по тематике, так и по подходу к рассматриваемым проблемам. Специфика представленных материалов повлияла и на структуру сборника, нарушая общепринятый алфавитный принцип, и объединяя статьи в смысловые блоки. На первом месте располагаются работы, посвященные исследованию поэзии К. Н. Батюшкова с литературоведческой и философской точек зрения, далее представлены материалы, связанные с изучением батюшковской эпохи и предметного мира, окружавшего поэта, затем рассматриваются проблемы сохранения наследия К. Н. Батюшкова на современном этапе, и, наконец, завершают сборник статьи методического характера, связанные с изучением поэзии Батюшкова в школе. Для максимального сохранения разнообразия и специфики представленных материалов все статьи публикуются с сохранением авторской стилистики.

Сборник открывается статьей известного ученого, специалиста по творчеству Батюшкова, доктора филологических наук профессора В. А. Кошелева из Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, которая посвящена рассмотрению очень значимых для батюшковской поэзии мотивов смерти и бессмертия. Данная тема продолжается в статье доктора филологических наук, профессора Казанского государственного университета А. Н. Пашкурова, который рассматривает поэзию Батюшкова в контексте предромантической философии.

Во второй смысловой блок входят статьи, посвященные батюшковским материалам в собраниях Всероссийского музея А. С. Пушкина и Литературного музея Пушкинского Дома, подготовленные приглашенными на конференцию «Батюшковским обществом» заведующей отделом «Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени» Всероссийского музея А. С. Пушкина, кандидата филологических наук Н. П. Морозова и ее коллеги – научного сотрудника Литературного музея Института русской литературы («Пушкинский Дом») РАН Л. Е. Мисайлиди (г. Санкт-Петербург). Также здесь размещены статьи об изучении исторического провинциального портрета XVIII века, проведенном М. Е. Даен (г. Вологда), об истории существования церкви в селе Даниловское, написанное С. Ю. Беловой, исследования вологодских и череповецких краеведов О. В. Шигаревской и Н. В. Фоминых и статья об Обществе попечительном о тюрьмах и роли в его работе

православного духовенства, автором которой является кандидат исторических наук О. Б. Молодов (г. Вологда). К этому же блоку отнесены статьи об усадебном туризме преподавателя Вологодского государственного университета М. Л. Колесовой и директора Дома-музея А. Ф. Можайского М. А. Стуковой (г. Вологда).

Третий смысловой блок наиболее объемен и содержит статьи, посвященные проблемам сохранения, изучения и пропаганды наследия К. Н. Батюшкова, написанные членами ВРОО «Батюшковское общество» А. Н. Волковым, В. Л. Леонтьевым, М. А. Базановой, В. Д. Чусовой и М. А. Волковой (г. Череповец) и вологодскими краеведами И. В. Чекаловой и В. П. Лебедевым.

Завершают сборник методические статьи, написанные череповецким и вологодским учителями К. А. Елистратовой и А. П. Беловой и посвященные практическим проблемам изучения творчества К. Н. Батюшкова в школе.

Сборник публикуется на средства государственной поддержки, выделенной в качестве Президентского гранта и на основании конкурса, проведенного Фондом поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива».

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся творчеством К. Н. Батюшкова и особенностями его эпохи.

Кошелев В. А.
(Нижний Новгород)

МОТИВЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В ЛИРИКЕ БАТЮШКОВА

Аннотация: В статье рассматривается один из ведущих романтических мотивов лирики К. Н. Батюшкова – мотив смерти и литературного бессмертия; показана оригинальность подхода поэта к решению связанных с ним проблем, его отличие от поэтов-свременников (Державина, Жуковского, Пушкина) и его парадоксальный подход к этому жизненному явлению.

Ключевые слова: Батюшков, нет и были, Гораций, бессмертие, вечность.

16 февраля 1821 г. 38-летий В. А. Жуковский, уже схоронивший к тому времени многих родных и друзей, пишет короткое стихотворное «Воспоминание»:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были* [5, т. 3, с. 47].

За одиннадцать с лишком лет до того, 23 ноября 1809 г., 22-летний К. Н. Батюшков, тоже немало переживший и потерявший, пишет свою «Эпитафию» («...умру, и стихи со мной»):

Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: *он был, и нет его!* [2, с. 377]

Два поэтических высказывания демонстрируют два несходные толкования проблемы жизни и смерти и две разные возможности отношения к смерти как таковой.

Жуковский, акцентируя представление о неуничтожимости гуманитарной культуры, комментировал свое стихотворное высказывание (в его ранней редакции) еще определенное: «*Нет и были – какая разница!* В первом – потеря, в последнем – воспоминание. *Нет* значит исчезли; *были* значит оставили след свой. Прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освещает для нас и землю, и жизнь нашу! Решительная минута разлуки миновала: они навеки преданы воспоминанию, за них уже не страшишься; недоумения кончились; их будущее не приводит в трепет; печаль об них из страдания обратилась в благодетельную для сердца любовь; можешь всем делиться с ними свободно: их образ равно светел для нас и при нашем счаstии, и при нашем несчаstии; ни то, ни другое уже не изменит их жребия; но и в том и в другом они с нами, воспоминанием, всегда неизменным, когда не изменимся

мы сами, возвышающим душу в счастии, ободряющим ее в несчастии – такое воспоминание есть для нас совесть» [5, т. 13, с. 157–158].

Батюшков – гораздо жестче и бескомпромисснее. Он задумывается отнюдь не «о милых спутниках», а о самом себе – тоже «милом спутнике» своих приятелей – и о будущей судьбе собственного житейского и поэтического «я». И в его восприятии на первый план становится не элегическое «были», а энергичное «нет». «Был»-то он, конечно, был, – но когда его *нет*, то и ничего – нет! И «животворить» этот мир он уже не сможет... И не исключено, что мир так и будет существовать вне гуманитарного «животворения».

Перед нами, в сущности, две несходных системы поэтических координат на поле представления о бренности/вечности словесного творчества. Показательно именно то обстоятельство, что русская поэтическая мысль никак не хотела, что называется, «определяться» в противоречиях этих систем координат.

Огромное количество подражаний и переводов в русской поэзии вызвала знаменитая ода Горация «Exegi monumentum...» (III, с. 30) [См.: 1], в которой ярче всего выражалась мысль о поэтическом бессмертии: «*Non omnis moriar*» – «Не весь я умру». Это крылатое выражение в русской поэзии «золотого века» осознавалось как безусловная формула, обраставшая устойчивыми вариациями: «Не вовсе я умру» (М. В. Ломоносов); «Так! – весь я не умру» (Г. Р. Державин); «Не весь я тленностью возмуся» (В. В. Капнист); «Умру, но строга смерть не сыта, / Меня не может истребить» (С. А. Тучков); «Нет, я не весь умру» (А. А. Фет). Во всех случаях здесь подразумевается смерть телесной оболочки – при неуничтожимости души и духа, закрепленных в словесных созданиях.

Первым из русских поэтов, кто отважился применить формулу поэтического бессмертия Горация к собственному творчеству, был Державин. Ода Горация дышала уверенностью поэта в своем бессмертии – ибо бессмертно человеческое слово. Эту же мысль выражал и Державин – но с «национальным» уточнением: «И слава возрастет моя, не увядая, / Доколь славянов род вселенна будет чтить...» – то есть «от Белых вод до Черных». Географически – огромное пространство, «где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал». А носитель и символ этой «славы» именуется *слухом*: «Слух обо мне пройдет...». И уж этот *слух*, в отличие от любого «истукана» (ода «Мой истукан», 1794), не запылится и не сломается. Позднее Пушкин написал свой «Памятник» «по примеру Державина» – и тоже указал на «народную тропу» к «нерукотворному» носителю памяти о поэте.

Державин в отношении себя представлял не столько «бессмертие в общих чертах», сколько данности конкретной народной памяти:

«Всяк будет помнить то в народах неисчислемых...» Именно на «слух», «всяк» будет из поколения в поколение передавать державинские «слова», сделавшие его бессмертным. Эти «словесные» заслуги Державин перечисляет лаконично и точно:

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить...

Свою основную заслугу Державин видит прежде всего во введении в словесность «забавного русского слога» – новой стилистической манеры. В этом отношении два центральных произведения – «Фелица» и «Бог». В них останутся бессмертны поэтическая искренность, «сердечная простота» (то есть отсутствие позы и эффекта) и гражданская смелость. «Памятник» поэт заключил первый том собрания своих сочинений 1808 года. А второй том завершался стихотворением «Лебедь», тоже подражавшим оде Горация (II, с. 20), в котором он выразил самооценку, уверенность в своем поэтическом призвании и основанной на нем надежде на бессмертие. «Необычайным я пареньем / От тленна мира отделяюсь, / С душой бессмертною и пеньем, / Как лебедь, в воздух поднимусь...»

В последнее десятилетие жизни слава Державина-поэта пузыряла. Однако новые тома своего собрания сочинений он продолжает завершать стихами, демонстрирующими уверенность в собственном бессмертии. Третий том завершался «Признанием», четвертый – «Венцом бессмертия». Последняя прижизненная публикация Державина – пятый том его сочинений – заканчивалась стихотворением «Полигимния» (1816), которое венчалось восклицательной строкой. Она напоминала крик в состоянии экстаза: «Буду я, буду бессмертен!» [Цит. по: 4]

При этом самое последнее стихотворное признание Державина на эту же тему – знаменитая предсмертная «грифельная ода» – мудрое и бесстрашное восьмистишие, озаглавленное «На тленность», как будто вводило иную систему координат:

Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы! [4, с. 396]

После похорон поэта его последнее стихотворение (сохранившееся на грифельной доске) было опубликовано в журнале

«Сын Отечества». В предисловии указывалось, что старый поэт дрожащей рукой записал эту «грифельную оду», глядя на висевшую в его кабинете аллегорическую карту «Река времен, или Эмблематическое изображение Всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого на десять столетия». Справа по краю карты был представлен перечень «успехов просвещения» и «славных мужей», среди которых был поименован и сам Державин. Показательно, что его поэтические размышления шли не по пути подтверждения собственных притязаний на бессмертие в памяти потомков, а *по контрасту* с ними. Перед лицом смерти Державин вдруг ощущил конечную тщету достигнутого. Что, в самом деле, остается от человека, оставившего эту землю?

Утверждение величия и великолепия мира в поэзии Державина часто сочеталось с мотивами бренности жизни, беспощадного течения времени, неизбежности смерти. Предметом изображения в «Реке времен...» служит не отдельная человеческая жизнь с ее быстротечностью и трагизмом, а бытие *человечества*, включающее историю народов, деяния царей и великих людей, воинскую доблесть. И, в частности, поэтическое творчество, символизируемое «лирой иль трубой». Но и время, и история в стихотворении Державина имеют конец и не предполагают ни торжества прогресса, ни установления гармонии. А «вечность» имеет только один образный признак – *все пожирающее жерло*.

На пороге небытия Державин вдруг задумался о будущем своих творений – и от ликующей уверенности перешел к спокойному отчаянию. При этом в разумной деятельности людей он выделил самое достойное долговременной памяти – «звуки лиры и трубы». Только на весах вечности эти ценности не имеют значения: река времен (на равных!) уносит *все* дела людей. Смысл последних стихов Державина страшен и прост: та сила, что уносит в пропасть «народы, царства и царей», не может на первых порах, обозначаемых понятием «время», одолеть то, что создано лирой и трубой, и все-таки в конце концов жерло «вечности» поглотит и самое высшее создание человеческого духа.

Державин последних стихов как будто спорит с Державиным, создателем «Памятника». Но в этих двух стихотворениях обозначены разные понятия: *время* и *вечность*. Если *время* доступно воображению человека, то *вечность* – нет. Поэтому в тезисах: «И времени полет его не сокрушит» и «То вечности жерлом пожрется» – нет непримиримого противоречия. Последнее восьмистишие Державина многомерно, многослойно, загадочно. Может быть, в нем и содержалась та горькая правда, к которой пришел, наконец, умирающий Державин? Только в чем она, эта правда?

Обращает на себя внимание странное противоречие в использовании Пушкиным афоризма Горация. В переложении «Я памятник себе воздвиг...» (1836) он приводит формулу «Non omnis moriar» в похожем варианте: «Нет, *весь* я не умру...». А в элегии «Андрей Шенье» (1825) видим, как будто, противоположное утверждение от лица поэта: «Я скоро *весь* умру». Местоимение *весь* демонстрирует явную зависимость обоих высказываний от одного источника – от державинского «Памятника». «Державинский» вариант формулы Пушкин держал в голове в обоих случаях.

Но и противоречие в высказываниях «Нет, *весь* я не умру...» и «Я скоро *весь* умру» оказывается мнимым. Стоит только продолжить оба высказывания – они об одном и том же. В первом случае не умерший оказывается «душа в заветной лире»; во втором – противоположная человеческому «праху» память о поэте, сохраненная в «рукописи»:

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь... [6, т. 2, с. 399]

Перед нами, в сущности, вариация приведенной выше мысли Жуковского: от умершего поэта остается «сохраненная рукопись» – то есть «свиток верный» его душевных раздумий, определивший остающееся, несмотря на видимую смерть, его бытие («был» – в прошедшем времени!), которое уже само по себе отрицает возможное «небытие». И в этом случае покойного (которого *нет*) нужно удостоить благодарного: *был*. В том, конечно, случае, если этот «свиток верный» окажется достоин внимания хотя бы живущих друзей.

Для Жуковского, впрочем, этого уточнения не существует: друзья поэта, если они действительно друзья, готовы помнить и любить и просто человеческий облик того, который *был* с ними и самим существованием своим *животворил* их бытие.

Батюшков, рассматривающий проблему посмертного бытия поэта с точки зрения собственного *я*, ставит это уточнение во главу угла: право на подобное бытие надо еще заслужить! Тема поэта в современном мире с самого начала трансформируется у него как тема *поэтов*: хороших и разных. Уже в первом опубликованном стихотворении – «Послание к стихам моим» (1804) Батюшков констатировал: «Но с страстию писать я не один родился: / Чуть стопы размезрять кто только научился, / За славою бежит...» [2, с. 376]

«Слава» должна означать *бессмертие* – а многие ли из обуревающих «страстию писать» его достойны?

Тема поэтической *смерти* развернута в том произведении, с которого началась поэтическая известность Батюшкова, в сатире «Видение на брегах Леты» (1809), не опубликованной, но разошедшейся во многих списках. Сюжет сатиры – это, в сущности, «видение» поэтических «умертвий». С этого она и начинается: «светлый» бог искусств «Поэтам нашим смерть изрек; / Изрек – и все упали мертвы...» [2, с. 370–377]. И все – подлежат проверке в «реке забвения стихов»: она произнесет приговор: *были* эти поэты на самом деле или *не были*. Потому что *быть* в искусстве словесного творчества означает *запомниться*.

Приговор жесток – и тут же приводится в исполнение: «Нырнул – и нет педанта»; «Любезных чад своих купают... / И более не зрят в волнах»; «Сказал – в реку! и был таков!»; «Исчезла Сафо наших дней / С печальной драмою своей»; «Иссякнул изувер / от взора грозныя Эгиды»; «Да всех поглотит вас струя!..» и т. д. Суд вершат некие потусторонние силы – этот мотив в «литературных» сатирах оказался достаточно устойчивым. Так, персонаж повести Барона Брамбеуса (О. И. Сенковского) «Большой выход у Сатаны» (1832) повелитель ада Люцифер, «царь чертей, преутонченный гастроном, страстно любил пожирать наши несчастные книги в стихах и прозе»: «И надоно знать, что как скоро Сатана съест какую-нибудь книгу, слава ее на земле вдруг исчезает, и люди забывают об ее существовании. Вот почему столько плодов авторского гения, сначала приобретших громкую известность, впоследствии внезапно попадают в совершенное забвение: Сатана выкушал их с своим кофе!..» [7, с. 232]

Да и те из литераторов, которые «были» и сохранились, несмотря на угрозу погибнуть в Лете, тоже не всегда вспоминаются из-за каких-либо «заслуг». Литературная «слава» бывает различной. В сатире Батюшкова в качестве тех, которые «были», названы покойные Ломоносов, Херасков, Сумароков, Княжнин, Богданович, Тредиаковский, Барков, Хемницер, Фонвизин. Иных из них вспоминают «за твердый ум и за дела», других лишь за то, что были «трудолюбивы, как пчела» (как «отец стихов Телемахиды»), или «замысловаты» (как Сумароков), или «сотоворили обиды Венере девственной» (как Барков). Такая «слава» недорого стоит – и быть поставленным «с Тредиаковским к ряду» не приносит чести «славенофилу» Шишкову...

Приведенную выше собственную «Эпитафию» Батюшков написал практически одновременно с «Видением на брегах Леты»: для него самого предпочтительнее безусловное *нет*, чем упование на сомнительное *был*.

Мотив *смерти* становится очень устойчивым именно в «легкой поэзии» Батюшкова. Так, в элегии «Привидение» (1810) возникает «веселая смерть»:

Нет, по смерти невидимкой
Буду вокруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развеять
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз... [2, с. 177]

И даже то обстоятельство, что «мертвые не воскресают», не снижает этой изначальной «веселости». Батюшков в данном случае отстаивает отнюдь не идею о бессмертии души – напротив: «Умру, и всё умрет со мной». Это утверждение, однако, сопровождается риторическим вопросом: «Заранее должно ли крушиться?» [2, т. 1, с. 185] А само стихотворение, завершающееся картиной смерти, называется «Веселый час» (1810).

Таким же смертным «веселым часом» завершается и классическое послание «Мои Пенаты» (1811–1812). И даже поэтические призывы характерны: «Товарищи любезны! / Не сетуйте о нас. / К чему рыданья слезны, / Наёмных ликов глас?...». Действительно, ни к чему «рыданья», «куренья», «вой» и даже «томны псалмопенья»: ведь поэты, умершие в «веселый час», счастливы:

И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливцев молодых! [2, с. 213–214]

А если такого поэтического «веселья» не дано, если у «меня» «способность малая и скучно дарованье», – то и в этом случае огорчаться не стоит:

Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он?
Зимой близь огонька, в тени древесной летом,
Без страха двери сам для Парки отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру [2, с. 233].

В столкновении со «временем» лирический герой Батюшкова оказывается победителем. Иное дело – соприкосновение с «вечностью». Именно «вечность» становится основным «героем» его трагических стихов последнего периода.

«Моя завидна скоротечность: / Не знала жизни я, / И знаю вечность» [2, с. 415]. Так завершается одно из поздних («итальянских») стихов Батюшкова «Надпись для гробницы дочери М.»

Это – «замогильное» высказывание маленькой девочки, попавшей из детского возраста сразу – в «вечность» (противопоставленную «жизни»). И, может быть, эта «скоротечность» бытия действительно «завидна»? Но почему здесь «завидовать»?

Да хотя бы тому, что «вечность» привносит в бытие некую устойчивость, отсутствующую в «случайных» перипетиях земного бытия. Вот Батюшков в Италии пишет миниатюру, посвященную развалинам античного городка Байя – развалины затоплены водой, но хорошо видны на утреннем солнце, «при появлении Аврориных лучей». Тогда мёртвый город как будто «пробуждается из гробницы». Но это только кажется: «вечность» «не отдаст» и «не возвратит» чудесного города:

И никогда твои порфиры колоннады
Со дна не встанут синих вод [2, с. 414].

Категорический императив «никогда не» подчеркивает искомую силу и значительность устойчивой «вечности».

В 1821 году в Германии Батюшков создает цикл «Подражания древним», миниатюры которого восходят, по указанию А. А. Карпова, к переводам и вариациям И. Г. Гердера из книг «Цветы греческой антологии» и «Цветы восточной поэзии». Единственный текст в этих «Подражаниях...», который не восходил к какому-то конкретному источнику – тоже о «неправедной» смерти:

Когда в страдании девица отйдет
И труп синеющий остынет, –
Напрасно на него любовь и амвру льет,
И облаком цветов окинет.
Бледна, как лилия в лазури васильков,
Как восковое изваянье;
Нет радости в цветах для вянущих перстов,
И суетно благоуханье [2, с. 416].

Семантика этого «подражания» нетривиальна – воспевание человеческого «умирания». Живой человек превращается в останавливающий и «синеющий» труп – и переходит в «вечность». Этот переход означает, с одной стороны, прекращение жизненного «страдания», с другой – бессмысличество возвращения к былым удовольствиям «живой жизни»: «суетными» в этой ситуации оказываются и яркие цветы, и прекрасные «благоуханья». «Вечность» перечеркивает все земные радости и печали.

В стихотворении, знаменующем начало душевной болезни поэта, – «Ты знаешь, что изрек...» (1824) – Батюшков представил показательную градацию перехода человека от бытия к «вечности»: «Страдал, рыдал, терпел, исчез». Последняя точка перехода – исчез – звучит как динамическая реализация того непреложного *нет*, которое поэт зафиксировал еще в начале творческого пути: «исчез» – и *всё* кончилось.

В последние тридцать с лишним «безумных» лет своей жизни Батюшков не обращался к словесному творчеству: «...о своих сочинениях сам никогда не вспоминал, но с видимым удовольствием слушал, когда их декламировали» [7, с. 151]. Если же близкие обращались к поэту с просьбой написать им что-то, то он иногда записывал запомнившиеся ему стихотворения других авторов – иногда с некоторыми изменениями и дополнениями. Сохранились такого рода автографы его с записями песни Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ты велишь мне равнодушным...», стихотворения Е. А. Боратынского «Приманкой ласковых речей...», фрагмента басни И. А. Крылова «Крестьяне и река». К этому же роду записей принадлежит и следующая, в которой варьируются мотивы державинского «Памятника»:

«В 1852 году Батюшков написал, по просьбе своей племянницы, для ее альбома, на голубом золотообрезном листочке следующее стихотворение:

Подражание Горацию

Я памятник воздвиг огромный и чудесный,
Прославя Вас в стихах: не знает смерти он!
Как образ милый ваш и добрый, и прелестный
(И в том порукою Наш Друг Наполеон),
Не знаю смерти я. И все мои творенья
От тлена убежав, в печати будут жить.
Не Аполлон, но я кую сей цепи звенья,
В которую могу Вселенну заключить.
Так, первой я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Елизы говорить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину Царям громами возгласить.
Царицы, царствуйте, и Ты, Императрица!
Не царствуйте, Цари: я сам на Пинде царь!
Венера мне сестра и ты, моя сестрица,
А Кесарь мой Святой Косарь.
Констан. Батюшков» [3, с. 153].

Предпринимались разные попытки увидеть в этом «бессвязном наборе слов» либо «пародический характер», либо «близкое к пушкинскому противопоставление поэта и царя», либо даже «окно в стихотворную поэтику XX века». М. П. Алексеев справедливо отверг подобные толкования: это лишь «типический образчик творчества психически ненормального человека», который «в большей степени может служить материалом для медико-психологических экспериментов, чем для истории русской поэзии» [1, с. 239–240].

Перед нами, в сущности, «поток сознания» душевнобольного человека, наложенный на сохранившиеся в памяти «осколки» знаменитой оды Державина. В этом потоке всплывают «Наполеон» (к которому больной «сохранил в своей памяти удивление и высокое почитание его талантов»), ухаживавшая за ним «Елиза» (Елизавета Петровна Гревенц, «которая одна умела его уговорить и заставить себе повиноваться» [3, с. 151–152]), императрица Елизавета Алексеевна (которую больной поэт пробовал воспеть в стихотворении «Храни ее, святое Провиденье...» [2, с. 425]) и т. д. И в последнем стихе являются две символические фигуры, сопоставленные и фонетически, и семантически.

Это «Кесарь», правитель всех земных существ. И – «Святой Косарь», образ неминуемой смерти этих существ. Из-под власти «Кесаря» все смертные переходят к «Святому Косарю», в своем облике олицетворяющему то же неизбежное *нет*.

Литература

1. Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» : проблемы его изучения / М. П. Алексеев // Пушкин и мировая литература / М. П. Алексеев ; отв. ред. Г. П. Макогоненко, С. А. Фомичев ; [Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис.]. – Ленинград, 1987. – С. 5–265. – Прил.: с. 223–265. – Библиогр. в подстроч. примеч.
2. Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 1. «Опыты в стихах и прозе». Произведения, не вошедшие в «Опыты в стихах и прозе» / К. Н. Батюшков ; [сост., подгот. текста, вступ. ст. и comment. В. А. Кошелева]. – Москва : Художественная литература, 1989. – 510, [1] с. : портр. – Библиогр. в comment.: с. 437–486.
3. Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде / А. С. Власов ; вступ. ст. и публ. В. А. Кошелева // История в лицах : ист.-культур. альм. / М-во образования Рос. Федерации, Череповец. гос. пед. ин-т им. А. В. Луначарского. – Череповец, 1993. – Вып. 1. – С. 147–159. – Библиогр. в подстроч. примеч. и в примеч. в конце ст.
4. Державин Г. Р. Стихотворения / Державин ; ред. и примеч. Г. Р. Гуковского ; вступ. ст. И. А. Виноградова. – Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – 561, [2] с., [1] л. портр. – (Библиотека поэта / под ред. М. Горького).
5. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский. – Москва : Языки славянской культуры, 1999–. – Т. 3 : Баллады / [Том. гос. ун-т]. – 2008. – 452 с. : ил., портр. – Т. 13 : Дневники. Письма-дневники. Записные книжки, 1804–1833 / [сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич]. – 2004. – 607 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937–1949. – 16 т.
7. Сенковский О. И. Сочинения Барона Брамбуса / О. И. Сенковский ; [сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Кошелева, А. Е. Новикова]. – Москва : Советская Россия, 1989. – 490, [2] с.

*Пашкуров А. Н.
(Казань)*

МИНИАТЮРА К. Н. БАТЮШКОВА «МОЙ ГЕНИЙ» (1815) В КОНТЕКСТЕ ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ГЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются реликты поэтики русского предромантизма в художественной системе отечественного романтизма первых десятилетий XIX века. В центре внимания – лирическая миниатюра К. Н. Батюшкова «Мой гений» и своеобразие эволюции в ней предромантических представлений о «гении» как универсальном, преобразующем мир начале.

Ключевые слова: концепт «гений», эволюция русского предромантизма, лирическая миниатюра, принцип троемирия, поэтика Памяти.

Константин Батюшков уникalen не только эллинской гармоничностью своей Музы, но и тем, что гений его соединил два века, два мира, две эпохи – XVIII и XIX столетия. Прямой предшественник Александра Пушкина, он и сам был преемником, прежде всего такого интереснейшего явления в нашей литературной культуре, как предромантизм.

Символично, что вхождение юного поэта в словесность ознаменовано самой теплой семейной помощью его наставника, старшего друга и родственника Михаила Никитича Муравьева. Диалог писателей двух поколений с позиций нравственной философии и сотворения «легкой поэзии» исследован уже достаточно полно [14; 15]. Явственные и биографические параллели: от отроческой батюшковской «Мечты», тонко выстроенной на аллюзиях из творчества Муравьева, – до цитирования произведений учителя в эссе поэта-ученика (к примеру, муравьевская медитативная миниатюра «Богине Невы» анализируется в батюшковской «Прогулке в Академию художеств») – и, наконец, к посланиям наследникам дядюшки: прежде всего, имеется в виду поклон в стихах троюродному брату Никите, сыну поэта («К Н<иките>»).

Картину, на наш взгляд, можно интересно и существенно дополнить, если рассмотреть влияние на лирическую концепцию Батюшкова учения предромантиков о Гении. Немаловажный «родственный» факт: одним из первых эту тему начинает вводить в русскую поэзию как раз М. Н. Муравьев (послание «Сила Гения»). У Константина Батюшкова есть миниатюра, практически «одноименная», в заглавие которой вынесено сразу же тепло-субъективное отношение автора – «Мой Гений».

Кстати, по ряду параллелей, небольшое стихотворение это уже и само предвосхищает целый ряд тенденций своего, XIX века. Так, смена светового спектра с солнечно-заревого на сумеречный в поэзии Лермонтова создаст своеобразную анти-параллель батюшковскому этюду: вместо «Моего гения» явится «Мой демон». Первая же строка, великолепный глубокий батюшковский афоризм – «О, память сердца! Ты сильней / Рассудка памяти печальной...» –озвучие с трагическим психологическим парадоксом русского гражданского романтизма, впервые выплеснувшегося в признании грибоедовского Чацкого о том, что «Ум с сердцем не в ладу...»

Ведущий тон стихотворению «Мой гений» задает, конечно же, сакрализованная самим Батюшковым «легкая поэзия», сквозь призму которой произведение можно вполне гармонично рассматривать как образец любовного романса в миниатюре (любопытно, что уже в XX веке известный российский режиссер Алексей Сахаров именно этот батюшковский изысканный шедевр выберет в качестве музыкального эпиграфа к своей творческой киноинтерпретации «Барышни-крестьянки» Пушкина!).

И все же многое в поэтике стихотворения сложней и богаче. В эпицентре – феноменология Гения, ключевого явления в эстетике предромантизма.

Для начала обратимся к небольшому историко-философскому и историко-литературному экскурсу.

Проблема Гения – одна из древних и многоаспектных в мировой эстетике. В античной мысли, как замечал еще в начале XIX столетия И. И. Мартынов, феномен этот понимался предельно широко: как некий «языческий ... дух, который ... с самого рождения к каждому человеку приставлен ...» [11, с. 70–71]. У ряда выдающихся мыслителей древности поэтософия подобного «демонического существа»¹ обретала, однако, и более «личностные» черты. Сократ размышлял о некоем «внутреннем голосе» в мироздании, Платон первым заговорил о пронизывающем писателя-творца божественном огне вдохновения (в новоевропейскую эру это даст плодотворнейшую почву теории того же Ш. Батте об «изступлении, или бешенстве пиитическом»). В XVI веке эстетика Гения, эволюционируя, сплавляется с понятием так называемой «искусности» (*ingenium*) и вновь актуально востребованным оказывается платоновское учение о вдохновении [4, с. 362]. Наконец, в Англии XVIII столетия, в противостоянии с канонами жесткого классицизма, на волне «иррационализма доромантического периода», выходит знаковый труд Юнга «Размыщение относительно оригинального творчества» (1759, 1774).

В параллельном глубоком процессе переосознания Священных Книг складывается в европейской эстетике и представление о том, что «... вития непременно должен быть служитель Божия престола» [6, с. 146]. Символично переосмысление античного мифа об Орфее: «Возседает превыше небес на златом престоле, и земля есть подножие его. Десницу свою простирает до пределов Океана ... Он управляет вселеною, он начало, средина и конец» [6, с. 336].

В отечественной словесности к периоду последней четверти XVIII и начала XIX веков новые смысловые значения вносит в общую философию гениальности русский предромантизм. Современные исследователи истории предромантической эстетики выделяют знаковые фигуры таких теоретиков, как:

- И. Г. Гаман с его философией первослова-символа, которое «восстановить» в общении человека и Творца способен только «простак» (наивный как ребенок) Гений²;
- Э. Шефтсбери и учение о независимом поэте-творце с прометеевскими чертами жертвенности и героизма [17, с. 30];
- Э. Берк и его теория «симпатической магии» как обоснование морального (духовного) «родства» Человека и Космоса³.

В Новое время также намечается целый круг идей, связанных так или иначе с представлениями о двойственности природы феномена Гения.

А. Сумароков, к примеру, толкуя в «Трудолюбивой пчеле» (1759) учение Буало, склонен основой проблемы полагать диалектическое противоположение «естества» и Разума, причем «проводником» от первого ко второму выступает, согласно его представлениям, вкус, обеспечивающий путь в истинное искусство⁴. Знаменательно, что возникающее в итоге онтологическое понятие «Гения вкуса» останется определяющим и для эстетической мысли предромантической эпохи (такой «титул» получит один из лидеров русского предромантизма – Н. А. Львов).

И. Мартынов, обобщая мировой опыт, предлагает «развести» в феноменологии Гения соответственно первоначальное представление о «великом Уме» (*Esprit*) и нововозникшее, в том числе через французскую эстетику, понятие собственно «гениальности», устойчиво закрепившееся в термине-символе: *Genie*. «Достроить» картину в этом аспекте помогают идеи как раз французского философа – Ш. Батте. В естестве Лирической поэзии, был убежден мыслитель, необходимо различать «ясность-разум» – с одной стороны, и «жар» (воля – чувство – вкус) – с другой. «Пищическое бешенство» возникает именно в поле энергетического напряжения между этими полюсами, очевидно склоняясь ко второму (См.: [8, с. 228–233]). Еще ранее Ж.-Б. Дюбо видел в Гении «... художника, который ... играет ... сердцем <зрителя>», к тому же, Гений –

«человек, способный создать нечто божественное». Гениальность понимается в итоге и как «способность, полученная человеком от природы», и – более глубоко – как «врожденный дар» («Критические размышления о поэзии и живописи», 1719) [5, с. 276–277]. По-своему, глубоко и интересно, воспринял идею о «природном таланте» известный современник М. В. Ломоносова Г. Н. Теплов: «Стихотворцем без природного таланта, который французы называют *genie*, или без природного духа стихотворческого, никак сделаться не можно ...» [13, с. 59].

Наконец, в последней четверти XVIII – начале XIX столетий в мировой, и в том числе в русской, философско-эстетической мысли феноменология Гения попадает в новый диалогичный контекст, связываясь с такими онтологическими категориями творчества, как Фантазия и Воображение. Сравним в эссе «О воображении»: «Оно творит будущее, воскрешает минувшее, соединяет отдаленные эпохи; ... имеет ... свои бури и мели, подобно Океану ... Оно уязвляет себя, исцеляется, мучится, наслаждается, волнуется, утихает; изумляет нас ... блеском Гения ...»⁵ [9, с. 180].

В России первой четверти XIX века разворачивается своеобразная панорама завершающейся картины. А. Ф. Мерзляков представляет великих гениев остановившими «... волнения вкуса, ... как явившееся из мрака туч солнце усмиряет бури и возвращает тишину и «великолепие природе», где «с высоты блистательной» подлинный творческий гений откроет «... целую вселенную, мир нравственный ...» [12, с. 106]. П. А. Новиков в проблемном философском очерке – «О гении» (около 1818) среди «признаков» истинного гения особо оговаривает опять-таки «внутренний стержень» феномена: «... врожденная свобода и гордость, начало величия нравственного ...» [12, с. 352, 355].

Важнейший внутримираторный мировоззренческий итог всей освещенной нами панорамы заключается в том, что Гений как универсальное начало мироздания создает и обуславливает тринитарное мышление предромантизма: между контрастными во многом полюсами-мирами Земли и Неба лежат, согласно этой модели, как раз владения Гения, способного их и примирить, и соединить (подробнее – см. в недавней нашей статье [8]).

Батюшков вначале намечает проблему троемирия осторожно-эскизно: просто говоря о своей вере в существование более гармонизирующего начала, нежели земная печальная «рассудка память» – началом этим оказывается нежная светлая «память сердца». Уже в интересном преображении предромантической эстетики – образу Гения легко и изысканно приданы не мужские, величественно-охранительные, а нежные тихие женские черты: «Мой Гений» принимает облик «Моей пастушки несравненной» [2].

Крайняя степень печали и разлуки в мире земном – «страна дальняя», в которой волею судеб оказался лирический герой. Но Гений тем и гармонически всевластен, что хранит своего избранника повсюду: «... образ ... незабвенный / Повсюду странствует со мной...» [2]. Обратим внимание: картина гораздо светлее и оптимистичней, чем у современника и друга Батюшкова Жуковского, в молитвенной лирике которого «знакомый гений» либо «пролетает мимо», либо в малые мгновенья Бытия спускается на Землю, оставляя по себе память-звезду. Как сам лирический герой хранит в «памяти сердца» «образ милый», «мой гений» хранит память о Небе: ведь у него – «очи голубые» (как тут не вспомнить карамзинскую небесноокую Бедную Лизу, от ангельского образа которой и пошел во многом в нашей словесности отчет времени «небесного чувства», «небесной помощи», «небесного прощения»!)

Еще один важнейший смысловой рефрен образа «милого, незабвенного гения» – его дар не только и не просто успокаивать, но и преображать, *услаждать* душу. Как в начале миниатюры – это тихое счастье доставляла лирическому герою «память сердца»: «... часто сладостью своей / Меня ... пленяешь...» [2] – так в «эпилоге с многоточием» «хранитель гений» прилетает: охранить любовь и «усладить печальный сон...» [2]. В лирике русского романтизма после Батюшкова именно Сон во многом останется единственным реликтом прежнего гармоничного троемирия, но и там, достаточно вспомнить вариации и Жуковского, и Лермонтова, нарастают трагические мотивы не-узнавания Небесного и его стремительной невозвратной потери. У Батюшкова – гармония с заветами предромантизма: светлый Гений – «приникнет к изголовью», подобно земной светлой красавице и «усладит печальный сон» – уже как посланник благих небес [2].

В диалоге с традициями элегического оссианического предромантизма Батюшковым создана была другая элегия – «Тень друга» (1814).

¹ У зачинателя русского предромантизма – М. Н. Муравьева – еще в ранних «Одах ...» (1775) возникнет такая интересная в этом отношении формула: «Был первый демон тот, что мне стихи вперил...» [7, с. 4].

² Об эстетических взглядах Гамана в этом свете – см.: [16].

³ В том числе налицо проявление этого мировоззрения в его учении о Возвышенном (особенно – через свето- и цветопись!); позже – и уже в художественном пространстве литературы непосредственно, – «Юнг приписал [...] проблеме <Гения> сакральный смысл, говоря даже о сверх(над)природном характере Гения» [17, с. 24].

⁴ В оригинальном буаловском «Поэтическом искусстве» (1674) уже напрямую возникает слово-знак Genie, обойденное при вольном переложении Сумароковым («Эпистола о стихотворстве», 1747) и восстановленное

в правах М. Н. Муравьевым («Опыт о стихотворстве», 1775, 1780) (этот аспект блестяще высвечен в монографии А. М. Пескова [10, с. 34–41].)

⁵ Позже все это сложится в учении Гегеля в стройную триаду «Фантазия – Гений – Вдохновение» [3, с. 328–336].

Литература

1. Бате Ш. Начальные правила словесности г. аббата Бате, профессора королевского, Академии французской и Академии надписей и изящных наук. Т. 3 / перевел с французского и прибавлениями умножил Императорского Московского университета кандидат Дмитрий Облеухов ; в четырех томах. – Москва : В Университетской типографии, 1807. – [2], VIII, [2], 552, [2] с.
2. Батюшков К. Н. Мой гений («О, память сердца! Ты сильней...») / К. Н. Батюшков // Стихотворения / К. Н. Батюшков. – Москва, 1977. – С. 130.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике. [В 2 т.]. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. Б. Г. Столпнера]. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 621 с. : портр. – (Слово о существе). – Библиогр. в подстроч. примеч.
4. Гилберт К. История эстетики : пер. с англ. / К. Гилберт, Г. Кун ; [пер. Кузнецова В. В. и Тихомировой И. С. ; спец. ред. и послесл. М. Ф. Овсянникова]. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. – 684, [1] с.
5. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи / Ж.-Б. Дюбо ; [авт. предисл. Л. Я. Рейнгардт ; comment. Ю. Н. Стефанова, С. А. Ошерова]. – Москва : Искусство, 1976. – 767 с. – (История эстетики в памятниках и документах). – Имен. указ.: с. 762–767. – Список лит.: с. 761 (15 назв.).
6. Лагарп Ж. Ф. Ликей, или Круг словесности древней и новой. Ч. 3 / сочинение И. Ф. Лагарпа. – В Санктпетербурге : В типографии В. Плавильщика, 1811. – [6], 391, [3] с.
7. Муравьев М. Н. Оды : 1775 года / лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева. – [Санкт-Петербург : Типография Академии наук, 1775]. – 30 с.
8. Нигматуллина Ю. Г. Поиск инвариантов преобразований в русской литературе XVIII века: предклассицизм и предромантизм / Ю. Г. Нигматуллина, А. Н. Пашкуров, О. М. Буранок // Знание. Понимание. Умение. – Москва, 2016. – № 3. – С. 262–272.
9. О воображении : (пер. из «Jurnal de Paris») / [пер. Н. М. Карамзина] // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 5, № 19 (окт.). – С. 179–183.
10. Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века / А. М. Песков. – Москва : Издательство МГУ, 1989. – 173, [1] с. – Библиогр. в примеч.: с. 103–133. – Указ. имен., произведений Буало: с. 165–172.

11. Псевдо-Лонгин. О высоком или величественном / творение Дионисия Лонгина ; перевод с греческого, с примечаниями переводчика. – В Санктпетербурге : В Императорской типографии, 1803. – [6], IV, 230, [2] с.
12. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : [антология]. В 2 т. Т. 1 / [сост., вступ. ст. и примеч. З. А. Каменского]. – Москва : Искусство, 1974. – 405, [1] с. – (История эстетики в памятниках и документах).
13. Теплов Г. Н. О качествах стихотворца рассуждение / Г. Н. Теплов // Русская литературная критика XVIII века : сб. текстов / [сост., ред., вступ. ст., и примеч. В. И. Кулешова]. – Москва, 1978. – С. 57–61.
14. Яценко О. А. Наставник и воспитанник : (М. Н. Муравьев и К. Н. Батюшков) / О. А. Яценко // Педагогика. – 1992. – № 11–12. – С. 66–70. – Библиогр. в тексте ст.
15. Яценко О. А. «Незабвенное имя для сердец благородных...» : М. Н. Муравьев и его воспитанники / О. А. Яценко // ... И в просвещении стать с веком наравне : сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Всерос. музей А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 1992. – С. 104–117. – (Для общей пользы).
16. Bays G. The Orphic Vision / G. Bays. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1964. – 250 p.
17. Suchanek L. Preromantyzm w Rossji / L. Suchanek. – Krakow : Nakladem Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1990. – 164 s.

*Даен М. Е.
(Вологда)*

ДВА ЦАРСКИХ ПОРТРЕТА XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается феномен исторического царского портрета и династических царских портретных галерей в российской провинции на примере двух царских портретов, хранящихся в собрании Вологодского государственного музея-заповедника.

Ключевые слова: царский портрет в провинции, портретные галереи, Иван Грозный, Павел I, XVIII век.

Едва ли не самым распространенным и востребованным видом портreta в провинции Российской империи был исторический царский портрет. Его популярность обуславливалаась конъюнктурным интересом со стороны верховых властных структур, стремившихся видеть свой статус и свое предназначение сквозь призму истории, в образах монархов, правящих задолго до современности. Презентовать образ справедливого правителя – идеал для подражания, эта задача ставилась в основу династических царских портретных галерей в разных российских провинциях, особенно популярных во второй половине XVIII века. Но художник, выполнивший подобный заказ, сталкивался с определенными трудностями. Прежде всего, это иконографические противоречия: нехватка конкретных образцов для копирования. С другой стороны, искаженная информация о той или иной царственной особе, доходившая до провинциального обывателя, которая больше напоминала миф, рожденный разного рода слухами. Эта информация нередко была совершенно далека от реальной действительности. Все это, в свою очередь, рождало почву для крайне приблизительной и противоречивой трактовки исторического портретного образа. Эти противоречия мы видим на конкретных примерах.

Так, в Вологодском государственном музее-заповеднике хранится реставрированный в 1980/1982 годах О. М. Ревиным портрет Ивана Грозного с судебником¹ (см. цв. вкл., ил. 1). До революции портрет входил в экспозицию малого зала домика Петра Великого [4].

Внизу справа на портрете сохранилась надпись белилами: ЦАРЬ ЙОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ. РОД: 1530 ГОДЪ. ЦАРЬ ОТЪ 1533 по 1584. КОПИРОВАНЬ ВЪ 1827 ГОДУ ДЕКАБРЯ 21-ГО ДНЯ ПО ПРИКАЗАНИЮ ПРИСУТСТВУЮЩИХЪ МЕЩАНИНОМЪ АНДРЕЕМЪ БЕРЕЗИНЫМЪ².

Данный портрет прошел технико-технологическую экспертизу, в результате которой при микроскопическом исследовании эксперт Т. В. Максимова обнаружила, что надпись лежит поверх сильно разрушенного красочного слоя и нанесена была гораздо позже написания портрета. Белила местами нанесены поверх старого кракелюра, что говорит о ее позднем происхождении.

Технико-технологические исследования свидетельствуют, что картина написана на сшивном холсте, который состоит из трех кусков ткани, шириной 50 см каждый. В формате картины куски ткани расположены горизонтально, два из них имеют ткацкие кромки, а третий надставлен сверху на 20 см. Тканая основа картины грубого полотняного переплетения с плотностью нитей основы и утка: 7×7 см². Грунт состоит из животного клея и мела. Он очень плотный и неэластичный, имеет светло-желтый цвет, который, по мнению исследователя, образовался за счет прохождения масляного связующего из красочных слоев. Рентгенографическая плотность грунта очень слабая [5].

Портрет написан в архаическом стиле, близком к иконописному, соответствующему многим произведениям, вышедшим из монастырских мастерских XVIII века. Иван Грозный одет в далматику рябиново-оранжевого с переливами цвета, расшитую ветками и цветами, на плечах бармы. В правой руке, с отставленным мизинцем, держит скипетр. В левой, согнутой в локте, опирающейся на колонну руке, развернутый свиток белого цвета с надписью «Судебникъ». Той же левой рукой придерживает круглой формы яблоко, увенчанное крестом – символ державной власти. На груди крупный равноконечный крест. На голове шапка, составленная из двух корон с драгоценными каменьями и жемчугом, увенчанная крестом. Лицо Ивана Грозного сильно стилизовано, светотень резкая. Похоже, что в основе данной иконографии лежит поздний гравированный образец. Композиция достаточно сложная: поворот фигуры контрапостный: корпус и руки обращены в правую сторону, а лицо в левую.

За основу картины художник выбрал дидактический набор изобразительных средств, которые представляют образ царя Ивана Грозного не как грозного и свирепого кровавого тирана, каким его видели русские историки в XVIII – XIX веках (Карамзин, Ключевский, Соловьев и др.), а как справедливого законодателя и просветителя. Об этом свидетельствует также специфический набор аксессуаров: свиток со словами «СУДЕБНИКЪ», на который указывает царь, скипетр в руке, а также сама надпись. Но, как уже говорилось, надпись относится к более позднему времени. Указанная в ней дата не соответствует ни стилю портрета, ни его технологической составляющей. Она лишь фиксирует факт копирования портрета в более поздний отрезок времени, что говорит о востребованности данного иконографического образца.

Возможно, портрет является одним из уцелевших памятников так называемой царской портретной галереи, местонахождение которой нам пока не известно. Позже он мог быть использован для присутственных мест, где производились судебные разбирательства и заседания. Исследования показали, что портрет неоднократно поновлялся. Эти поздние подновления видны и на лице, и на фоне, и на одежде, а также на рентгенограмме.

Несмотря на следы архаизмов в обработке холста, грунта и в манере письма данного портрета, его нельзя отнести к первой половине XVIII века. В композиции портрета налицо принципы классицизма, характерные для второй половины XVIII века: например, колонна в центре, которая поддерживает конструкцию картины, ее декор в виде лавровых веночек, контрапостный поворот фигуры, наличие ракурсов. Данный портрет, как мы предполагаем, мог появиться в эпоху правления Екатерины II и развернувшейся в этот период ее правления законотворческой деятельности. Обращение к историческим персонам династии Рюриковичей для придания презентации власти, как полагают искусствоведы В. Г. Чубинская и Е. И. Ружникова, для этой эпохи весьма типично [7; 9]. Эти тенденции проникали в самые глухие уголки Российской империи и были востребованы не только в светской, но и в церковной среде.

Заключение Т. В. Максимовой о технико-технологическом исследовании портрета Иван Грозный с судебником.

Анализ элементов послойной структуры картины.

Основа – холст (не дублирован), сшитый, состоит из трех кусков ткани. Холст крупнозернистый, грубый, простого полотняного переплетения. Плотность нитей основы и утка 7 x 7 (8) в 1 кв. см. Нити основы располагаются в полотне горизонтально, а нити утка вертикально. Холст с дефектами ткачества. Швы горизонтальные. Ширина нижнего полотна 50 см, а двух верхних 50 см и 8 см. Более узкое полотно пришито вверху по краю картины.

Кромки присутствуют. Нижняя кромка имеет ткацкую кромку. На центральный шов, где соединяются два полотна, приходятся ткацкие кромки. Ширина цельного полотна, включая нижнюю кромку и шов, составляет 50 см.

Грунт – желтый, светлый, вероятно клеев-меловой (?), так как имеет слабую рентгенографическую плотность.

Фактура живописи и ее сохранность.

Надпись, исполненная белилами, позже поправлялась. Некоторые элементы букв более яркие и нанесены поверх сильно помятых участков. Они основательно потерты. Одновременно поправлена была и черная надпись – старые буквы были размыты в процессе удаления загрязнений и потемневшего лака.

На лице имеются поздние корректирующие правки по светам. Подобные правки имеются на руках, особенно на пальцах. В дальнейшем появились более четкие контуры и тени. Точечными мазками откорректированы блики на украшениях.

Рентгенографирование выявило следующее:

- 1. крупнозернистый холст, простого полотняного переплетения;*
- 2. слабая рентгенографическая плотность грунта.*

Заключение.

Корректирующие реставрационные правки заметны на многих участках живописи, однако не утрачена специфика живописного решения. Технико-технологические данные указывают, что портрет написан в XVIII в., а надписи появились в XIX в.

Второй памятник той же эпохи – портрет великого князя Павла Петровича: вторая половина XVIII века. Холст. Масло. 85 x 69,3. Инв. ВОКМ 27937 (см. цв. вкл., ил. 2).

Был вывезен 20 января 1898 года диаконом С. А. Непеиным от священника Ильинской Кубенской церкви Николая Богословского в Древнехранилище, до революции музей Епархиального Древнехранилища [2]. С 2007 по 2015 год портрет находился на реставрации, реставратор О. В. Карпачёва.

Иконография поколенного парадного портрета восходит к типу юношеского портрета вел. князя Павла Петровича художника П. Ротари. Однако она сильно, почти до неузнаваемости, модифицирована, и отчасти похожа на парадный портрет великого князя Петра Федоровича – тип Г. Гроота. В нем абсолютно идентичны поза и поворот фигуры, жесты и регалии. Так, в правой руке Павла императорский жезл, упираемый в постамент с темно-синей подушечкой, а левая – с отставленным указательным пальцем, придерживает эфес шпаги. На портрете великого князя мы видим точно такой же набор царских регалий, что и на портрете Петра III: орденскую ленту и цепь ордена Св. апостола Андрея Первозванного, звезду ордена на левой груди, на шее орден Св. Анны I степени, горностаевую мантию, накинутую на красный каftанчик, распахнутый спереди. Отсутствует лишь кираса и колет. Портрет почти аналогичен по композиции юношескому портрету Павла Петровича из Вологодского государственного музея-заповедника, ныне входящему в экспозицию парадных залов Иосифовского корпуса³. Однако, по сравнению с ним, художественное решение портрета сильно архаизировано, напоминая по приемам исполнения парсуну: лицо плоское как на иконе и неподвижное, а композиция отличается строгостью простых лапидарных форм. Об этом свидетельствует также текстура полотна – грубый домотканый холст, имеющий узелки и утолщения, напоминающий рогожу, неровные негрунтованные кромки, толстый грунт, давший глубокие грунтовые трещины. Темный, почти без высыплений, коричневый фон,

перекрыт сверху плотным серым цветом. Лицо великого князя, вероятно, пострадало от поздних промывок, на нем хорошо просматриваются нижние прописки: коричневатый подмальевок, возможно, грунт, сплошь перекрытый слоем белил. В теневых частях лица использован серый цвет, который воспринимается как зеленоватый, по контрасту с насыщенно-красной поддумянкой губ и щек. Серый цвет использован также при написании парика и частично глазных яблок. Губы, крылья носа, брови, глаза имеют легкий светло-коричневатый абрис. На выпуклых частях лица: лбу, веках, щеках, надбровных дугах, – использованы белила с неизначительным добавлением красного пигмента. Переходы от света к тени резкие, возможно, от смытого верхнего красочного слоя и лака (см. цв. вкл., ил. 3).

На портрете изменены индивидуальные черты Павла Петровича: например, нос выглядит удлиненным с легкой горбинкой и нависающим в виде капельки кончиком, с резко очерченными крыльями, а подбородок имеет слегка раздвоенную конфигурацию. В отличие от многих других аналогичных портретов Павла Петровича, на которых он представлен в меру своего возраста приветливым, сентиментальным и галантным подростком в духе сервильного этикета того времени, например, у Ротари, Антропова, Эриксена и других, образ Павла в интерпретации нашего автора наделен чертами строгой, почти сакральной серьезности. Бледное, с яркими красными, как бы растянутыми губами и темными зрачками глаз, словно буравящими взглядом зрителя, оно напоминает фантом, ожившую тень своего отца, окончившего свой жизненный путь раньше времени в результате насильственной смерти во время дворцового переворота. Это «портрет-маска», или «портрет-призрак», чем-то напоминающий икону. Есть что-то трагическое в этом неподвижном лице, лишенном улыбки, на котором словно остановилось время, будто оправдывающее вошедший в историю образ будущего императора как «тень русского Гамлета». Возможно, такая интерпретация импонировала всякого рода слухам, распространенным в 70-е годы XVIII века, об ожившей персоне Петра III, реинкарнированной якобы в образе его сына Павла. С именем Павла, как известно, были связаны популистские надежды народа на справедливые реформы, на освобождение крестьянства от крепостного ига, на рыцарское правосудие и честь, и, надо полагать, представленный на портрете образ будущего правителя импонировал определенному кругу провинциального северного русского общества второй половины XVIII века.

Известно, что Вологодский край в XVIII веке был местом ссылки опального оппозиционного дворянства. Достаточно вспомнить, что в течение 20 лет в Вологде в правление императрицы Елизаветы Петровны отбывал ссылку сын полководца Бурхарда фон Миниха – граф Иоганн Эрнст фон Миних с женой и семейством [8]. А позднее,

после дворцового переворота в июне 1862 года – предки поэта К. Н. Батюшкова, в частности, отставной корнет Конной Гвардии Илья Андреевич Батюшков – родной брат его деда Льва Андреевича, участвовал в заговоре против императрицы Екатерины. За это он был сослан в отдаленную Мангазею (Сибирь), где содержался в оковах и «тяжкою работою искупал свою вину». Это не могло не повлиять на весь клан Батюшковых, опала на которых косвенно касалась всех его представителей. Неоднократные просьбы сестры Батюшкова Анны Андреевны (в замужестве Пустошкиной) и племянницы Анны Петровны Толстой к императрице Екатерине с просьбой о помиловании Ильи Андреевича Батюшкова были отклонены [1]. Невольно вспоминается стихотворение Пушкина: «Моя родословная»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался,
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы.
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый.
И я родился мещанин [6].

Наличие памятников, подобных исследуемому портрету, говорит о соответствующих духу времени настроениях у определенной части вологодского провинциального общества, о его менталитете.

Руинированное состояние сохранности не позволяет полностью представить изначальный вид портreta. Многие детали сильно помяты или утрачены вследствие осипей. Однако уцелевшие фрагменты говорят об оригинальном профессионализме художника. Например, заслуживает внимания интересная манера передачи муаровых переливов на сине-голубой Андреевской ленте в виде фактурных извилистых мазочек, нанесенных белилами щетинной кистью, которые, пропуская через себя голубой цвет подкладки, выглядят совершенно прозрачными как водяные струйки (см. цв. вкл., ил. 4). Также необычно в виде рельефных мазков выстроены фактуры кружевной отделки, с помощью только белил различной плотности, или позумент отделки каftана, нанесенный рельефными мазками (тип торцевания) густой коричневой краской с примесью охры (см. цв. вкл., ил. 5). Интересен также абрис левой стороны корпуса фигуры и плеча, усиленный коричневатой лессировкой, который плавно переходит в предплечье, плечо и шею, не нарушая анатомического строения фигуры в целом. При этом колонна слева от фигуры великого князя предельно геометризована и упрощена. Она решена почти в два тона: коричневым и серо-зеленым цветом с небольшими вкраплениями точечных светлых мазков, имитирующих структуру серо-зеленого камня.

Технико-технологические показатели.

Грунт коричневый однослойный плотный толстый. Наполнитель грунта – охра коричневая, включения охры оранжевой, охры красной, черного минерального пигмента, кварца, слюды, имеется примесь глинозёма. Связующее грунта – белковый клей животного происхождения.

На обшлаге рукава ярко-красный цвет состоит из свинцовых белил и киновари ртутной.

Фон серовато-коричневый, при микроскопическом исследовании видны мелкие блестящие частицы. Состав: свинцовые белила, темный коричневый железосодержащий пигмент, черная угольная.

Химические исследования – кандидат химических наук Е. А. Хайбуллина – ведущий научный сотрудник ВХНРЦ.

Заключение Т. В. Максимовой о технико-технологическом исследовании портрета великого князя Павла Петровича.

Анализ элементов послойной структуры картины.

Основа – холст (дублирован), сшивной, состоит из двух кусков ткани. Холст крупнозернистый, грубый, простого полотняного переплетения. Плотность нитей основы и утка 8 (9) x 5 в 1 кв. см. Нити основы располагаются в полотне вертикально, а нити утка горизонтально. Холст типа рогожки. Шов вертикальный. Ширина левого полотна 48 – 49 см, а правого 22 см.

Кромки присутствуют со всех сторон, но сохранность их разная. Слева ткацкая кромка. Вероятно, на шов приходятся ткацкие кромки. Ширина цельного полотна, вероятно, была 50 см.

Грунт – желтый, клеев-меловой (?), вероятно, в его составе имеется желтая охра. Слой грунта толстый, на поверхности живописи наблюдается крупный и жесткий грунтовой кракелюр. Края кракелюра немного раздвинуты.

Фактура живописи и ее сохранность.

Красочные слои плотные, но с использованием тональных лессировок. Например, на красном участке одежды можно наблюдать слой киновари, а сверху вишневый лак (малиновый органический пигмент). Подобная структура создает насыщенный красный цвет. Синяя лента написана индиго (?). На коричневой одежде сохранились остатки темно-коричневых лессировок. Конструктивно и живописно (фактурным мазком) решены белые кружева.

Алмазы изображены настолько умело, что создается впечатление яркого сияния света на их гранях.

Красиво написана горностаевая мантия. Черные хвостики изображены мазком, а сверху на жимом кисти нанесены белила.

Рентгенографирование выявило следующее:

1. крупнозернистый холст, простого полотняного переплетения;
2. средняя рентгенографическая плотность грунта.

Заключение.

Сохранность портрета великого князя Павла Петровича не позволяет в полной мере оценить живописное мастерство автора. Портрет неоднократно поновлялся в более позднее время. Можно сказать, что он написан в оригинальной живописной манере. Вероятно, художник обладал немальным дарованием⁴.

Итак, на примере двух царских портретов второй половины XVIII века мы наблюдаем определенную зависимость в трактовке образа монарха от менталитета общественной среды провинциального общества Вологды того времени, его представлений о роли царской личности в истории.

Выстраивая систему живописного решения, художник применяет простые, но выразительные формы пространственного и колористического отношений. Несмотря на сравнительно простые материалы и небогатую палитру, он добивается острой выразительности в трактовке образа, отличающегося предельной искренностью и прямотой. Такие портреты являются не только памятниками, но и своеобразными документами эпохи провинциальной России, характерными для русского севера. В контексте объективного и наиболее полного изучения историко-культурного наследия эти произведения могут заполнить пустующие лакуны и занять достойное место в истории отечественного искусства.

¹ Иван Грозный – царь Иоанн IV Васильевич (1530 – 1584). Сын великого князя Василия Иоанновича III и Елены Глинской. С 1533 года государь всей Руси под опекой матери Елены Глинской. Коронован на царство в январе 1547 года. При нем был составлен новый Судебник, в Москве был учрежден печатный двор и напечатаны первые книги. Митрополит Макарий собрал и напечатал Минеи.

² Андрей Березин – вологодский художник из рода Березиных, работавших в XVIII и в XIX вв. Упоминается в публикациях М. Е. Даен [3].

³ ВГИАХМЗ. Инв. ВОКМ 8770. Х., м. 89 х 72. Реставрирован в 1978 – 1982 годах О. В. Карпачёвой под руководством реставратора Л. И. Яшкиной (ВНИИР).

⁴ Результаты технико-технологических исследований портретов предоставлены реставратором О. В. Карпачёвой с разрешения научного сотрудника Е. А. Хайбуллиной, а также искусствоведом-экспертом Т. В. Максимовой, проводившей плановые комплексные исследования произведений живописи в Вологодском государственном музее-заповеднике в 2013 году в рамках подготовки научного каталога.

Литература

1. Барсуков А. П. Батюшков и Опочинин : (попытки дворян. оппозиции в царствование Екатерины II) / А. Барсуков // Древняя и новая Россия : ист. ил. ежемес. сб. – 1878. – Т. 3, № 12. – С. 287–309.
2. ВГИАХМЗ. Ф. 560. Л. 58–59.
3. Даен М. Е. Еще одно произведение художника Березина : (атрибуция портр. морского офицера из собр. Вологод. гос. музея-заповедника) / М. Е. Даен // Памятники культуры. Новые открытия : письменность, искусство, археология : ежегодник / [Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры ; сост. Т. Б. Князевская]. – Москва, 1999. – 1998. – С. 335–340 : ил. – Библиогр. в примеч. в конце ст.
4. Исторический уголок города Вологды / изд. Вологод. губ. земства. – Вологда : Типография губернского правления, 1911. – 23 с., [1] л. ил.
5. Максимова Т. В. Отчет за 2013 год / Т. В. Максимова // Архив ВГИАХМЗ.
6. Пушкин А. С. Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом...») / А. С. Пушкин // А. С. Пушкин об искусстве : в 2 т. / сост., предисл. и comment. А. А. Вишневского. – Москва, 1990. – Т. 2. – С. 180–183.
7. Ружникова Е. И. Династическая портретная галерея Архиерейского дома в г. Архангельске / Е. И. Ружникова // Сборник научных докладов по материалам конференции «Новые открытия портретного искусства Северо-Запада XVII – начала XX в.» / Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник ; [гл. ред. М. Е. Даен]. – Вологда, [2006?]. – С. 38–48 : ил. – Библиогр. в примеч. в конце ст.
8. Суворов Н. И. Граф Иоганн Эрнст Миних в Вологде / Н. Суворов // Вологодские епархиальные ведомости. – 1867. – № 13. – С. 494–495.
9. Чубинская В. Г. К вопросу о жанровой специфике генеалогической персонографии / В. Г. Чубинская // Сборник научных докладов по материалам конференции «Новые открытия портретного искусства Северо-Запада XVII – начала XX в.» / Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник ; [гл. ред. М. Е. Даен]. – Вологда, [2006?]. – С. 30–37 : ил. – Библиогр. в примеч. в конце ст.

Колесова М. Л.
(Вологда)

УСАДЕБНЫЙ ТУРИЗМ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: В статье рассказывается о явлении усадебного туризма, его объектах и истории развития как в мире, так и конкретно в России. Приводятся сведения о сохранности исторических усадеб на территории России и о состоянии усадебного туризма на современном этапе.

Ключевые слова: усадебный туризм, исторические усадьбы, памятники культуры.

Современное развитие туристского бизнеса интенсивно идет в различных направлениях, одним из которых является так называемый усадебный туризм. Термин как таковой появился в России, но сам туризм, объектом которого является историческая усадьба, поместье или замок с садово-парковым комплексом, сложился в мире довольно давно.

За рубежом родовые гнезда привилегированного класса давно стали доходным местом для их владельцев, поскольку среднестатистическому представителю среднего класса очень интересно провести некоторое время в овеянном легендами старинном доме, притронуться к перилам скрипучих лестниц, по которым поднимались благородные предки нынешних хозяев, осмотреть интерьеры и коллекции, собираемые на протяжении длительного времени, познакомиться с легендами и преданиями старинных домов, где по ночам таинственно хлопают двери.

Впервые старинные фамильные усадьбы были открыты для посетителей в Европе (Италия, Англия, Франция) в XVIII веке. Обедневшие представители аристократических фамилий вынуждены были открыть часть помещений для публичного доступа с целью получения дохода, который был предназначен для содержания как самой усадьбы, так и художественных коллекций. Путешественники с удовольствием посещали усадьбы известных фамилий, изучали интерьеры и художественные собрания, гуляли по парку, приобщаясь к истории своей страны. Опыт оказался настолько удачным, что ему последовали и вполне благополучные владельцы исторических усадеб. До настоящего времени это процветающий фамильный бизнес.

Однако, одним осмотром дома и парка иностранные туристы не ограничиваются. В последние годы стало возможным не только посетить старинную усадьбу с экскурсией, но и «погостить» в ней.

Программа пребывания обычно включает в себя все удовольствия, доступные хозяевам и гостям усадьбы в прошлом: прогулки верхом, балы, охота и т. д. Ко всему вышеперечисленному можно отнести и еще одну услугу – продажу искусственных и добротно выполненных сувениров. Например, в Румынии, в Трансильвании, изготовление сувениров едва ли не поставлено на конвейер и является одним из важнейших занятий местного населения. Местные жители довольно неплохо зарабатывают, изготавливая на радость туристам безделушки-страшилки, которые посетители замка Бран, резиденции графа Дракулы, быстро раскупают.

В мире имеется множество объектов усадебного туризма, у которых ярко проявляются региональные особенности. Разберемся в различиях и сходствах «усадеб» той или иной страны и начнем с России. Для нашей страны характерно такое понятие как усадьба.

Усадьба – комплекс жилых, хозяйственных, парковых и других построек, составляющих одно хозяйственное и архитектурное целое. Традиционные крестьянские усадьбы включали избу, гумно, хлев, конюшню и др. В XVII – XIX веках сложился тип помещичьей усадьбы (барский дом, обслуживающие постройки, парк, церковь и т. д.) Существовали и городские усадьбы (дом, служебные корпуса, сад) [1]. Неотъемлемой частью русской усадьбы являлся парк, который составляет единое целое с комплексом [9]. Российские усадьбы имеют ряд особенностей, влияющих на их внешний вид и позволяющих сгруппировать их следующим образом:

1. боярские усадьбы XVII века;
2. помещичьи усадьбы XVIII – XIX века;
3. городские усадьбы XVIII – XIX вв.

Конечно, ряд усадеб не остался без внимания туристов. Некоторые из них получили известность как важные центры культурной жизни. Например, Талашино, где в свое время были созданы школы для крестьянских детей, театр, куда приезжали работать известные люди, например, М. А. Врубель, Н. К. Рерих. Другие прославились за счет знаменитых владельцев. Например, Болдино, которое тесно связано с именем А. С. Пушкина.

Синонимами усадьбы являются термины мыза и фольварк. Мыза (эстонское) – усадьба, поместье, загородный, путевой дворец. Термин употребляется в России с 1701 года в связи с завоеванием части прибалтийских земель в ходе Северной войны 1700 – 1721 гг. Фольварк (folwark от нем. Vorwerk – хутор) – польское наименование помещичьего хозяйства, усадьбы, обособленного поселения, принадлежащего одному владельцу, помещичье хозяйство [3].

Близким по значению и выполняемым функциям понятием является термин поместье. Данное понятие встречается и в России, и в Европе. Поместье – разновидность земельного владения, которое давалось за воинскую службу в России в конце XV – начале

XVIII веков. В XVIII веке поместье объединилось с вотчиной, после чего появилось такое понятие как имение.

Имение – это дача, не только предназначавшаяся для жилья летом, но и устроенная таким образом, чтобы летом она была прохладна, а зимой тепла. Сначала эти дачи отличались простотой и незатейливостью, но позже, после знакомства с восточной роскошью, они строились все великолепнее и пышнее. Настоящая *villa rustica* имела сельскохозяйственное значение, возле входа находилось помещение управляющего, на втором этаже жил счетовод. Возле управляющего помещалась прислуга и далее земледельческие орудия. Очень обширная кухня и вместе с тем жилая комната и столовая для прислуги была обращена во двор. Рядом с кухней был курятник, в верхнем этаже или башне – голубятни. Хозяйственный двор находился среди других построек, посреди двора был водоем для скота. Помещение для хранения масла, вина, соломы, сена находились в нижнем этаже, для сухих плодов – в верхнем. В некотором отдалении помещались пекарня, мельница и гумно.

Совершенно непохожими на эти дачи были красивые и удобные загородные дома очень зажиточных людей, окруженные садами из плодовых деревьев, виноградных лоз, маслин, цветов и т. д. Они имели особые помещения для лета и зимы, для тех же целей служили и крытые ходы, предоставлявшие летом тень, а зимой тепло. Необходимой принадлежностью этих дач были пруды для рыбы, птичники, а также парки и зверинцы для охотничих увеселений и пчельники. Окрестности украшались с большим искусством, внутри здания устраивались купальни и помещения для игр, большие столовые, комнаты, открывавшие великолепные виды, кабинет со всевозможными удобствами [4]. Такие владения можно встретить в России и на территории Европы (Германия, Франция).

Имения выполняли разные функции, делились на родовые и заповедные. Так как большие различия у данных разновидностей в настоящее время отсутствуют, их можно отнести к одной категории привлекательных туристских мест.

Аналоги поместья в Испании и Латинской Америке называются асьендаами; в Аргентине, Чили и Уругвае – эстансиями; а в Бразилии – фазендами. Эстансия – крупное поместье, обычно скотоводческое. В первоначальном виде это большое поместье, другими словами, земельное владение. Чтобы управлять эстансией, хозяева строили здание, которое впоследствии тоже стали называть этим термином. То есть в современном понимании эстансия – это некое жилое сооружение, вокруг которого развернулись значительные по размеру земельные угодья. Синонимами являются асьенда и фазенда. Для всех этих разновидностей поместья характерны прилегающие к домам хозяйствственные постройки, так как владельцы занимались земледелием и разведением крупного рогатого скота [1].

Следующим близким понятием является замок. Первоначально во времена их расцвета в средневековье эти строения сочетали в себе жилые и оборонительно-фортификационные задачи, но по прошествии времени осталась только одна функция – жилая.

Замок – укрепленное жилище феодала. Слово «замок» заимствовано из польского языка в XVII веке. Замок возводился в труднодоступной местности, например, на островах, в излучинах рек, на высоких холмах, в горах. Наибольшее распространение замки получили в Западной Европе в IX – XIV веках. Первоначально они представляли собой деревянную башню, обнесенную палисадом и окружённую валом и рвом. Постепенно замок стал превращаться в сложный комплекс оборонительных сооружений. В XV – XVI веках в связи с развитием артиллерии замки потеряли военное значение крепостей, в их композиции главную роль начали играть дворцовые здания. В дальнейшем замки были вытеснены городскими и загородными дворцово-парковыми комплексами. На Руси замки представляли собой деревянные дворцы, окруженные бревенчатой оградой, но известны также каменные замки, например, Андрея Боголюбского около Владимира и др. Остатки каменных замков XII – XVI веков сохранились на территории Белоруссии, Украины, Азербайджана и Грузии [5].

Многие думают, что замки характерны только для Европы, но это не так. Такие постройки можно встретить на ближнем Востоке, куда их принесли крестоносцы, и в Японии, где они развивались без какого-либо контакта с Европой. Ярким примером японского замка может служить замок Химедзи («замок белой цапли») – популярное место среди туристов.

В настоящее время замки выполняют декоративную функцию, некоторые из них превращаются в рестораны, другие становятся музеями, некоторые после реставрации сдаются в аренду или продаются частным лицам и, конечно, они являются привлекательным местом для туристов.

Также часто мы можем столкнуться с таким понятием как дворец. В основе своей это дома царствующих или влиятельных лиц государства. Дворец – монументальное парадное здание. Первоначально этим словом обозначалась только резиденция君主 (властителя), позднее – представителей высших слоев общества, в XIII – XV веках дворцами стали называть также важнейшие здания органов государственной власти, а с XIX века – особо значительные сооружения различного общественного назначения [1].

Дворцы включают в себя жилые постройки и частично садово-парковые комплексы. В настоящее время некоторые из них сохранили свои исторические функции (Англия), а некоторые стали открыты для посещения туристами.

Говоря о дворцах, нельзя не упомянуть о дворцово-парковых ансамблях с ярко выраженной архитектурой разных стилей и времен и садово-парковом искусстве. Это все является масштабной загородной резиденцией с комплексом жилых зданий, садов, парков, искусственными и естественными водоёмами. В настоящее время большинство этих объектов является природными, культурно-историческими и архитектурными памятниками. Примерами могут служить Петергоф и Версаль.

Разновидностью дворцово-парковых комплексов является итальянская вилла. Вокруг виллы были разбиты огромные сады, связанные с архитектурой здания и созданные для проведения праздников и различных торжеств. Самое важное то, что они не выполняли никаких хозяйственных функций.

В заключение упомянем о таком виде усадеб как колониальное поместье. Территория распространения данных сооружений является Латинская Америка, где поместья выполняли в основном хозяйственную роль. На прилегающих территориях располагались плантации, для функционирования которых владелец привлекал большое количество наемных работников из других стран. На современном этапе в таких зданиях располагаются отели, гостиницы, некоторые из них выкуплены частными лицами, некоторые служат местами посещения туристов. Они в основном имеют жилую, рекреационную и познавательную функции.

Россия на современном этапе развития проходит путь духовного возрождения и восстановления исторических и религиозных памятников и святынь. Все чаще используется, приобретает особую ценность и значимость понятие «наследие», которое появилось в нашем словаре только в последние десятилетия.

Рассмотрение всего комплекса наследия позволяет говорить о неразрывности культурного и природного наследия. Это относится к ситуационному единству собственно памятника и окружающей его среды, которое составляет их функциональное взаимодействие. Четкое понимание единства культурного и природного наследия лежит в основе формирования системы историко-культурных и природных территорий. В этом качестве могут выступать старинные усадьбы, монастырские комплексы, поля великих сражений и т. д.

Структурные изменения происходят и в культурной сфере. Среди них выделяется тенденция, имеющая отношение к вопросу взаимодействия музеев-усадеб и туризма, а именно развитие сектора специализированного программного музейного туризма, начало которого относят к 1980-м годам. В это время появились и стали развиваться такие направления, как организация для потребителя индивидуальных, а иногда и уникальных туров, а также специализированных туров, связанных с программами изучения

русской культуры, русского языка, знакомством с историческими местами и паломнических туров [2].

Иностранные туристы едут в Россию за самобытностью, за русским духом, который еще сохранился в старинных русских усадьбах. Российские туристы тоже проявляют интерес к своему историческому и архитектурному наследию. Наиболее востребованными в настоящее время являются музейные ценности и раритеты, мемориалы, связанные с русской историей и культурой. Музей-усадьба в этой связи выступает символом культуры, перед которым стоит задача уловить и учесть интересы аудитории [8].

По данным Фонда возрождения русской усадьбы, в дореволюционной России насчитывалось несколько десятков тысяч усадеб. Общее количество усадеб некоторые эксперты оценивают в 40 тысяч и выше. Но из этих нескольких десятков тысяч уникальных усадебных комплексов в настоящее время обрели свой первозданный вид очень небольшое количество музеев-усадеб. Остальные находятся в тяжелом состоянии и нуждаются порой в немедленном спасении.

Понятие «русская усадьба», по мнению специалистов, менялось с течением времени. В XVII век усадьба имела явно выраженный хозяйственный уклон. Период расцвета начался с середины XVIII века и продолжался весь XIX век. В этот период были созданы крупнейшие загородные резиденции вокруг Санкт-Петербурга и Москвы, сформировались усадебные ансамбли, включавшие в себя не только архитектурные постройки, но и регулярные английские и французские парки с системой водоемов и фонтанов.

С начала XX века усадьба стала приобретать символическое значение «дач» – загородного дома, где в основном протекала летняя жизнь городских жителей. Усадебный комплекс представлял собой особый мир, обустроенный в соответствии с запросами и возможностями владельцев. Сотни разбросанных по стране дворянских усадеб были, в некотором смысле, островками европейской культуры в российской глубинке. В провинциальных усадьбах можно было увидеть постройки известных зодчих, сады с экзотическими растениями, предметы мебели, изобразительного и прикладного искусства, работы знаменитых столичных и зарубежных мастеров. А рядом с ними существовали творения местных архитекторов, столяров, живописцев, уступающие в чистоте стиля, но нередко исполненные своеобразной выразительности [5].

После революции судьба русских усадеб была очень непроста. По мнению М. Шорохова, в нашей стране проводился длительный социальный эксперимент, негативное влияние которого оказывается в настоящее время. В годы революции и послереволюционный период многие усадьбы были не только разграблены, но и попросту разрушены. В результате целенаправленной политики большинство

сохранившихся усадеб были отданы под туберкулезные, психиатрические больницы, военные и прочие закрытые институты, учреждения [6].

В настоящее время увеличивается интерес к усадебному туризму, но если на государственном уровне можно привести позитивные примеры развития этого направления в туризме на основе использования культурного наследия, а именно старинной русской усадьбы, то на региональном уровне дело обстоит куда сложнее.

Есть показательные усадьбы, расположенные рядом с крупными центрами, такие как Абрамцево, Кусково, Останкино. Их не так много – всего несколько десятков. Долгое время у государства не было средств на их восстановление. Но некоторые усадьбы получили финансирование. Например, усадьба Шахматово в Подмосковье, несмотря на то, что она находится в отдалении от села и транспортных путей. Восстановлены Пушкинские места. В хорошем состоянии музей-усадьба «Горки», подмосковная усадьба А. П. Чехова, московская усадьба «Кузьминки-Люблино». Интересен архитектурно-парковый ансамбль усадьбы Кусково в Москве, настоящая жемчужина русской усадебной культуры XVIII века, получившая известность как летняя загородная резиденция одного из богатейших вельмож России – графа П. Б. Шереметьева [5].

Существует очень мало усадеб, которые восстанавливаются непосредственно под руководством наследников их владельцев. В качестве такого позитивного примера можно привести знаменитую Ясную Поляну, феномен исторической и культурной жизни России, директором которой работает Владимир Ильич Толстой. Усадьба Льва Толстого одна из первых вышла за рамки традиционных представлений о музее, где можно посмотреть лишь экспозиции. Здесь взят курс на постоянное воссоздание Ясной Поляны периода ее расцвета. Большое внимание уделяется разработке туристских программ, привлекательных как для россиян, так и для зарубежных туристов. Примером этого служит деятельность существующего при музее агентства «Толстой – Ясная Поляна», предлагающего кроме посещения музея-усадьбы с фамильным кладбищем Толстых и другие маршруты. Другим подобным примером является подмосковная усадьба Середниково, которая была восстановлена под руководством наследника Михаила Юрьевича Лермонтова.

На региональном уровне тоже имеется позитивный результат, например, опыт Пензенской области, которая активно использует усадьбу М. Ю. Лермонтова в Тарханах в качестве Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» и тем самым способствует развитию усадебного туризма в области и в России в целом.

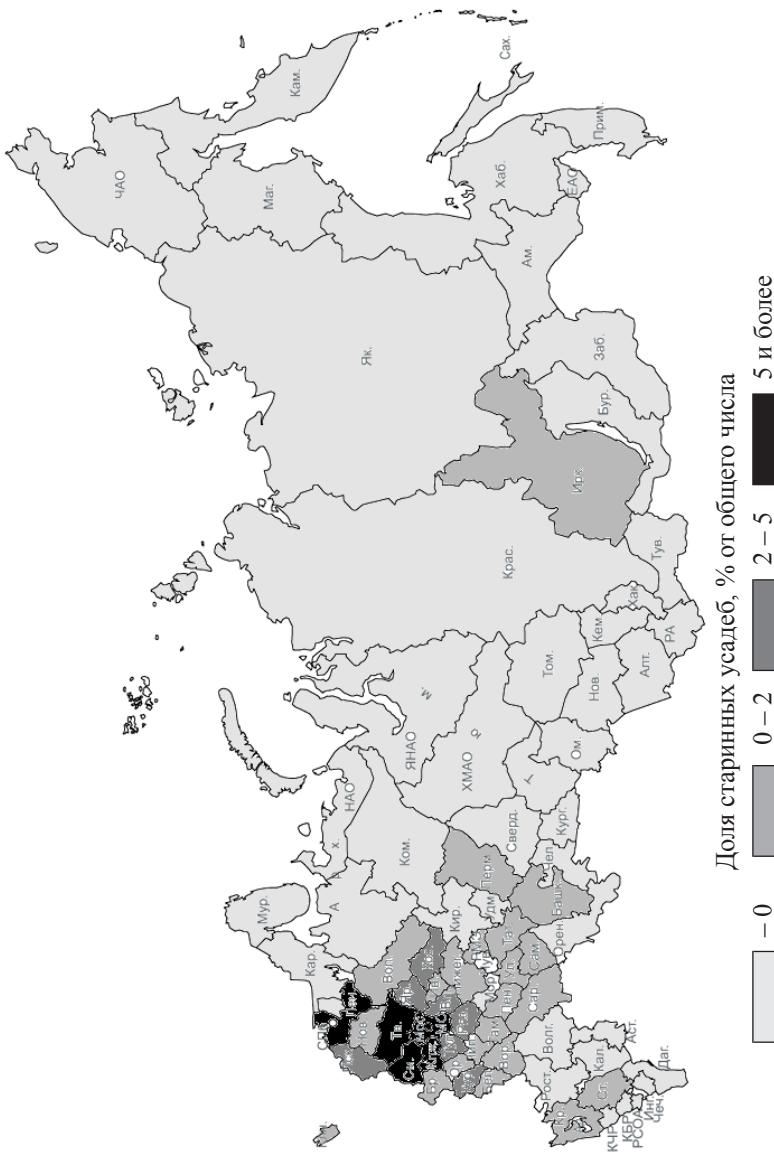

Рис. 1. Доля старинных усадеб по субъектам Российской Федерации

Все вышеперечисленные усадьбы находятся в хорошем состоянии, постоянно реставрируются за счет государственного бюджета и инвесторов, успешно функционируют и приносят неплохую прибыль как объекты, привлекающие туристов [5].

Однако в последнее время государственное финансирование сокращается, и даже среди очень известных усадеб-объектов туристского интереса увеличивается число усадеб, требующих неотложной помощи, защиты, спасения. Примером может служить усадьба князя Юсупова Архангельское, русский Версаль, сравнимый с Петродворцом. Долгие годы усадьба балансирует на грани разрухи, да и теперь бюджетное финансирование, выделенное на реставрацию, урезается практически вдвое. Единственное спасение Фонд возрождения русской усадьбы видит в поиске инвесторов, способных вложить в реставрацию не менее 400 миллионов рублей.

Для того, чтобы создавать туристские маршруты, их необходимо продумывать, начиная от сервиса, подъездных путей и заканчивая элементарными санитарными удобствами. Все это должно быть на современном уровне. Для этих целей необходимо привлекать ресурсы инвесторов, должна реализовываться прагматичная государственная политика, способствующая направлению необходимых средств на восстановление памятников культуры нашей страны.

В целом по России в настоящее время сохранилось 1234 усадьбы (см. рис. 1), степень их сохранности различна [7]. Большая часть усадеб находится в центральной России, как староосвоенном районе. В Сибири сохранилось очень мало усадебных комплексов. И хотя в литературе рассматривается усадебная культура Сибири (в основном связанная с купечеством), но конкретные названия объектов не приводятся. Исключение – усадьбы ссыльных декабристов в Иркутске – князей Волконских и Трубецких.

В настоящее время существуют общественные организации, занимающиеся проблемами сохранения старинных русских усадеб. Это Общество изучения русской усадьбы и Фонд возрождения русской усадьбы. Они проводят большую организаторскую и просветительскую работу, стараясь сделать все возможное для сохранения старинных усадеб как объектов историко-культурного и природного наследия.

Фонд возрождения русской усадьбы формирует базу данных по усадебным комплексам – культурно-историческим памятникам, проводит комплексное обследование, мониторинг состояния усадеб на территории России. Им проведены тематические выставки-путешествия по усадьбам, в том числе в Совете Федерации и Госдуме. Фонд занимается информационно-просветительской деятельностью. Например, при поддержке Фонда была издана

книга Н. И. Завьяловой «Усадьба Середниково» о лермонтовских местах в Подмосковье, десятки других научных материалов и статей. Выстроен план дальнейших публикаций, в частности, поддерживается издание сборника «Русская усадьба» – ежегодного альманаха Общества изучения русской усадьбы. Фонд работает с молодежью, подростками, в частности, совместно с Детским экологическим движением «Зеленая планета» был проведен конкурс творческих работ и журналистских расследований на тему «Далекое и близкое старинных усадеб».

Сейчас Фонд возрождения русской усадьбы и Общество изучения русской усадьбы работают над проектом создания Свода Книг усадеб Российской Империи, в рамках этого проекта будут созданы черная, красная и белая Книги.

В черную книгу войдут усадьбы, безвозвратно потерянные для грядущих поколений, неизвестны измененные, полностью разрушенные, в белую – забытые, брошенные усадьбы. В еще одну книгу – красную – войдут усадьбы, требующие неотложной помощи, защиты, спасения. Создается информационная сеть усадьбоведов в регионах, которая должна объединить региональных экспертов [5].

Таким образом, наследие, в качестве которого мы рассматриваем старинные усадьбы и парки, выступает как фактор социокультурного и туристского развития отдельных районов. Оно обеспечивает развитие территорий именно на базе использования этого специфического ресурса. Для ряда территорий ориентация на ресурсы культурного наследия становится одной из реальных возможностей экономического и социального подъема.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. И. Лапина. – Москва : АСТ, 2008. – 1248 с. – (Современная энциклопедия).
2. Веревкин А. В. Музей-усадьба / А. В. Веревкин // Туризм: практика, проблемы, перспективы. – 2011. – № 3.
3. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : [в 10 т.] / В. Власов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004–2010. – 10 т.
4. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей [Электронный ресурс] : св. 11700 с., ок. 8100 ст. / Ф. Любкер. – Москва : DirectMedia [и др.], сор. 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска. – Систем. требования: IBM PC 486 и выше ; 16 MB RAM ; CD-ROM ; SVGA ; Windows 95/98/ME/NT/XP/2000.
5. Потапов С. Русская усадьба – далекое и близкое [Электронный ресурс] : [интервью с Президентом Фонда возрождения рус. усадьбы С. Потаповым] / [записал кор. журн.] // Туризм в России. – Режим доступа: <http://www.rostur.ru/interview/447/index.shtml>.

6. Рассказ на экскурсии : (метод. рекомендации) / Центр. совет по туризму и экскурсиям, Экскурс. упр. ; [разраб. М. М. Илюхин]. – Москва : Центральное рекламное информационное бюро «Турист», 1981. – 40 с.
7. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. / [гл. ред. П. А. Клубков]. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС ; Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. – 3 т.
8. Шляхтина Л. М. Основы музеиного дела : учеб. пособие для студентов пед. и гуманитар. вузов / Л. М. Шляхтина, С. В. Фокин ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Рос. акад. образования, Сев.-Зап. отд-ние, Гос. Рус. музей. – Санкт-Петербург : СпецЛит, 2000. – 160 с.
9. Шорохов М. Усадебный туризм России / М. Шорохов // Туризм: практика, проблемы, перспективы. – 2000. – № 2.

Белова С. Ю.
(с. Даниловское)

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ СЕЛА ДАНИЛОВСКОЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию истории церкви Во Имя Спаса Нерукотворного Образа в с. Даниловское Устюженского района, построенной и содержавшейся за счет средств рода Батюшковых, с момента строительства до полного разрушения.

Ключевые слова: церковь, Батюшковы, священнослужители, община.

«Божьей Матери смиренный Димитрий архистратиг Великого Новгорода. По благодати и власти всевышнего духа данного нам, от самого великого господа нашего Иисуса Христа, благословили мы епархии нашей Бежецкого уезда, Есенецкого стана, в селе Даниловского вновь построенную церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа, благословленная грамота писана и дана 1760 года марта 8 дня» [12]. Так началась история одной из церквей земли Устюженской.

Первоначально в церкви села Даниловского было два придела: Нерукотворного Спаса и Святого Андрея Первозванного. В феврале 1773 года Лев Андреевич Батюшков, дед поэта, подает прошение о закрытии деревянной часовни в селе Шилово «по малости прихода оной и прочим резонам...» [13]. В марте этого же года получает грамоту от епископа Антония Олонецкого и Каргопольского об упразднении часовни во имя Архистратига Михаила, с пределом Спасителя Николая Чудотворца в селе Шилово. Образа, книги, ризы и прочая церковная утварь были перенесены в село Даниловское «... упраздненной настоящей архистратига Михаила церкви и предела Спасителя Николая пристроить к показанной в селе Даниловском каменной церкви, два каменных предела с тем же наименованием...» [13].

В «Формулярных ведомостях по церквям Устюженского уезда» за 1842 год значится, что в церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа села Даниловского, «построенной в 1760 году старанием и доброхотными дателями. Здание каменное с таковою колокольнею» [16], четыре престола «в настоящей холодной Нерукотворного Спаса, 2-й Святителя и Чудотворного Николая, 3-й Архистратига Михаила, 4-й в теплой Святого Андрея Первозванного ... Земли при сей церкви три десятины и припиской Новинской... Дома у священно-церковнослужителей свои собственные, деревянные, построены на церковной земле. Зданий принадлежащих оной церкви нет, кроме деревянных часовен в деревнях – Шилово, Шустово, Дягилево. Приписанная к ней церковь Новинская во Имя

Святителя и Чудотворного Николая построена в 1799 года зданием деревянная с таковою колокольней. Опись церковного имущества есть, сделана 1829 года, скреплена присутствующим Николаем Дьяковым, и утверждена печатью Духовного правления ...» [16].

С 1839 года священником церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа села Даниловского назначен Андрей Иванович Перетерский, пономарский сын. По окончанию богословского курса Новгородской семинарии был уволен с «аттестатом 1821 года 2 разряда июля 18 дня» [14]. В 1822 году преосвященным Епископом Старорусским Селивестром был «посвящен» к церкви Рождества Иисуса Христа, находящейся в селе Городищи Боровичского уезда. В феврале 1828 году был переведен в город Устюжну, в церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы, где прослужил 11 лет [14].

Андрей Иванович Перетерский прослужил в Даниловской церкви пятнадцать лет, до своей кончины в 1854 году. После смерти Перетерского в Даниловскую церковь был переведен священник Павел Иоаннович Попов, дьяконский сын. В 1853 году он окончил богословский курс Новгородской семинарии. Через год преосвященным Антонием Епископом Старорусским был переведен в церковь села Даниловского. В 1841 – 1844 годах он выбирался гласным Устюженского Земского Собрания, а также служил на должности депутата Епархиального съезда и училищного округа, по выборам духовенства избирался на должность помощника благочинного в течение шести лет.

В «Формулярных ведомостях по церквям Устюженского уезда» за 1877 год указано, что Павел Иоаннович Попов «с 1861 года проходит должность законоучителя в Даниловском сельском училище им самим вторично построенным в 1846 году, по плану Земства. Училище содержит на свой счет, и выдает от себя 50 рублей, дополнительного оклада учителю» [15]. В 1873 году за устройство училища и безупречный труд в сфере народного образования награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

С 1829 года хозяином усадьбы Даниловское стал Помпей Николаевич Батюшков. В «Формулярных ведомостях по церквям Устюженского уезда» 1859 года за «генералом П. Н. Батюшковым числится село Даниловское с дворовыми людьми, деревни – Трестенка, Терешиха, Шилово, Дягилево, Высотино, Брилино, Шустово, Заручевье, Кормовесово, Селиверстово» [17], более 600 человек, мужского и женского пола.

В 1854 году Помпей Николаевич просит дозволения в епархии перестроить из-за ветхости часовню в селе Новинки. Получив дозволение, приступает к перестройке часовни за свой счет. В этом же году П. Н. Батюшков приступает и к строительству пристройки теплого придела в церкви села Даниловского, так же за свой счет,

совместно с сестрой Юлией Николаевной Зиновьевой (в девичестве Батюшковой). Стараниями Помпея Николаевича и его сестры церковь в селе Даниловском содержалась в надлежащем порядке.

В 1857 году П. Н. Батюшковым был составлен план села Даниловского «с описанием расположения строений, сада и прочего под номерами», где под номером 19 были указаны церковь и сельский погост. Погост при церкви был освящен в 1859 году, после получения П. Н. Батюшковым соответствующего разрешения. До наших дней от старого погоста фактически ничего не сохранилось.

Священнослужители церкви села Даниловское проживали в деревне Попиха, местные жители называли это место «попов пуп». Она находилась между деревней Даниловское и Трестенка, но до наших дней деревня не сохранилась. В деревне Попиха проживал священник Даниловской церкви – Алексей Слезкинский. В церкви села Даниловское он служил с 1906 года.

Алексей Слезкинский окончил курс Новгородской духовной семинарии в 1880 году. В течение семи лет он был помощником Благочинного 3-го Устюженского округа. В 1898 году он был избран духовником Устюженского округа и состоял в этой должности до самой смерти. В 1901 году был награжден камилавкой.

По приглашению своего друга, Ф. Д. Батюшкова, с 1906 по 1911 год в Даниловском бывал А. И. Куприн. В мае 1906 года он приехал сюда со всей своей семьей. В своих письмах к управляющему имением Ивану Арапову писатель всегда передавал поклон «отцу Алексию, матушке, псаломщику с семейством» [11]. Писатель неоднократно бывал в деревне Попихе: в доме отца Алексия Слезкинского и в доме псаломщика Ивана Потаповича Соболева.

В своей книге «Годы молодости» супруга А. И. Куприна Мария Карловна очень подробно описывает все события, происходившие в Даниловском.

В ее воспоминаниях нет описания церкви, но есть упоминание о том, что кладбище и церковь были отделены от парка забором, у которого росли декоративные кусты. Описывает Мария Карловна и некрасивый поступок управляющего имением, принятого Ф. Д. Батюшковым на должность по рекомендации помещика Штемпеля. Управляющий настолько жестко обращался с крестьянами, что Федор Дмитриевич, устав от жалоб, его уволил. «Тогда он выкопал и перевез в свое имение всю белую акацию и кусты роз, оголив таким образом ветхий забор, который отделял парк от кладбища и старинной церкви» [4].

Описание церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа встречается в воспоминаниях Е. Н. Батюшковой, племянницы последнего хозяина Даниловского: «Из Устюжны в Даниловское мы ехали

по такой дороге, что колеса поминутно увязали в глубочайшей грязи. Первое, что мы увидели, подъезжая к Даниловскому, – это была высокая желтая, с зеленым куполом колокольня старой церкви, которая далеко господствовала над местностью. Как часто я слушала потом ее задушевный «вечерний звон»! Обогнув кладбище и “страшный” обрыв, который я постоянно потом представляла себе, читая “Обрыв” Гончарова, мы проехали мимо густых зарослей высокой сирени, росшей вдоль забора, и въехали в скрипучие ворота...» [2].

Личная жизнь Ф. Д. Батюшкова не сложилась. Его семьей стали трое маленьких детей его брата Николая – Елена, Марианна, Алексей. В 1913 году они приехали из Петербурга в Даниловское. Дети жили в Даниловском, вместе со своей бабушкой – Ю. Х. Мецлер, до национализации усадьбы.

В фондах краеведческого музея г. Устюжны хранится и единственная акварель с изображением церкви с. Даниловское, выполненная единокровным братом Е. Н. Батюшковой – Василием Николаевичем Батюшковым. Он также приезжал в Даниловское, в гости к своему дяде. В это время он учился в Санкт-Петербурге в студии К. Ф. Юона и жил на квартире Ф. Д. Батюшкова. В 1913 году именно Василий Николаевич сделал набросок карандашом здания церкви. В следующий раз В. Н. Батюшков приехал в Даниловское в 1970-е годы, чтобы работать над созданием цикла работ, посвященных поэту К. Н. Батюшкову [2]. Здание уже утраченной в это время церкви он рисовал акварельными красками по памяти. После смерти В. Н. Батюшкова более его 100 акварельных работ были переданы в дар музею.

В период пребывания в Даниловском племянников профессора Ф. Д. Батюшкова, священником в церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа служил Сергей Петрович Лавров, родившийся в 1884 году и назначенный на эту должность после смерти А. Слезкинского в 1908 году. С. П. Лавров окончил курс Новгородской духовной семинарии, с 1906 по 1908 год он служил учителем церковно-приходской школы в деревне Шемячиха Устюженского уезда. После назначения в Даниловскую церковь стал законоучителем приходской школы, где преподавал Закон Божий. В течение двух лет состоял законоучителем и в двух местных школах – Высотинской и Лисицинской. В послужном списке Сергея Петровича указывается, что он был депутатом по следственным делам, членом ревизионного комитета по Устюженскому духовному училищу. Когда началась Первая мировая война, он был помощником благочинного, исполнял обязанности попечителя о семьях воинов. Был награжден набедренником (в 1913 году) и скуфьей (в 1915 году). В архивном фонде церквей Новгородской

епархии в клировой ведомости Даниловской Спасской церкви за 1920 год указывается, что из недвижимого имущества С. П. Лавров имеет «дом с надворной постройкой» [5]. В семействе имеет «жену Марию Алексеевну (в девичестве Слезкинская), детей: Николая, Лидию, Александра, Евгения, Владимира» [5].

В фондах краеведческого музея г. Устюжны хранится письмо от правнучки Сергея Петровича Лаврова, живущей ныне во Франции, в котором представлены воспоминания ее бабушки, Лидии Сергеевны. «Моя бабушка много мне рассказывала о своей жизни в Даниловском. У них был очень добротный дом, и все жители любили и уважали семью Лавровых. Доживя до 16-летнего возраста спокойная жизнь бабушки и ее семьи прервалась, и очень надолго...» [9].

В январе 1918 года Советом Народных Комиссаров был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», церковь была лишена юридических прав и всего имущества. На V Всероссийском съезде Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в июне 1918 года была принята Конституция РСФСР, в ст. 7 которой были перечислены категории так называемых лишенцев, среди них указаны «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов», все они были лишены избирательных прав.

В 1920 году при Даниловской церкви была создана и зарегистрирована религиозная община. Сергей Петрович Лавров состоял священником при Даниловской религиозной общине еще девять лет, после 1929 года Сергей Лавров в церкви более не служил. В различных справках, которые хранятся в архивах, указывается, что он «работал грузчиком дров для топлива на Пестовском складе», «на сплаве тресты...» [10].

После ухода Лаврова С. П., в период с 1929 года по 1935 год, в Даниловской религиозной общине сменилось несколько священнослужителей, каждый из которых служил не более года. В 1934 году из Устюженского РИКА в церковное правление Даниловской общины поступил документ «о закрытии церкви ... по причине угрозы обвала...» [8]. В августе этого же года на имя председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина поступило заявление от верующих Даниловской религиозной общины, за подписью председателя общины Николая Романова. В заявлении члены общины просили разрешения на открытие храма и также просили «не мешать отправлению богослужения в нем» [19]. Заявление было направлено обратно в Устюжну со следующей резолюцией: «Предоставить заключение и разбор по существу всех пунктов» [18].

На протяжении трех лет, с 1934 по 1936 год, Даниловская религиозная община во главе с председателем Н. Романовым спасала от закрытия и разрушения Даниловскую церковь. Н. Рома-

нов неоднократно отстаивал интересы прихожан в прокуратуре Устюженского района. Слово Божье продолжало звучать в церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа до 1936 года. 20 февраля 1936 года по постановлению Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИКа) церковь в селе Даниловское Никифоровского сельского совета «по причине разрушения здания и отсутствию служителя культа» [3] была закрыта, а директору МТС предложено в трехдневный срок предоставить проект переустройства и произвести ремонт церкви под здание клуба.

В декабре 1940-го года в районной газете «Вперед» была напечатана статья «Клад» в старой церкви», где написано, что «при ремонтных работах под полом Даниловской церкви было обнаружено 20 килограммов меди царской чеканки, 2400 рублей царских бумажных денег и 200 рублей «керенок». Эти средства были собраны попами от трудящихся и припрятаны на «черный день». Статья заканчивалась словами: «Черный день» для попов давно наступил» [6].

Наступил «черный день» и для Спасской церкви села Даниловское. Через несколько лет после переустройства церкви под здание клуба правление МТС принимает решение о полном демонтаже здания церкви в целях использования кирпича для строительства нового гаража.

Местом захоронения предков русского поэта К. Н. Батюшкова, согласно записям, в «Русском провинциальном некрополе» является церковь в селе Даниловское: Андрей Ильич (прадед поэта) (1699 – 1766), был «погребен при церкви, им сооруженной в с. Даниловское»; Николай Львович (отец поэта) (1754 – 1817) «погребен при церкви с. Даниловское Устюженского уезда». Авдотья Никитична Теглева (вторая жена Н. Л. Батюшкова) погребена рядом с мужем в 1814 году [7]. Надгробные плиты от фамильного захоронения рода Батюшковых до наших дней не сохранились, точные места захоронений рода Батюшковых не найдены по сей день.

История гибели церкви с. Даниловское типична и совпадает с историей многих церквей в послереволюционной России. В мае 2007 года на месте, где когда-то находилась церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа, был установлен и освещен поклонный крест.

Литература

1. Александрова Л. В акварелях – памятные места / Л. Александрова ; фот. В. Смирнова // Вперед. – Устюжна, 1972. – 19 авг. : фот.
2. Батюшкова Е. Н. О Федоре Дмитриевиче Батюшкове / Е. Н. Батюшкова // К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн :

материалы Всерос. науч. конф. в Устюжне о жизни и творчестве Батюшковых и А. Куприна (28–29 сент. 1966 г.) / М-во просвещения РСФСР, Вологод. гос. пед. ин-т, Нар. музей Батюшковых – Куприна ; [ред. И. В. Гура]. – Вологда, 1968. – С. 109–124 : ил. – Библиогр. в подстроч. примеч.

3. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 1. Л. 86 об.
4. Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости : воспоминания о А. И. Куприне / М. Куприна-Иорданская. – Москва : Советский писатель, 1960. – 238, [1] с., [4] л. ил.
5. Памятная книжка Новгородской губернии на 1914 год // Государственный архив Новгородской области. Ф. 481. Оп. 1. Д. 186. Л. 61 об. – 62.
6. Панфилов. «Клад» в старой церкви / Панфилов // Вперед. – Устюжна, 1940. – 1 дек.
7. Устюженский краеведческий музей. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3.
8. Устюженский краеведческий музей. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94/12.
9. Устюженский краеведческий музей. Ф. 3. Оп. 2. Д. 136/1.
10. Устюженский краеведческий музей. Ф. 3. Оп. 2. Д. 136/6.
11. Устюженский краеведческий музей. Ф. 3. Оп. 35/1.
12. Устюженский краеведческий музей. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60/1.
13. Устюженский краеведческий музей. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60/2.
14. Устюженский краеведческий музей. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60/3.
15. Устюженский краеведческий музей. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60/8.
16. Устюженский краеведческий музей. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85/1.
17. Устюженский краеведческий музей. Ф. 4. Оп. 1. Д. 86/2.
18. ЧЦХД (Череповецкий центр хранения документации). Ф. 15. Оп. 1. Д. 34. Л. 156–157.
19. ЧЦХД (Череповецкий центр хранения документации). Ф. 15. Оп. 1. Д. 350. Л. 48–50.

Мисайлиди Л. Е.
(Санкт-Петербург)

РЕЛИКВИИ К. Н. БАТЮШКОВА В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Аннотация: В статье дана общая характеристика собрания материалов, связанных с К. Н. Батюшковым в Пушкинском Доме. Рассказ о портретах поэта, их описание и сопоставление с известными оригиналами из музеиных собраний вписан в биографическую канву. В статье впервые представлены такие реликвии, как стопка Батюшкова, уникальный акварельный эскиз, послуживший основой для последующих портретов, и другие. Прослеживается история бытования материалов.

Ключевые слова: Собрание, реликвии, оригинал, эскиз, мемория.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук – обладатель уникальных раритетов, относящихся к истории русской литературы. С начала его создания в 1905 году главным предметом собирательской деятельности сотрудников на протяжении многих лет оставались материалы, относящиеся к жизни и творчеству А. С. Пушкина. Однако параллельно с пушкинской коллекцией на основе поступавших архивов изначально формировалась и другие фонды, относящиеся к русским писателям и поэтам.

Материалы, связанные с именем К. Н. Батюшкова, в Пушкинском Доме происходят из различных источников, в том числе и из материалов семейного архива. Наряду с документами, письмами, творческими рукописями музейные фонды обладают небольшой по объему, но исключительно ценной коллекцией изобразительных материалов.

Поскольку иконография поэта хорошо известна, появление нового портрета является большой редкостью. Во время подготовки альбома «А. С. Пушкин и его современники в портретах» [7] сотрудники музея обратили внимание на живописный портрет неизвестного из семьи Батюшковых, поступивший в 1922 году.

Изучение портрета, сравнение его с прижизненной иконографией позволило предположить, что в музейном собрании хранится изображение юного поэта. Сопоставление проводилось с портретом работы О. А. Кипренского 1815 года в военном мундире из собрания Гос. Литературного музея и с профильным автопортретом Батюшкова 1810-х годов из фондов Государственного музея А. С. Пушкина (см. цв. вкл., ил. 6, 7, 8).

На портрете, который мы датируем 1800-ми годами, изображен очень молодой человек, которому, по-видимому, не более 15 лет. Он выглядит франтом: на нем двубортный фрак с бронзовыми

пуговицами, белая рубашка с жабо, розовый жилет и белый галстук. Несомненно, это парадный портрет. Отсюда и сдержанность, достоинство в облике изображенного. Изогнутая линия бровей, форма удлиненного носа, ушей, подбородка, губ – все эти особенности облика молодого человека можно увидеть и на известных портретах. Однако здесь мы не увидим привычной кудрявой головы поэта: волосы довольно коротко подстрижены, тщательно приглажены и начесаны на лоб по моде того времени, хотя на лбу и висках можно заметить завитки.

Датировка портрета позволяет предположить, что он написан после выпуска К. Н. Батюшкова из пансиона, когда при содействии своего родственника М. Н. Муравьева будущий поэт в 1802 году поступил на службу в Министерство народного просвещения, а через два года стал письмоводителем в канцелярии Муравьева по Московскому университету. Возможно, портрет был заказан П. А. Соколовым, который по просьбе отца опекал юного поэта во время его учебы в пансионе.

Тяготясь монотонными служебными обязанностями, Батюшков, несмотря на протест отца, в 1807 году записался в народное ополчение и вскоре уже воевал в Пруссии, был ранен, награжден орденом. Во второй половине 1808 года поэт опять в деле: в составе батальона егерских войск в качестве адъютанта полковника А. П. Турчанинова он принимает участие в войне со Швецией. Воспоминанием об участии в европейских походах является уникальная мемория из нашего собрания – это походная серебряная стопка Батюшкова с позолотой и гравированной надписью «1807 и 1809 въ Пруссії и въ Фінляндії» (см. цв. вкл., ил. 12). По-видимому, надпись сделана позднее, как память о прошедшем.

Впечатления об этом времени нашли отражение и в творчестве поэта. Так, в стихотворении «Воспоминание», написанном под впечатлением Гейльсбергского сражения, Батюшков противопоставляет картинам мирной природы ужасы войны и свой страх умереть вдали от отчизны. К 1809 году относится «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» с поэтическим рассказом об этой стране с ее «дикой» красотой, древней историей и преданиями, который Батюшков завершает скорбными рассуждениями о войне, несущей скорбь и разрушения.

В 1815 году Батюшков пишет очерк «Воспоминание о Петине», о своем близком друге Иване Александровиче Петине, с которым поэт отправился на войну в Пруссию. В том же году оба были ранены. Вновь встретились в 1808 году в Финляндии. Опять была разлука, встреча в Москве, а затем уже в Германии перед Лейпцигским сражением, в котором Петин и погиб. Таким образом, стопка Батюшкова – это и воспоминание о Петине, о котором он не забывал даже в дни своей болезни, когда не помнил, что был поэтом.

К 1812 году относится портрет Батюшкова работы О. А. Кипренского, известный по гравюре И. В. Чесского, приложенной к первой части «Нового собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821). Именно этот рисунок Кипренского предназначался для сестры поэта А. Н. Батюшковой, которая им очень дорожила, но, к сожалению, портрет не сохранился. В 1834 году рисунок вновь гравировался С. Ф. Галактионовым (опубликован на фронтисписе книги: Сочинения Константина Батюшкова. СПб., 1834. Ч. 1) (см. цв. вкл., ил. 9, 10, 11).

В собрании Пушкинского Дома хранится любительская акварель работы Михаила Евстафьевича Лобанова (1787 – 1846), которая датируется 1816 годом и, таким образом, является наиболее ранним портретом поэта, восходящим к утраченному оригиналу.

С 1813 года Лобанов (писатель, драматург и переводчик) был сотрудником Публичной библиотеки, где близко общался с И. А. Крыловым, К. Н. Батюшковым и Н. И. Гнедичем. Последний, вероятно, ввел его в оленинский салон, в котором часто бывал и Кипренский. Лобанов также поддерживал личные и литературные отношения с Жуковским, которому и подарил портрет Батюшкова, написанный в период расцвета его поэтического таланта. В Пушкинский Дом портрет поступил в 1928 году в составе собрания А. Ф. Онегина, создателя пушкинского музея в Париже, владельца, в том числе, и материалов семейного архива В. А. Жуковского, переданных Онегину сыном поэта П. В. Жуковским [5].

Наконец, особую ценность представляет портрет, относящийся к последнему и самому печальному периоду жизни Батюшкова, когда он лишился рассудка и с 1833 года жил в Вологде на попечении племянника Г. А. Гривенса.

Это маленький акварельный эскиз, выполненный за несколько лет до кончины поэта. К нему восходит акварель Ф. Берже из собрания Гос. Литературного музея, с которой, по-видимому, был сделан живописный портрет, заказанный братом поэта П. Н. Батюшковым. В 1891 году портрет был подарен С. Н. Батюшковой в Императорскую Публичную библиотеку. В собраниях Пушкинского Дома и Государственного Литературного музея находятся повторения этого портрета.

Итак, акварельный эскиз. Батюшков сидит в кресле, обитом красной тканью, руки на груди. Выражение лица строгое. Светлые волосы зачесаны назад и открывают высокий лоб. Глаза серо-голубые. Лицо строгое. Губы поджаты. Батюшков одет в сюртук с цветком антональных глазок в петлице. Более или менее подробно на эскизе проработано только лицо; цвет сюртука, по-видимому, должен был быть черным, но не прописан. По всей вероятности, портретируемый устал от позирования, и работу

пришлось прервать. Несмотря на незавершенность портрета, он получился живым и непосредственным, художнику также удалось передать легкое состояние тревоги, которое читается и в глазах, и в характерной складке губ.

Известно, что больной Батюшков не позволял себя рисовать: существует единственный портрет, снятый со спины Н. В. Бергом, посетившим Батюшкова в Вологде в 1847 году вместе с С. П. Шевыревым [8, с. 112–113].

Однако младшей сестре Батюшкова В. Н. Соколовой удалось уговорить брата позировать для портрета. Об этом мы узнаем из публикации М. И. Городецкого, написавшего о том, что портрет был сделан с натуры «акварелью в Вологде года за два или за три до смерти поэта <...> неизвестным художником. Поэт изображен в темно-синем жилете и черном сюртуке, в петлице которого вставлена незабудка; на кресле красная обивка; глаза у поэта строгие, но осмысленные, а в мускулах лицадержаны следы душевного недуга, которому поэт был подвержен несколько лет и который свел его в могилу. Портрет был рисован с дозволения Батюшкова, но он согласился на то лишь при условии, чтобы портрет был снят с цветком в бутоньерке» [3, с. 773]. Цветком в бутоньерке на портрете оказалась не незабудка, а анютины глазки.

Напомню, что в 1845 году Батюшков, живший ранее в специально снятой для него квартире под присмотром компаньона, перебрался в дом своего племянника и опекуна, где оказался в кругу семьи. В 1847 году в Вологду из Петербурга переехала сестра поэта Е. Н. Шипилова вместе с мужем. На встречу с ней из Ханtonова спешит овдовевшая младшая сестра В. Н. Соколова. Без сомнения, сестры приходили в дом Гревенса повидать брата. К этому времени относятся портреты сестер, выполненные вологодским художником А. И. Ягодниковым, о котором впервые написала М. Е. Даен [2]. Естественно предположить, что, задумав заказать портрет брата и заручившись его согласием, сестра поэта пригласила для этой цели художника, которого хорошо знала. Таким образом, автором акварельного портрета вполне мог быть тот же Ягодников.

Эскиз портрета ранее считался раскрашенной фотографией. Однако подлинность акварели подтверждает набросок женской головки на обороте, выполненный также акварелью (см. цв. вкл., ил. 13, 14). Вероятно, чтобы отвлечь внимание больного поэта, художник решил одновременно сделать портрет кого-то из членов семьи Гревенса. Возможно, это была старшая дочь Григория Абрамовича Анна, родившаяся в 1834 году. После смерти Варвары Николаевны владельцем портрета стал Гревенс, который позднее подарил его П. Н. Батюшкову (см. цв. вкл., ил. 15).

Достаточно широко известно графическое наследие поэта. Подробно об этом писал В. А. Кошелев [4]. Об акварелях Батюшкова вологодского периода из нашего собрания уже рассказывала в свое время в Вологде хранитель фонда оригинальной графики нашего музея Е. Н. Монахова [6].

В музее Пушкинского Дома хранятся две акварели поэта вологодского периода. Словами Шевырева «элегия или баллада в красках» можно охарактеризовать рисунок в круге с изображением дома при свете луны (см. цв. вкл., ил. 17). Налетом меланхолии, грусти окрашены все рисунки поэта этого периода. При этом в них есть что-то детское, наивное, как будто Батюшков утратил навыки рисования, им когда-то приобретенные. Робкий рисунок ребенка напоминает и акварель с изображением Наполеона с курительной трубкой (см. цв. вкл., ил. 16). Наполеон, как связующая нить с прошлым: «Ему молюсь ежедневно», – писал поэт П. И. Белецкому 28 сентября <1853> года, воображая императора здравствующим «утешением человечества» [1, с. 590].

Большой интерес представляет владельческая надпись на рисунках и последнем акварельном портрете поэта: «Собственность слыща Г. И. Ширяева». Акварели и портрет поступили в Пушкинский Дом вместе с рукописными материалами. Сохранилась аннотация, в которой кроме акварелей указаны: «Батюшкова стихи, письмо и проч. материалы». Всего было «Девять Нумеровъ». К сожалению, выявить эти рукописные материалы в фонде Батюшкова не удалось. Также отсутствуют сведения о их поступлении.

Особого рассказа заслуживает личность самого Ширяева [9]. Григорий Иванович Ширяев (1817 – 1875) – духовный писатель, издатель, действительный член Императорского Вольного экономического общества и Миссионерского общества. Родился в зажиточной крестьянской семье, но в возрасте девяти лет лишился зрения. В тринадцать лет отправился по святым местам, побывав в Казани, Костроме, Владимире, Свияжске, Нижнем Новгороде, Ростове, Одессе, Киеве и в Соловецком монастыре. Позднее посетил Константинополь, Иерусалим, Александрию, горы Синай и Афон и другие святые места, через несколько лет повторил это путешествие. В 30-летнем возрасте занялся издательской деятельностью: одно из самых значительных изданий Ширяева – «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» (написаны афонским иеромонахом Серафимом), изданные в 1850 году на средства Ширяева и имевшие исключительный успех у публики. Ширяев является также автором оригинальных сочинений: одно из них – «Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до святого града Иерусалима» (1859).

Занимаясь издательской деятельностью, Ширяев, безусловно, имел достаточно широкий круг знакомств. Так, известно, что он был знаком с Н. В. Гоголем. Возможно, портрет и рисунки он получил от П. Н. Батюшкова, которому, как мы знаем, принадлежал акварельный эскиз портрета брата. Деятельность П. Н. Батюшкова, особенно на посту помощника председателя Православного Миссионерского общества (с 1870 г.), также могла способствовать его знакомству с Ширяевым, который состоял членом общества. И, несомненно, Помпео Николаевичу были знакомы издания, осуществленные слепым подвижником, радетелем православия.

К сожалению, наша публикация не дает ответы на все вопросы, связанные с атрибуцией портретов поэта, их происхождением. Ответы на многие вопросы еще впереди.

Литература

1. Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Из записных книжек. Письма / К. Н. Батюшков ; [сост., подгот. текста, comment. А. Л. Зорина]. – Москва : Художественная литература, 1989. – 718, [1] с. – Библиогр.: с. 706–708 и в comment.: с. 592–660. – Имен. указ.: с. 661–705.
2. Даен М. Е. Он рисовал сестер К. Н. Батюшкова... : (забытый худож. А. И. Ягодников) / М. Е. Даен // Батюшков : исслед. и материалы : сб. науч. тр. / Череповец. гос. ун-т, Гуманитар. ин-т, Череповец. район. обществ. орг. «Батюшков. о-во» ; [науч. ред. и сост.: Р. М. Лазарчук]. – Череповец, 2002. – С. 186–200 : портр. – Библиогр. в примеч. в конце ст.
3. К портрету поэта К. Н. Батюшкова // Исторический вестник. – 1891. – Т. 44. – С. 773–776.
4. Кошелев В. А. О рисунках К. Н. Батюшкова / В. Кошелев // Рисунки писателей : сб. науч. ст. : по материалам конф. «Рис. петербург. писателей» / Рос. акад. наук, Пушкин. комис. ; [сост. С. В. Денисенко]. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 160–178 : ил. – Библиогр. в примеч. в конце ст.
5. Краснобородко Т. И. Хранитель / Т. И. Краснобородко // «Тень Пушкина меня усыновила...» : рукописи, книги, изобразит. материалы, памят. вещи из музея А. Ф. Онегина : каталог выставки / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), Всерос. музей А. С. Пушкина ; [авт.-сост.: Т. С. Бердникова и др.]. – Санкт-Петербург ; Болонья ; Кембридж, 1997. – С. 9–19.
6. Монахова Е. Н. «Стихотворения для глаза» : к вопросу о рис. К. Н. Батюшкова из собр. Лит. музея Ин-та рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН / Е. Н. Монахова // Константин Батюшков : эпоха. Поэзия. Судьба : [в 2-х кн.] / Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. обл. науч. б-ка, Вологод. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник,

Устюжен. краевед. музей ; [гл. ред. С. А. Тихомиров]. – Вологда, 2008.–Кн. 1 : Исследования и материалы.–С. 139–148 : ил. – Библиогр. в подстроч. примеч.

7. А. С. Пушкин и его современники в портретах : музей Пушкин. Дома / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; [авт.-сост.: Л. И. Вуич и др.]. – Санкт-Петербург : Logos, 1999. – 483, [1] с. : ил. – (Из собраний Пушкинского Дома).

8. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь : вакац. дни проф. С. Шевырева в 1847 г. В 2 ч. – Москва : Университетская типография, 1850. – 2 т.

9. Ширяев, Григорий Иванович [Электронный ресурс] // Большая биографическая энциклопедия. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_biography/Shiryaev-grigori-ivanovich-131185.html.

*Молодов О. Б.
(Вологда)*

О РОЛИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ

Аннотация: В статье раскрываются особенности правового регулирования и деятельности Общества попечительского о тюрьмах, его губернских комитетов и уездных отделений. Особое внимание посвящается участию православного духовенства в работе попечительских органов на территории Вологодской губернии в XIX – начале XX вв. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Вологодской области и публикациях отечественных специалистов по истории пенитенциарной системы.

Ключевые слова: государство, Православная церковь, духовенство, тюрьмы, попечительские органы, благотворительность, Российская империя.

Взаимодействие духовенства Православной церкви с пенитенциарными учреждениями имеет глубокие корни, однако сотрудничество данных институтов на новой основе началось в XIX веке. В 1819 г. в России учреждается Общество попечительное о тюрьмах. Британский опыт преобразования тюрем в соответствии с требованиями христианской морали заинтересовал императора и вскоре им создается указанное Общество, первоначально действовавшее под личным патронажем монарха [18, с. 158].

Перед Обществом попечительным о тюрьмах ставилась задача нравственного исправления преступников, достижение которой обеспечивалось «постоянным надзором за заключенными, наставлением их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности». Прямой обязанностью Общества в числе других провозглашалось «сооружение церквей в местах заключения, где их нет, и содержание всех тюремных церквей в должном состоянии» [17, 10–11].

Деятельность Общества осуществлялась на основании принятых в 1819 г. Правил для Общества попечительного о тюрьмах. Хотя Правила и не являлись, по мнению И. В. Упорова, нормативным актом, их можно рассматривать в качестве «одного из первых более или менее цельных действующих юридических документов, где определялись цели наказания в виде лишения свободы, раскрывались средства исправления, обозначались основные режимные требования» [18, с. 159–160]. Правилами пре-

дусматривалось создание комитетов Общества мужских и женских в столицах, губернских и портовых городах, а также соответствующих отделений в уездных городах. Комитеты и отделения состояли из лиц благородного, духовного и купеческого звания, однако позже в уездных отделениях появились и крестьяне, видимо, из числа зажиточных.

В 1831 г. усилиями МВД и Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах была принята Инструкция, которая, по мнению А. П. Печникова, представляла собой первые правила внутреннего распорядка общепротивоположного значения, поскольку она закрепляла «весь комплекс мер, связанный с исполнением наказания в виде лишения свободы», в том числе касающийся тюремных церквей [15, с. 21].

Комитеты должны были наблюдать, «чтобы со стороны тюремных смотрителей соблюдались были установленные правила по надзору за порядком и благочинием между арестантами и правильному размещению их по званию, полу, возрасту и роду преступлений или обвинений; чтобы в установленные дни Богослужение совершалось было в тюремных церквях; где же оных нет – молитвословия в особом помещении или арестантских камерах; чтобы во время постов арестанты говели; чтобы места заключения были снабжены книгами Св. Писания и духовно-нравственного содержания, и чтобы воскресные и праздничные дни сопровождались были арестантами в благочестивых чтениях, беседах и молитве» [19].

Из вышеизложенного видно, что из задач, поставленных перед попечительствами, наряду с контролем за соблюдением режимных требований, большинство прямо касается деятельности православного духовенства в местах лишения свободы. С этого момента религиозному воздействию на осужденных стало уделяться особое внимание, впервые зашла речь о тюремных библиотеках, хотя выбор книг ограничивался литературой духовного содержания.

Постепенно функции Общества попечительного о тюрьмах расширялись. С 1827 г. Общество стало распоряжаться «кормовыми» деньгами арестантов, выделяемыми из казны, привлекая для этого и дополнительные средства. С 1830 г. благодаря усилиям попечительств стала использоваться единая одежда для заключенных [13, с. 39].

Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под Стражею и Ссыльных, принятый Государственным Советом в 1832 г., Общество попечительное о тюрьмах относит к органам управления тюремной системой, но, по словам М. Г. Деткова, лишь номинально [17, с. 10].

В конце XIX в. Устав Общества Попечительного о Тюрьмах был включен в Свод Учреждений и Уставов о Содержащихся под

Стражею 1890 года. Отделение первое Главы четвертой определяло цели создания общества, второе – закрепляло систему управления попечительствами, третье – регламентировало состав и порядок формирования комитетов и отделений Общества попечительного о тюрьмах. Основные функции Общества не изменились, однако дополнением к статье 92 Свода от 28 июня 1912 г. на попечительства возложено и наблюдение за отоплением и освещением мест заключения.

В целях обеспечения организационных начал работы Церкви в местах заключения в отчеты губернских попечительных о тюрьмах комитетов вводится специальный раздел о нравственно-религиозном воспитании заключенных. Кроме этого, губернские комитеты разрабатывали программы по организации этой работы [12, с. 44–45].

Открытие уездных отделений Общества происходило при деятельном участии православных иерархов и представителей духовенства, которые входили в состав попечительских органов. 15 июля 1834 г. открылось Великоустюжское отделение Общества, в состав которого наряду с чиновниками вошли архимандрит Архангельского монастыря Вениамин и священник Н. Басистов [1, с. 24]. 10 августа 1834 г. епископ Вологодский и Великоустюжский Стефан «в присутствии Чиновников и Духовенства, а равно и купечества» положил начало деятельности Вельского отделения [1, с. 36]. 1 сентября 1834 г. епископом Вологодским и Великоустюжским Стефаном при участии игумена Корнильево-Комельского монастыря Израиля открыто Грязовецкое отделение [1, с. 14]. 5 сентября того же года архимандритом Сольвычегодского Введенского монастыря Августином открыто Яренское уездное тюремное отделение [1, с. 33].

Статья 77 Устава о содержании под стражей устанавливала количество и должностное положение директоров Губернского Тюремного Комитета (так назывались попечительства в губерниях). Существовало 9 постоянных директоров комитета, занимавших эти места по должности (Губернский предводитель дворянства, Вице-губернатор, Управляющий Казенной палатой, Прокурор окружного суда, Губернский врачебный инспектор, Губернский инженер, Городской голова, Председатель Губернской земской управы и Полицмейстер). Остальные директора избирались и утверждались согласно статьям 73–75 Устава. Например, кроме указанных должностных лиц, в Вологодский Губернский Тюремный Комитет входили: архитектор, управляющий банка, три купца, потомственный гражданин и личный почетный гражданин г. Вологды [11, с. 42].

Уездные отделения Общества также состояли из директоров и возглавлялись председателем, избираемым из их числа. Устав

о содержании под стражей гласил, что директора не должны находиться под судом, принадлежать к сектам (ст. 78), обязаны делать ежегодные пожертвования (ст. 81). Размеры пожертвований в зависимости от уровня попечительства дифференцировался следующим образом: для членов столичных комитетов – не менее 15 руб. в год, губернских комитетов – не менее 10 руб. в год, а уездных отделений – не менее 5 руб. в год с каждого [9, с. 103]. Примечанием 5 Устава из этого правила исключались лица, «принявшие на себя безвозмездно пещись о нравственном и физическом положении арестантов», тот есть духовенство и медицинские работники. При вступлении в комитет или отделение Общества лицом давалась подписка о согласии «поступить в звание директора и вносить ежегодно не менее ... рублей» [9, с. 144]. Как отмечает И. В. Упоров, во второй половине XIX в. «чиновники с готовностью вносили денежные средства, не желая далее этого включаться в деятельность комитетов и отделений» [18, с. 238]. Это снижало активность деятельности Общества, усиливало формализм в работе.

Как и в губернские комитеты Общества, в уездные отделения часть директоров входила по занимаемой должности, остальные были представителями общественности и именовались «платными директорами» в связи с обязанностью внесения денежных пожертвований. Среди пяти директоров по должности были: Городской голова, Председатель Уездной Земской Управы, Благочинный церковного округа, Уездный врач, комиссар по административным и военным делам [10, с. 16; 11, с. 34, 36]. Примечательно, что представители православного духовенства оставались в данных органах и после Октябрьской революции, по крайней мере, до лета 1918 г.

В 1869 г. в составе уездных отделений Общества находилось, как правило, по два представителя православного духовенства, один из которых был благочинным церковного округа или настоятелем городского собора, где располагалось тюремное учреждение, в сане протоиерея. В Яренском отделении – Иоанн Соколов [1, с. 33], в Тотемском – Иоанн Савинов [1, с. 41], в Вельском – Алексей Осокин [1, с. 36], в Кадниковском – Алексей Бальзаминов был директором-председателем [1, с. 52].

Вплоть до октября 1917 г. православное духовенство продолжало активную деятельность в уездных отделениях попечительских органов, и особенно широко было представлено в Усть-Сысольском отделении – 5 священников из 16 директоров. Но, как правило, участие духовенства ограничивалось одним его представителем, реже – двумя. По состоянию на конец 1915 г. директорами уездных отделений являлись: в Вельском отделении – епископ Антоний

(управляющий Вельского викариатства Вологодской епархии), в Великоустюжском – благочинный протоиерей Г. Чистяков, в Кадниковском – настоятель церкви протоиерей П. Кузьмин, в Сольвычегодском – благочинный протоиерей Т. Чулков и настоятель церкви протоиерей И. Беляев, в Тотемском – благочинный протоиерей Н. Патрушев, в Яренском – священник Н. М. Попов [7, с. 10, 18–25, 27, 41, 47].

Благополучие тюремных церквей во многом зависело и от личных пожертвований в пользу прихода. В данном случае значительную роль играл староста церкви, являющийся одним из директоров уездного отделения Общества попечительного о тюрьмах. Старостами, как правило, становились лица из купеческого сословия, избираемые попечительскими над тюремными комитетами и одобряемые управляющим епархии на трехлетний срок [6, с. 2]. Встречаются на Европейском Севере и случаи, когда на этой должности оказывались зажиточные крестьяне.

Представители купечества вносили большой вклад в обеспечение тюремных церквей культовым имуществом и в содержание храма в целом. Ряд архивных документов посвящается награждениям старост тюремных церквей «за благотворительную и общеполезную деятельность по тюремному ведомству». Они не только организовывали финансово-хозяйственную деятельность прихода, проводили мероприятия по ремонту храма, но нередко и сами щедро жертвовали в пользу церкви. Вологодский купец Василий Киселев только в 1901 г. из личных средств выделил на благоустройство Скорбященской церкви Вологодского исправительно-арестантского отделения 2070 руб. 10 коп. – огромную по тем временам сумму. Не случайно начальник тюрьмы в рапорте докладывал, что «церковь в тюрьме привлекает массу молящихся из посторонней публики, ...можно назвать ее одною из первых в Вологде» [3, с. 18]. На начало XX в. в Вологде действовало более пятидесяти православных храмов и добиться подобного положения было непросто. Властью императора Николая II в 1899 г. В. Киселев пожалован золотой медалью на Станиславской ленте, в 1902 г. – золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте [2, с. 8, 25].

Поощрялись за благотворительность в пользу тюремных церквей: директор Устюжского тюремного отделения купец Григорий Шашков, награжденный золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте в 1908 г., купцы Владимир Спирин, Александр Порозов и другие [4, с. 15, 23, 31].

В материалах о попечительствах постоянно встречается информация о суммах, затраченных на нужды храма, и предметах церковной утвари, приобретенных церковными старостами. Например, «от купца И. Н. Васильева, избранного церковным

старостою, пожертвовано для церкви разной необходимой утвари на сумму 393 руб. 56 копеек [5, с. 5]. Примеров благотворительности существует множество. В частности, в течение 1895 – 1896 гг. купцом М. К. Носыриным, директором-казначеем тюремного отделения, сделаны пожертвования тюремной церкви на сумму 117 руб. [8, с. 9]. В 1883 г. Вологодскому исправительно-арестантскому отделению пожертвовано от купца И. Н. Васильева разной церковной утвари на сумму 393 руб. 56 коп [5, с. 5]. При существовавших на тот период ценах пожертвованные суммы были весьма значительными, сопоставимыми с ежегодным содержанием тюремных чиновников.

В оценке деятельности Общества попечительного о тюрьмах отсутствует единое мнение. Однако можно заключить следующее. Несмотря на то, что оно задумывалось как благотворительное, в России Общество приобрело более весомое значение и стимулировало развитие нового направления пенитенциарной политики Российской государства, связанного с попытками совершенствования тюремной системы усилиями общественных организаций. Оно превратилось в «полуофициальную организацию, наделенную некоторыми властными полномочиями и восполнявшую своими пожертвованиями недостаток казенных средств, отпускаемых на содержание тюрем» [17, с. 5]. Штатные священники имелись не в каждой тюрьме [14], а духовенство, представленное в попечительских органах, в основном выполняло традиционные священнические функции в отношении арестантов на безвозмездной основе, а также обучало их грамоте.

Литература

1. ГАВО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАВО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 120.
3. ГАВО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 131.
4. ГАВО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 137.
5. ГАВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАВО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 79.
8. ГАВО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАВО. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 10.
10. ГАВО. Ф. 4578. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАВО. Ф. 4578. Оп. 1. Д. 5.
12. Детков М. Г. Тюремы, лагеря и колонии России : (к 120-летию Глав. тюрем. упр. России) / М. Г. Детков ; [под ред. Я. В. Крашенинникова]. – Москва : «Вердикт–ИМ», 1999. – 448 с.
13. Кашпур Л. Человеколюбием исправлять : (попечительству тюрем – 180 лет) / Л. Кашпур // Преступление и наказание. – 1999. – № 11. – С. 39–42.

14. Молодов О. Б. Православное тюремное духовенство: статус и основные функции : (на материалах сев. губерний) / О. Б. Молодов // Провинциальное духовенство дореволюционной России : сб. науч. тр. междунар. заоч. конф. / науч. ред. Т. Г. Леонтьева ; Науч.-исслед. центр церков. истории и православ. культуры им. В. В. Болотова, Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2008. – Вып. 3. – С. 228–238.
15. Печников А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.) : (ист. хроника) / А. П. Печников. – Москва : Щит-М, 2004. – 324 с. – Библиогр. в подстроч. примеч.
16. Саломон А. П. Тюремное дело в России : лекция, прочит. 18 февр. 1898 г. лицейстом 33 курса А. П. Саломоном воспитанникам Александров. лицея перед посещением ими с.-петерб. мест заключения. – Санкт-Петербург : типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1898. – 38 с.
17. Уголовно-исполнительная система. 125 лет / [М. Г. Детков, С. Х. Шамсунов, Г. В. Алексушин, П. В. Ященко] ; под общ. ред. Ю. Я. Чайки. – [Юбил. изд.]. – Москва : [б. и.], 2004. – 288 с. : ил.
18. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. : ист.-правовой анализ тенденций развития / И. В. Упоров ; Ассоц. Юрид. центр. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 608 с., [1] л. цв. портр. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). – Библиогр.: с. 560–608.
19. Устав о содержащихся под стражею : т. 14 [свода законов] : изд. 1890 г. – Санкт-Петербург, [1890]. – [2], 121 с.

Морозова Н. П.
(Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ БАТЮШКОВСКИХ ЭКСПОНАТАХ В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

Аннотация: Статья посвящена некоторым экспонатам из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), связанным с К. Н. Батюшковым, и проблемам их изучения. В статье рассказывается о кресле поэта и двух живописных портретах. Один из них ранее был атрибутирован как портрет дяди поэта Павла Львовича Батюшкова. Другой, известный как портрет Константина Николаевича Батюшкова, нуждается в более детальном изучении.

Ключевые слова: К. Н. Батюшков, П. Л. Батюшков, Всероссийский музей А. С. Пушкина, неоготика, кресло, портрет.

Во Всероссийском музее А. С. Пушкина хранится целый комплекс экспонатов, связанных с К. Н. Батюшковым и его родственным окружением. Подробно о них рассказывается в работе, опубликованной в 4-м выпуске альманаха «Над Шекской» [8]. Настоящая статья посвящена более детальному рассказу о части этого комплекса: о кресле Батюшкова и тех живописных портретах, о которых не говорилось в упомянутой выше публикации.

К числу немногих мемориальных предметов, связанных с К. Н. Батюшковым, относится кресло поэта (КП-14560). Оно выполнено из красного дерева, обито коричневой кожей и является превосходным образцом мебели неоготического стиля, модного в 1820-е – 1830-е годы (см. цв. вкл., ил. 18). Кресло имеет высокую прорезную спинку, а к изогнутым подлокотникам на медных шарнирах прикреплены слева небольшая фигурная полочка, справа – прямоугольный пюпитр. Предмет такого художественного и технического уровня был выполнен, вероятнее всего, в Петербурге в мастерской Г. Гамбса (1764 – 1831) и сыновей, в которой создавали мебель по рисункам художников и по собственным разработкам. Кресла часто снабжались выдвижными подставками для ног, пюпитрами и другими приспособлениями, количество которых зависело от желаний заказчика.

Мебель этой мастерской свидетельствовала о модных привычках и тонком вкусе владельцев. Так, в 1835 году А. С. Пушкин получил ко дню рождения кресло из мастерской Гамбса, имевшее выдвижную подставку для ног и пюпитр. Оно экспонируется сегодня в Музее-квартире А. С. Пушкина на Мойке, 12. Кресло Батюшкова мог

заказать в Петербурге по просьбе Г. А. Гривенса, опекуна поэта, зять Константина Николаевича П. А. Шипилов, переехавший в столицу в 1829 году. Окончательно прояснить историю создания этого мемориального предмета мог бы счет на его изготовление, обнаружить который пока не удалось. Нуждается в дальнейшем изучении и история бытования кресла. Во Всероссийский музей А. С. Пушкина оно поступило в 1953 году из Пушкинского Дома, куда было передано в 1922 году. Ранее находилось в коллекции профессора Петербургского университета, члена-корреспондента Академии наук, известного коллекционера Ильи Александровича Шляпкина (1858 – 1918). «Антиквар в душе», он собрал огромную библиотеку редких книг и рукописей (17800 томов) и коллекцию «русских древностей», живописи и гравюр. Уроженец Белоострова, Шляпкин выстроил там в 1897 году дом, в котором разместил свое собрание. Одна из слушательниц бестужевских курсов, побывавшая в мае 1912 года в гостях у своего учителя, писала: «В гостию И(лья) А(лександрович) указал на некоторые картины, рассказав или их историю, или их значение, после чего мы двинулись в кабинет. Там мы услышали историю письменного стола, за которым писал Белинский в редакции «Телескопа», погодинского дивана и некоторых надеждинских коллекций» [5, с. 22–23]. Возможно, кресло Батюшкова находилось здесь же вместе с другими мемориальными предметами мебели, но как оно попало к Шляпкину, выяснить пока не удалось. Илья Александрович скончался в 1918 году. По его завещанию библиотека была передана в Саратовский университет, коллекция антикварного оружия – Псковскому музею, судьба многих других раритетов неизвестна. Кресло Батюшкова Пушкинскому Дому передал любимый ученик Шляпкина Петр Антонович Горчинский (1889 – 1937), преподаватель и директор библиотеки Ленинградского университета, арестованный и расстрелянный в 1937 году.

В Всероссийском музее А. С. Пушкина хранится живописный портрет неизвестного в сенаторском мундире работы неизвестного художника (КП-27231), приобретенный в 1984 году и датируемый первой половиной XIX века. Такой же портрет находится в собрании Государственного музея А. С. Пушкина (Москва). На основе иконографического сходства он был атрибутирован Т. Г. Дмитриевой как портрет Павла Львовича Батюшкова, дяди поэта [9]. С этой атрибуцией портрет вошел в литературу о Батюшкове и широко представлен в интернете. В действительности, как удалось недавно установить [7, с. 100–103], изображен на портрете ярославский губернатор (1817 – 1820), а затем сенатор Гаврила Герасимович Политковский (1770 – 1824). В молодости он писал стихи на сентиментальные темы, используя архаизированную славянскую лексику. Позднее был действительным членом литературного

общества «Беседа любителей русского слова», на заседаниях которого читал свои и чужие сочинения. Батюшков изобразил его в сатирическом стихотворении «Певец в Беседе любителей русского слова («Друзья! все гости по домам!..»)» [3, с. 152]. С Гаврилой Герасимовичем поэт мог встретиться 23 марта 1812 года на заседании «Беседы любителей русского слова», о котором с иронией рассказал в письме П. А. Вяземскому [1, с. 45–46].

Одним из значимых экспонатов является также небольшой (25,1 x 19) портрет К. Н. Батюшкова (КП-13161), написанный маслом на цинке. Очень точно эту работу охарактеризовал С. Ю. Баранов: «На более позднем портрете еще одного неизвестного художника К. Н. Батюшков выглядит как узкоплечий, кареглазый, с удлиненным породистым лицом и с пышной шапкой темных волос молодой человек. В петлице у него – орден. Хотя поза его статична, сам он исполнен внутренней энергии» [2, с. 8]. Портрет поступил во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1953 году из Пушкинского Дома, куда был передан в 1950 году в составе огромного собрания экспонатов из Института мировой литературы в обмен на рукописи А. М. Горького. Вместе с портретом Батюшкова Пушкинский Дом получил еще несколько аналогичных миниатюрных портретов, написанных на металле. Пять из них (портреты А. И. Полежаева, К. Ф. Рылеева, Н. А. Некрасова, Н. А. Львова, К. Н. Батюшкова) были записаны в Книге поступлений Института мировой литературы под одним номером (КП-879; И nv. 12660 – 12665), то есть, вероятно, происходили из одного собрания и, возможно, были написаны одним художником. К сожалению, старая Книга поступлений с этим номером в Институте мировой литературы не сохранилась. Большинство перечисленных портретов восходит к живописным оригиналам или другим известным изображениям. Весь их комплекс нуждается в дальнейшем изучении.

В отношении портрета Батюшкова возникают следующие сомнения. Молодой человек изображен с орденом Св. Владимира IV степени, который носили в петлице. Получали его за боевые заслуги и в отличие от других наград носили всегда. К. Н. Батюшков, как известно, был награжден орденом Св. Анны III степени за битву при Гейльсберге, медалью «Земскому войску» на георгиевской ленте за участие в ополчении 1806 – 1807 годов и орденом св. Анны второй степени за битву при Лейпциге. Он надеялся получить орден Св. Владимира IV степени за сражение при Теплице, но не был им награжден. Смущает и определенное отсутствие внешнего сходства, в частности, цвет глаз. Поэт был голубоглазым, что подтверждают его акварельные портреты и воспоминания современников. Так, Е. Г. Пушкина писала: «Батюшков был небольшого роста; у него были <...> голубые глаза и томный взор» [6, с. 6]. На портрете же мы видим кареглазого юношу. Не упомянут данный портрет и в списке

изображений Батюшкова, составленном Макаровым и Городецким и опубликованном в «Историческом вестнике» в 1891 году [4].

Таким образом, история происхождения и бытования отдельных музейных предметов, связанных с именем К. Н. Батюшкова, нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

1. Арзамас : сборник. В 2 кн. Кн. 1. Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы / [под общей ред. В. Э. Вацуро и А. Л. Осповата]. – Москва : Художественная литература, 1994. – 605, [1] с. – Библиогр. в comment.: с. 465–597.
2. Баранов С. Ю. Поэтическая судьба Константина Батюшкова / С. Ю. Баранов // Константин Батюшков : эпоха. Поэзия. Судьба : [в 2 кн.] / Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. обл. универс. науч. б-ка, Вологод. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник, Устюжен. краевед. музей ; [гл. ред. С. А. Тихомиров]. – Репр. воспр. изд. 1817 г. – Вологда, 2007. – Кн. 2 : Опыты в стихах. – С. 5–49.
3. Батюшков К. Н. Певец в Беседе любителей русского слова («Друзья! все гости по домам!...») / К. Н. Батюшков // Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Фридмана. – Москва ; Ленинград, 1964. – С. 147–153. – (Библиотека поэта : осн. М. Горьким : большая серия : 2-е изд.).
4. К портрету поэта К. Н. Батюшкова // Исторический вестник. – 1891. – Т. 44. – С. 773–776.
5. Казанович Е. П. Записки о виденном и слышанном. Тетрадь II / Е. П. Казанович // ОР РНБ. Ф. 326, Д. 17.
6. Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения : с портр. К. Н. Батюшкова, грав. на стали Ф. А. Брокгаузом и печатан. на япон. бумаге / [соч.] Л. Майкова. – 2-е изд., вновь пересмотр. – Санкт-Петербург : А. Ф. Маркс, 1896. – VI, 287 с., 1 л. фронт. (портр.).
7. Морозова Н. П. Портрет неизвестного в сенаторском мундире / Н. П. Морозова // Г. Р. Державин и его времена : сб. науч. ст. / Всерос. музей А. С. Пушкина, Музей Г. Р. Державина и рус. словесности его времени ; [под ред. Н. П. Морозовой]. – Санкт-Петербург, 2014. – Вып. 9. – С. 100–103. – Библиогр. в примеч. в конце ст.
8. Морозова Н. П. «Свидетели былого...»: Батюшковские материалы в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина (Петербург) / Н. П. Морозова, Г. В. Флерова // Над Шекской : лит.-художеств. и краевед. альм. – Череповец, 2017. – Вып. 4. – С. 41–45 : ил.
9. Портреты неизвестных из собрания Государственного музея А. С. Пушкина : по материалам выставки, [23 авг. 2011 – 20 февр. 2012 / авт. ст. : Е. А. Богатырев и др.]. – Москва : Государственный музей А. С. Пушкина, 2011. – 79 с. : ил., портр. – Библиогр. : с. 78 и в тексте.

Шигаревская О. В.
(Вологда)

ПИСЬМО, ОТПРАВЛЕННОЕ «НАУДАЧУ»

Аннотация: Статья посвящена одной из представительниц известного вологодского дворянского рода Брянчаниновых – Прасковье Андреевне Брянчаниновой. В центре статьи – ее письмо из села Юрово Грязовецкого уезда от января 1782 года, адресованное мужу – Александру Федоровичу Брянчанинову, и драматические события, сопутствовавшие ему. В статье отражены некоторые установленные автором сведения генеалогического характера, касающиеся рода Брянчаниновых, а именно – родственные связи П. А. Брянчаниновой с Андреем Михайловичем и Семеном Андреевичем Брянчаниновыми из села Покровское Грязовецкого уезда.

Ключевые слова: Брянчаниновы, с. Юрово, с. Покровское, письмо, Прасковья Андреевна Брянчанинова.

Несколько лет назад И. В. Бахорина во время организованной ею встречи потомка рода дворян Брянчаниновых – Татьяны Александровны Ватсон со школьниками в Юрской средней школе Грязовецкого района вручила всем приглашенным на это мероприятие ксерокопию письма, написанного скорописью XVIII века. Это письмо она обнаружила в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге во время работы с делами, связанными с родом Брянчаниновых [10, л. 1 – 2 об.].

Ирина Валентиновна руководит работой музея, созданного в школе при ее непосредственном участии, проводит большую работу по сбору материалов по истории Юрской усадьбы Брянчаниновых. И, конечно же, как лицо, крайне заинтересованное в воссоздании истории села, где она живет и работает, она не могла пропустить встретившееся в процессе работы с архивными документами указанное выше письмо. Ведь послано оно было именно из Юрова, точнее, как в то время писали, «из Ерова». В этом послании, написанном замысловатой вязью, без особого труда читаются только некоторые имена и отдельные слова. Адресовано оно Александру Федоровичу, а в тексте читается имя Прасковьи Брянчаниновой.

Была вручена копия этого письма и мне с предложением прочитать его, но при первом ознакомлении с текстом удалось понять только, кто кому пишет. Указанные в письме имена – это имена владельцев с. Юрова конца XVIII века Александра Федоровича и его жены Прасковьи Андреевны Брянчаниновых.

В последующем после прочтения письма его текст с пояснениями по именам, упомянутым там, был передан в музей Юровской средней школы. Выражаю признательность Ирине Валентиновне Бахориной за ее разрешение обнародовать установленный ею архивный документ (см. рис.1).

Письмо написано Прасковьей Андреевной Брянчаниновой 26 января 1782 года в ответ на полученное ранее письмо мужа, которого она называет: «Батюшка, жизнь моя, Александр Федорович». Хочется отметить, что эти слова, обращенные к нему – «жизнь моя», «жизнь души моей» многократно повторяются в тексте письма, сквозную тему которого можно обозначить двумя словами: «Возвращайся быстрее».

Прасковья Андреевна, которая ждала известия о скором возвращении домой мужа, уехавшего куда-то по делам, будучи уже не совсем здоровым, вместо этого узнала о другой болезни, задержавшей его. И хотя он просит ее не беспокоиться о нем, заверяя, что ему уже стало полегче, она в ответ пишет, что не может в этом увериться, пока сама его не увидит. Прасковья Андреевна корит его за то, что он просил ее не беспокоиться о нем, а она его не послушалась в этом. При этом она пишет: «... Да я и удивилась, как мог ты, батюшка, мне советовать, чтоб я не грустила, зная, что и отсутствие одно твое меня беспокоит, не токма чтобы я, ведая о твоей болезни и не видя тебя, была спокойна и не грустила с того». Причина этого непослушания, по ее словам, «не что иное, как неизмеримая моя к тебе любовь».

Описав «скорбь и страдания», вызванные болезнью мужа и его отсутствием, Прасковья Андреевна рассказывает об обстановке в доме, где болезнь сына добавила ей беспокойства. Да и сама она плохо себя чувствовала. Из текста письма можно понять, что она была в это время беременна («мне не столько чувствительна тягость моя, сколько болезнь твоя меня беспокоит...»). А потом она вновь пишет, как ждет его возвращения: «Утеши меня, жизнь моя, скорым своим возвращением: Боже мой, коликое восчувствовала бы душа моя удовольствие. Мне кажется, я б в оное время почла себя всех в свете благополучнее и все б мои неудовольствия и беспокойства прекратились...»

Прощаясь с мужем, которого она вновь называет «жизнь души моей», Прасковья Андреевна высказывает свои пожелания ему: «...и самому быть тебе здорову и благополучну, в делах же получить желаемый тобой успех. Сего желает усердно горячо любящая и покорная тебе жена твоя и верный твой друг Прасковья Брянчанинова».

После этого следуют свидетельства почтения ему от членов семьи и родных, и, в свою очередь, от автора письма в адрес тех, с кем в своей поездке встречался Александр Федорович.

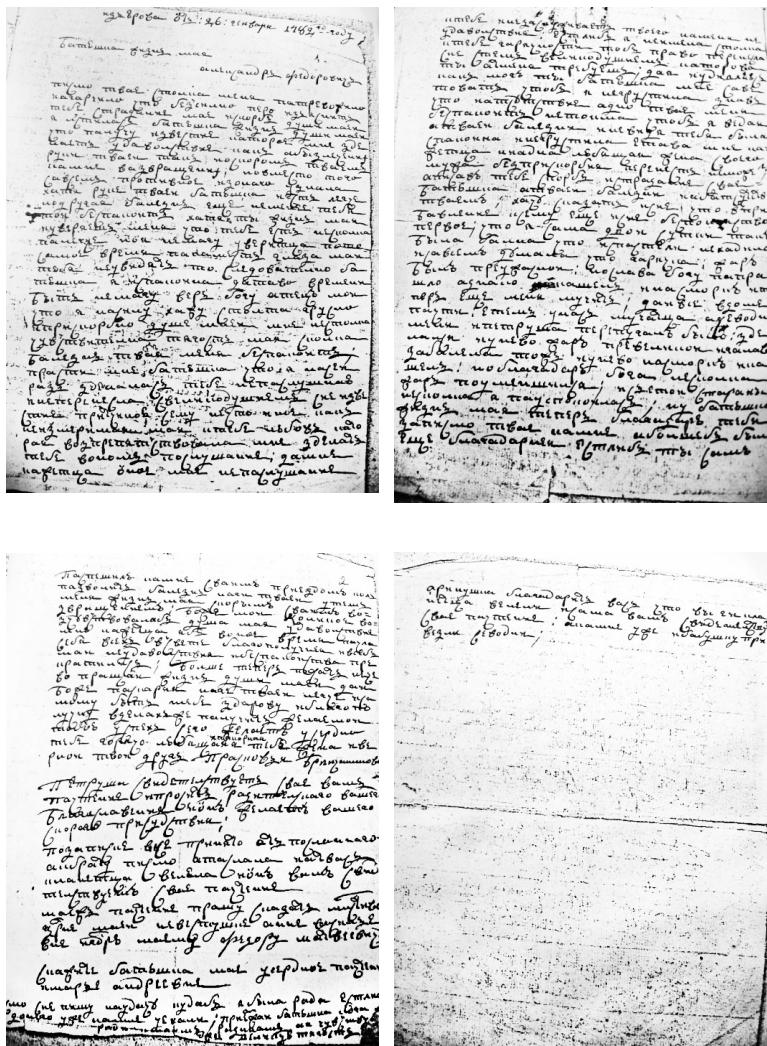

Рис. 1. Письмо Прасковы Брянчаниновой (фото с ксерокопии)

И вроде бы все беспокойства и ее пожелания уже описаны, но вновь в завершении своего письма Прасковья Андреевна пишет фразу, полную надежды на скорое возвращение мужа домой: «Письмо сие пишу наудачу, куда б я была рада, если бы вы до него уже ко мне уехали; приезжай, батюшка, бога ради, к моим родинам¹, а я чувствую же великую тягость». Представляется, что здесь больше речь не столько о физической тягости, т. е. о беременности, сколько о ее душевном тягостном состоянии, вызванным отсутствием мужа. Она отправляет письмо «наудачу», сознавая, что он может его не получить, более того, она надеется, что он его и не получит, потому что к тому времени, когда письмо дойдет до нужного адреса, он уже будет не там, а дома.

Скорее всего, надежда на скорое возвращение мужа сбылась, и Александр Федорович так и не получил письма. Но радость Прасковьи Андреевны от его возвращения домой длилась недолго и вскоре сменилась горьким чувством безвозвратной утраты. Письмо было написано 26 января, а уже через несколько дней в метрической книге Христорождественской Степуринской церкви Грязовецкого уезда, к приходу которой относилось село Юрово, появилась такая запись: «В феврале 3 числа штатской советник Александр Федорович Брянчанинов сельца Ерова умре 54 года» [9, с. 351].

Прасковья Андреевна, которая была значительно моложе Александра Федоровича, в возрасте 27 лет осталась вдовой. Их сыну Петру Александровичу было в 1782 году всего 4 года [4, с. 397]. Это про него она написала в письме к мужу: «Петруша свидетельствует свое вам почтение и просит родительского вящего благословения, и он желает вашего скорого присутствия».

Смерть любимого мужа оказалась, по всей видимости, не единственной утратой, которая в тот год постигла Прасковью Андреевну Брянчанинову. В метрической книге 1782 года нет записи о рождении их с Александром Федоровичем второго ребенка, которого она ждала во время этих драматических событий.

Прасковья Андреевна была дочерью артиллерии обер-кригс-комиссара Андрея Михайловича Брянчанинова и родной сестрой поручика Семена Андреевича Брянчанинова, которые соответственно были первый прадедом, а второй – дедом Дмитрия Александровича Брянчанинова (Святителя Игнатия Брянчанинова). Матерью Прасковьи Андреевны и Семена Андреевича была Ирина Федоровна, урожденная Ходырева, в первом браке Хвостова, во втором Брянчанинова. У них была сводная сестра Авдотья (Евдокия) Александровна Хвостова – дочь Ирины Федоровны от первого брака с прaporщиком Александром Федоровичем Хвостовым, в замужестве княгиня Ухтомская. Ее мужем был секунд-майор князь Семен Иванович Ухтомский [13, с. 256–257].

После смерти родителей Прасковья Андреевна проживала в селе Покровском вместе с семьей своего брата Семена. В исповедной ведомости Покровской Комельской церкви в 1775 году записаны поручик Семен Андреевич Брянчанинов, его жена Павла Дмитриевна, две их дочери – Любовь и Александра, а также его сестра Парасковья Андреевна, которой было тогда 19 лет [2, л. 1703 об.]. Поручик С. А. Брянчанинов известен по исследованию Р. М. Лазарчук «Литературная и театральная Вологда 1770 – 1800-х годов» как основатель и содержатель любительского театра в Вологде [6, с. 189–198] (см. цв. вкл., ил. 19).

Брак с Прасковьей Андреевной для Александра Федоровича Брянчанинова, видимо, был первым, поскольку в исповедной ведомости Христорождественской Степуринской церкви того же 1775 года сорокавосьмилетний статский советник Александр Федорович Брянчанинов записан без жены и детей, нет и указания на то, что он вдовец [2, с. 1653].

Семейная жизнь Прасковьи Андреевны в браке с Александром Федоровичем длилась всего несколько лет, оборвавшись его кончиной. Второй ее брак с полковником в отставке Алексеем Никитичем Шипиловым тоже был недолгим. В этом браке в июне 1784 года у нее родился сын Павел, а 2 июля 1785 года она умерла после тяжелой болезни. Младший сын Прасковьи Андреевны Павел Алексеевич Шипилов впоследствии женился на сестре Константина Николаевича Батюшкова Елизавете Николаевне. Эти факты и родственные связи Шипиловых подробно освещены в исследовании И. В. Чекаловой «Новые материалы к биографии родственников К. Н. Батюшкова (по документам Государственного архива Вологодской области)» [12].

Нашли они отражение и в монографии Р. М. Лазарчук «К. Н. Батюшков и Вологодский край: из архивных разысканий». Рассказывая о Прасковье Андреевне Брянчаниновой, хочется отметить один факт, о котором в своей работе написала Р. М. Лазарчук: «По-видимому, вдова Александра Федоровича Брянчанинова принадлежала к местной аристократии. По просьбе Елизаветы Мезенцевой, жены правителя наместничества, Ярославский и Вологодский генерал-губернатор А. П. Мельгунов присыпал в мае 1785 г. к находящейся при смерти Прасковье Андреевне своего личного доктора Гове» [5, с. 184–202].

О высоком положении в обществе семьи Александра Федоровича Брянчанинова свидетельствует и тот факт, что после смерти отца опекуном малолетнего Петра Александровича Брянчанинова был определен генерал-аншеф и разных орденов кавалер граф Петр Иванович Панин, которым 7 августа 1785 года было подано прошение для утверждения за малолетним Петром имений после его предков [11, л. 1–2].

Александр Федорович Брянчанинов в исповедной ведомости 1779 года Христорождественской Степуринской церкви указан с воинским чином бригадир [3, с. 707]. В 1781 – 1782 годах статский советник А. Ф. Брянчанинов состоял на гражданской службе в Вологодском наместничестве в должности Предводителя Грязовецкой дворянской опеки [7, с. 353; 8, с. 359].

Сын Александра Федоровича и Прасковьи Андреевны ротмистр Петр Александрович Брянчанинов, а после его смерти его наследники, еще долгие годы владели селом Юрово Грязовецкого уезда.

¹ Родины. Празднование рождения младенца. || То же, что роды.

Литература

1. Даен М. Е. Новооткрытое произведение художника Д. М. Коренева / М. Е. Даен // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства : XX науч. конф., 25 нояб. – 27 нояб. 2015 г. : материалы. – Москва, 2016. – С. 152–156.
2. Исповедные ведомости Вологодского уезда за 1775 год // ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 215.
3. Исповедные ведомости Вологодского уезда за 1779 год // ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 227.
4. Исповедные ведомости Грязовецкого уезда за 1782 год // ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 307.
5. Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край : из арх. разысканий / Р. М. Лазарчук ; Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. обл. универс. науч. б-ка им. И. В. Бабушкина. – Череповец : Порт-Апрель, 2007. – 343 с., [4] л. ил. : ил., портр. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 331–342.
6. Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов : из арх. разысканий / Р. М. Лазарчук ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Вологда : Легия, 1999. – 238, [1] с. : ил. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 232–238.
7. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1781 [Электронный ресурс]. – В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук, [1781]. – XXI, [2], 1–424, 325 [=425], IX с. – Режим доступа: <http://www.bibliophika.ru/index.php?id=3313>.
8. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1782 [Электронный ресурс]. – В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук, [1782]. – XXI, [3], 1–432, 434–473 [=472], X с. – Режим доступа: <http://www.bibliophika.ru/index.php?id=3314>.

9. Метрические книги Грязовецкого уезда. 1782 год // ГАВО. Ф. 496. Оп. 10. Д. 9.
10. Письмо Прасковьи Брянчаниновой мужу Александру Федоровичу Брянчанинову о личных семейных делах 26 января 1782 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 155.
11. Сообщение Государственной вотчинной коллегии со справкой из отказных книг на имение малолетнего Брянчанинова. 1785 год // ГАВО. Ф. 178. Оп. 9. Д. 48.
12. Чекалова И. В. Новые материалы к биографии родственников К. Н. Батюшкова : (по док. Гос. арх. Вологод. обл.) / И. В. Чекалова // Батюшков : исслед. и материалы : сб. науч. тр. / Череповец. гос. ун-т, Гуманитар. ин-т, Череповец. район. обществ. орг. «Батюшков. о-во» ; [науч. ред. и сост. : Р. М. Лазарчук]. – Череповец, 2002. – С. 362–374. – Библиогр. в примеч. в конце ст.
13. Шигаревская О. В. Несколько неизвестных фактов и имен из жизни «содержателя вольного театра» С. А. Брянчанинова / О. В. Шигаревская // Память как механизм культуры в русском литературном процессе : (памяти Риммы Михайловны Лазарчук) : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (12–14 марта 2014 г., Череповец) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Череповец. гос. ун-т», Гуманитар. ин-т. – Череповец, 2014. – С. 255–261.

Стукова М. А.
(п. Можайское)

УСАДЬБА КОТЕЛЬНИКОВО

Аннотация: Усадьба Котельниково под Вологдой в середине XIX – начале XX вв. принадлежала семьям Кузьминых, а затем Можайских. В настоящее время здесь располагается филиал Вологодского государственного музея-заповедника «Дом-музей А. Ф. Можайского». Первой владелицей усадьбы была Елизавета Николаевна Кузьмина. Основным источником по истории усадьбы являются её дневниковые записи, которые стали основой для выставки «Секреты старого дневника», открывшейся в марте 2017 года в Доме-музее А. Ф. Можайского. На выставке раскрываются темы образования, духовной жизни провинциального дворянства на примере семьи Кузьминых.

Ключевые слова: усадьба, дневник, образование, духовная и светская жизнь провинциального дворянского общества, паломнические поездки.

Дом-музей А. Ф. Можайского, филиал Вологодского государственного музея-заповедника, находится в поселке Можайское под Вологдой. В середине XIX – начале XX вв. здесь располагалась усадьба Котельниково, первой владелицей которой была Елизавета Николаевна Кузьмина, супруга надворного советника Дмитрия Ивановича Кузьмина (умер в 1856 г.). Елизавета Николаевна принадлежала по отцовской линии к древнему дворянскому роду Эндоуровых (отец – Николай Иванович Эндоуров), а по материнской – к не менее древнему роду Межаковых (мать – Любовь Васильевна Межакова) [2]. В 1854 году Кузьмины покупают сельцо Котельниково и закладывают фундамент усадебного дома. В последующие годы было построено множество хозяйственных строений, выкопан пруд, посажена роща напротив деревни, заложен сад. Стараниями Елизаветы Николаевны Котельниково превратилось в живописное поместье. В ноябре 1861 года ее старшая дочь Любовь Дмитриевна выходит замуж за морского офицера Александра Федоровича Можайского (будущего изобретателя первого в мире самолёта) и получает в приданое усадьбу. Александр Федорович после смерти жены в 1866 году стал опекуном имения. Последним владельцем Котельникова был Александр Александрович Можайский (1863 –1922) – сын изобретателя, вологодский уездный предводитель дворянства, член IV Государственной думы. После революции 1917 года здесь располагались различные учреждения, а с 1957 года – коммунальные квартиры. На сегодняшний день

от усадебного комплекса сохранилась часть парка, пруд и главный дом – двухэтажный деревянный особняк с двумя флигелями. 4 ноября 1986 года в бывшем усадебном доме открылся Дом-музей А. Ф. Можайского.

В экспозиции музея представлены мемориальные вещи Александра Фёдоровича Можайского, его жены Любови Дмитриевны, их родственников. Но для нас особой ценностью обладают письменные свидетельства той эпохи, созданные самими участниками и очевидцами описываемых событий. Таким мемориальным ценным автографом для нашей усадьбы являются дневниковые записи Елизаветы Николаевны Кузьминой.

Дневник Е. Н. Кузьминой был передан Вологодскому государственному музею-заповеднику в 1982 году правнучкой Елизаветы Николаевны Марией Сергеевной Михайловой. Он хранится в отделе письменных источников в коллекции документов фонда А. Ф. Можайского. Это тетрадь в 16 листов размером 22 x 17,7 см с надписью на обложке «Памятная книжка», внизу «Е. Н. Кузьминой». Заполнено 12 листов, 4 листа остались чистыми. Повествование охватывает период с 1819 года по 1873 год. «Памятная книжка» не дневник впечатлений, в основном это записи хозяйственного характера – от сельскохозяйственных работ до строительства дома и обустройства усадьбы. Но вперемежку с хозяйственными делами Елизавета Николаевна отмечает события политической жизни – решение крестьянского вопроса, общественной жизни – эпидемии холеры, события в собственной семье – такие как рождение детей, смерть мужа, визиты родственников, знакомство с будущим зятем – А. Ф. Можайским и т. д. Дневник Елизаветы Николаевны Кузьминой представляется очень ценным, разноплановым и информативным источником не только по истории конкретной усадьбы Котельниково, но и в целом по краеведению. При изучении данного документа возникла идея выставки, которая бы проиллюстрировала его содержание портретами действующих лиц, предметами той эпохи, изображением мест, о которых идёт речь в повествовании. Конечно, всё содержание данного документа невозможно отразить в одной небольшой выставке, поэтому для экспонирования выбраны всего лишь две темы, которые чётко выделяются в тексте дневника:

- Поездки семьи Кузьминых из Вологды в Москву для воспитания и обучения дочерей Любы и Лизы зимой 1857/1858 гг. и зимой 1858/1859 гг.
- Паломнические путешествия Е. Н. Кузьминой: посещение монастырей по пути из Вологды в Москву и Воронеж.

Оба сюжета являются типичными для провинциального дворянства XIX века и благодаря этому позволяют представить жизнь этого социального слоя в лицах.

Будучи женщиной весьма образованной (в 1829 г. закончила Екатерининский институт в Санкт-Петербурге, в 1856 г. ей предлагали должность инспекторы в Московском Екатерининском институте, а в 60-е гг. неоднократно предлагали возглавить Вологодскую женскую гимназию), Елизавета Николаевна пыталаась дать хорошее образование и дочерям (Любови 1843 года рождения и Елизавете 1847 года рождения) [2]. Согласно «Памятной книжке», в декабре 1857 года она с дочерьми «выйехала из Вологды в Москву для воспитания их» [1, л. 3]. В Москве остановились у сестры, Александры Николаевны Поляковой. Первоначально Елизавета Николаевна предполагала устроить старшую дочь в закрытое учебное заведение для девочек – Екатерининский институт (Московское училище ордена Святой Екатерины). Он был основан в 1802 году по инициативе императрицы Марии Фёдоровны, матери Александра I, которая в письме к сыну так объяснила необходимость открытия института в Москве: «В этом ... заведении, учрежденном исключительно для недостаточного дворянства, учение и все занятия девиц ... приоровлены к их будущему положению, т. к. большая часть из них при недостатке родителей должны будут в самих себе находить средства к существованию собственными трудами или к оказанию помощи родителям, занимаясь воспитанием своих младших сестер...» В институт принимались девочки 10 – 12 лет. Для устройства Любы в институт Кузьмина ходила к начальнице училища. В 1852 – 1862 гг. начальницей Московского Екатерининского института была Анастасия Александровна Дейер (урождённая Голенищева-Кутузова). Однако, «Любу отказались принять в 14 лет». «Возвратившись, я тотчас решилась взять учителей» [1, л. 3 об.]. Были наняты учителя по французскому, немецкому, русскому языкам и музыке. Занятия оплачивались поурочно в среднем 3 рубля серебром за урок. Домой вернулись в феврале 1858 года. На следующий год образование продолжилось.

8 декабря 1858 года «...начала собираться в Москву, чтобы опять дети брали уроки у тех же учителей» [1, л. 4 об.]. Однако учитель музыки Шпаковский не приехал в Москву, «и потому Люба начала брать уроки у Рубинштейна» [1, л. 4 об.]. Новый учитель музыки Любы был уже хорошо известен. Николай Григорьевич Рубинштейн (1835 – 1881) – русский пианист-виртуоз и дирижёр. Хотя в 1858 году ему было только 23 года, он уже успел приобрести широкую известность не только в Москве и России, но и в Европе, в том числе как основатель Московской консерватории (1866) и первый её директор. Кроме занятий с учителями семейство посещало театры, филармонические концерты.

В Большом театре смотрели балет «Корсар» с первой танцовщицей Лебедевой в роли Медоры, который создан на основе одноимен-

ной поэмы Байрона на музыку композитора Адольфа Адана. Премьера балета состоялась в Париже в 1856 году. В Москве балет был впервые показан 3 ноября 1858 года в Большом театре. Наши герои посетили его в декабре 1858 года (практически премьерный показ), когда в роли Медоры блистала Прасковья Прохоровна Лебедева (1839 – 1917), после окончания балетной школы в Москве в 1857 году ставшая ведущей танцовщицей Большого театра.

26 января 1859 г. Кузьмины были в Малом театре. Смотрели «Свадьбу Кречинского». «Играли Щепкин, Шумский, Садовской и Живокини». «Свадьба Кречинского» – комедия в трёх действиях А. В. Сухово-Кобылина, написанная в 1854 году, премьера которой состоялась в конце ноября 1855 года в Малом театре. По мнению публициста Д. Мирского, у зрителей пьеса имела небывалый успех и сделалась одной из любимых и надежнейших пьес русского репертуара; по известности своего текста она может соперничать с «Горем от ума» и с «Ревизором».

Елизавета Николаевна Кузьмина была человеком глубоко верующим, о чём свидетельствуют записи «Памятной книжки», сохранившие названия храмов и монастырей, которые она посетила: Корнилиево-Комельский Введенский монастырь в Грязовецком уезде Вологодской губернии, Толгский монастырь в Ярославле, Свято-Троицкая Сергиева Лавра под Москвой [2].

1861 год. «6 июня я с Любой ... поехали к мощам Угодника Сильвестра и в Корнилиев монастырь. 13 июня возвратились из путешествия. Отец Арсений давал много утешительных наставлений и благословил Любу образом Преподобного Корнилия» [1, л. 8]. Сильвестр Обнорский (ум. 1379) – ученик Сергия Радонежского, пустынножитель, основатель Воскресенского монастыря на р. Обноре. Моши Сильвестра Обнорского были обретены в 1860 году в храме, выстроенным на месте монастыря. С тех пор туда стали во множестве приходить паломники. Корнилий Комельский (1457 – 1537), основатель Корнилиево-Комельского монастыря, канонизирован Русской церковью в лице преподобного в 1600 г. В ноябре 1861 года состоялась свадьба Любови Дмитриевны Кузьминой и Александра Фёдоровича Можайского. Возможно, наставления и благословение Любы связаны с предстоящим важным событием в её жизни.

Интересной представляется поездка автора «Памятной книжки» в Воронеж в мае – июне 1864 года. В этом путешествии Елизавету Николаевну сопровождали младшая дочь Лиза и племянницы Екатерина и Елизавета, дочери брата Е. Н. Кузьминой Меркурия Николаевича Эндоурова. Лиза Меркурьевна (как её называет автор записок) – будущая художница Елизавета Меркурьевна Бём. Путь предстоял долгий: Пошехонье, Рыбинск, Тверь, Москва, Воронеж.

В повествовании говорится о посещении Задонского монастыря, Свято-Троицкой Лавры [1, л. 10 об.]. Целью такого странствия было поклонение особо чтимым святым и их мощам. В Дневнике особо упоминаются Тихон Задонский (1724 – 1783), епископ Воронежский и Елецкий в 1763 – 1767 годах, который уже при жизни считался святым. В 1846 году мощи святителя Тихона были обретены нетленными, а в 1861 году он причислен к лику святых. Исцеления и чудеса от мощей святителя Тихона привлекали в монастырь тысячи паломников. Особо было принято молиться ему о врачевании душевных недугов: депрессии, алкоголизма, помешательства, беспопования. Митрофан Воронежский (в миру Михаил, 1623 – 1703) первый епископ Воронежский. При его погребении присутствовал Пётр I. Царь лично нёс гроб владыки. Владыка Митрофан был похоронен в Благовещенском соборе Воронежа. Причислен к лику святых Русской православной церкви в 1832 году. Сергий Радонежский (ум. 1392, обретение мощей в 1422 году) Митрополит Платон (в миру Пётр Георгиевич Левшин; 1737 – 1812) – придворный проповедник, законоучитель наследника престола Павла Петровича, митрополит Московский и Коломенский. Похоронен в Вифанском монастыре. В «Памятной книжке» читаем: «... были ... в Вифании у гроба митроп. Платона служили по нем панихиду, где уже творятся чудеса» [1, л. 10 об.] Вифания – название скита Троице-Сергиевой лавры, основанного в 1783 г. архиепископом Московским Платоном (Левшиным). Название «Вифания» новый скит получил по приделу соборной Преображенской церкви во имя Лазаря, воскрешенного в Вифании Палестинской. С 1797 г. – Спасо-Вифанский мужской монастырь в Сергиевом Посаде.

Путешествие закончилось встречей с внуком и старшей дочерью: «23 июля приехали в Ракоболо, там приехала Люба Можайская с Сашей» [1, л. 10 об.]. У Любови Дмитриевны и Александра Фёдоровича Можайских 24 марта 1863 года родился первенец, названный Александром – первый внук Елизаветы Николаевны.

Закончить хочется словами из дневника Кузьминой: «27-е июля приехали в Котельниково, где остаемся на неопределенное время» [1, л. 10 об., 11].

В заключение ещё раз подчеркнем ту исключительную важность, которую имеют документы, подобные «Памятной книжке» Е. Н. Кузьминой, для изучения истории русской усадьбы.

Литература:

1. ВГИАХМЗ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 75. ВОКМ 26355/8.
2. Касьяненко Т. В. Страницы жизни. Избранные заметки о сохранившемся дневнике Е. Н. Кузьминой / Т. В. Касьяненко // Материалы по истории вологодского дворянства : сб. науч. тр. / Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. обл. науч. б-ка. – Вологда, 2001. – С. 134–142.

Фоминых Н. В.
(Череповец)

**СОКОЛОВА (БАТЮШКОВА) ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА –
МЛАДШАЯ СЕСТРА ПОЭТА К. Н. БАТЮШКОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИЗЫСКАНИЙ
Р. М. ЛАЗАРЧУК)**

Аннотация: В статье жительницы д. Хантаново Нины Васильевны Фоминых, чьи дальние предки служили в родовой усадьбе К. Н. Батюшкова, рассказывается краткая история жизни сестры поэта – Варвары Николаевны, последней из рода Батюшковых владелицы усадьбы. Показательны отношения К. Н. Батюшкова к сестрам, к младшей из них, Варваре, к некогда населявшим сельцо Хантаново крестьянам, сохранившим для потомков добрую память о своей помещице.

Ключевые слова: сельцо Хантаново, родовое имение, Варвара Николаевна Соколова, К. Н. Батюшков, «Батюшковское общество».

Родовое имение матери поэта К. Н. Батюшкова Александры Григорьевны Батюшковой (Бердяевой) располагалось в Череповецком уезде Новгородской губернии. Оно долгое время принадлежало вологодским помещикам.

В 1767 году дед поэта Григорий Григорьевич купил за 4000 рублей у А. Д. Вельяминова имение Хантаново в Арбужевской волости Пошехонского уезда. В 1775 году Г. Г. Бердяев скончался, наследницей стала его дочь – А. Г. Бердяева; сын Николай трагически погиб. После кончины Александры Григорьевны Батюшковой в 1795 г. наследником усадьбы становится ее сын Константин. Александра Григорьевна заболела после родов младшей дочери Вари. Душевная болезнь была неизлечимой.

Родилась Варвара Николаевна Батюшкова 21 ноября 1791 года. Назвали ее в честь великомученицы Варвары. В семь лет Варю отдали в пансион в Санкт-Петербурге, где старшие сестры Анна, Елизавета и Александр получили «порядочное воспитание» и разъехались, кто куда. В большом городе остались Костя с сестрой Варей. Отец их навещал редко: у него к тому времени была уже другая семья. Одиночество сблизило и сдружило брата и сестру до конца дней. Константин любил и обожал старших сестер, нежно заботился о них, выражая свои чувства в письмах: «Ах, мои дорогие друзья, когда я Вас вновь увижу. Время несетя, как поток, и не приближает нас к этому. Тем не менее, я надеюсь, что в мае мы все объединимся под нашей гостеприимной крышей, чтобы никогда не разлучаться. Будьте вместе, мои дорогие друзья, станем любить друг друга до могилы, чтобы сбылось желание лучшей из матерей».

Младшую сестру он также не обделял вниманием, опекал, для него она была милой, доброй «Варенькой», «Варечкой» и всегда для него «маленькой».

Когда отец поэта Николай Львович Батюшков женился во второй раз, его брак привел к ссоре с детьми. Константин, Александра и Варвара уезжают в родовое имение матери – Хантаново.

Помещицей усадьбы Хантаново стала сестра Александра, она была хранительницей ее, добродетельницей и устроительницей. И как «зеницу ока» оберегала младшую Варвару. Брата Константина тревожило слабое здоровье Варвары, а когда она подросла, к этим заботам прибавилась и тревога за ее будущее. «Я назову тот день счастливым, когда она выйдет замуж», – пишет он сестре Александре.

Получив за заслуги от Императрицы Марии Фёдоровны бриллиантовый перстень, брат спешит «повеселить» Вареньку роскошным подарком.

Болезнь отца, а затем его кончина отодвинули свадьбу Варвары.

Дочь коллежского советника, девица Варвара, была повенчана с грязовецким помещиком лейтенантом Аркадием Аполлоновичем Соколовым 6 февраля 1818 года. В браке они прожили 25 лет. После смерти мужа она осталась с сыном Николаем, но тот не дожил до 35 лет: утонул, переправляясь на лошади по тонкому льду через реку Согожу. Черная полоса – потеря близких: отца, старшей сестры Александры, мужа, сына и неизлечимая болезнь любимого брата Константина, стали тяжелым ударом для Варвары Николаевны.

Вологда для нее опустела. В 1854 году она переезжает в усадьбу Хантаново. Здесь ее согревали воспоминания о прошлой жизни, здесь она много читала и изучала книги по музыке на иностранных языках, играла на «фортепиано, оклеенном красным деревом, о шести октавах клавикордного мастера Витманана. Оно стояло на точенных ножках с медными колесцами. При нем два медных подсвечника». В комнате присутствовали иконы «Спаситель», «Богородица Казанская икона Божьей Матери» (праздник ее Рождества отмечают в Хантаново 4 ноября и 21 июня), «Николай Чудотворец» и другие.

Единственными спутниками одинокой и печальной старости Варвары Николаевны стали «дворовые люди», при ней находившиеся. Крестьяне любили и уважали добрую, с мягким характером барыню. Она к ним относилась заботливо и сочувственно. О былой домовитости, хозяйственности, гостеприимстве, доброте вспоминали старожилы деревни Хантаново: после работы их всегда поили чаем из самовара. Разрешалось иногда приносить гармошку или балалайку, песни пели, частушки. Работали весело и дружно.

За 20 лет до своей кончины Варвара Николаевна составила духовные завещания. В них перечислила тех, кому в благодарность «за долговременную и усердную службу» барыня просила раздать после ее смерти деньги (серебром).

После отмены крепостного права дворовым людям выделила покосы, землю, лес на строительство домов. Так и образовалось малое Хантаново с 5–6 домами и жителями одной фамилии: Лапины.

В последние годы за барыней ухаживала девушка Авдотья (Евдокия) Филиппова из деревни Петряевка. Ей по завещанию от 20 августа 1879 года было отписано имущество в 225 рублей и серебряная двухсоставная шкатулка.

Варвара Николаевна Соколова (Батюшкова) была последней владелицей родового имения матери Александры Григорьевны Батюшковой (Бердяевой) из семьи Батюшковых.

По завещанию после кончины ее в 1881 году $\frac{1}{2}$ часть Хантановского имения и глухого Хантаново с д. Петряево перешла племяннику Леониду Павловичу Шепилову (1819 – 1900).

Умерла Варвара Николаевна, не дожив полгода до 90 лет, помещицей сельца Хантаново, Щетинской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии. Гроб с ее телом крестьяне несли на руках до Мяксы (3 км). Дорогу посыпали зерном. Похоронена В. Н. Соколова (Батюшкова) на приходском кладбище села Спасское на Мяксе. Варвара Николаевна завещала внести за упокой души 100 рублей серебром в церковь «того прихода», при котором будет погребено тело ее. Значит, ее поминали...

Давно уже не существует это кладбище, но, слава Богу, построена новая церковь, возрождается Ново-Леушинский монастырь. В 2013 году на народные средства и при участии «Батюшковского общества» рядом с церковью установлен памятный знак В. Н. Соколовой

«И сотвори ей, Господи, память вечную» – этой доброй, многострадальной, и с чистой душой женщине.

Базанова М. А.
(Череповец)

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. Н. БАТЮШКОВА ЧЕРЕЗ ВНЕУРОЧНУЮ РАБОТУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема популяризации творчества К. Н. Батюшкова, связанная с трудностью восприятия его стихов и прозы на начальном этапе знакомства с произведениями писателя. Подчеркивается особая роль педагога в преодолении учащимися этих трудностей и на основе многолетнего опыта работы в образовательных учреждениях описываются успешно апробированные формы популяризации культурно-исторического наследия К. Н. Батюшкова среди учащейся молодежи, в том числе – основанные на материалах Литературного музея Череповца.

Ключевые слова: К. Н. Батюшков, популяризация, внеурочная работа, театрализация, экскурсия, научно-исследовательская деятельность.

Проблема необходимости популяризации культурно-исторического наследия К. Н. Батюшкова вытекает из трудности восприятия его поэзии и прозы. Причины этого в отличном знании Батюшковым античной литературы, мифологии – отсюда обилие имён собственных, сюжетов, которые без специального комментария современному читателю, тем более молодому, непонятны. Русский язык в целом тоже ещё не отличался той точностью и лёгкостью, какие приобрёл, в том числе и благодаря стараниям Батюшкова, уже во времена Пушкина.

Огромна роль педагога в популяризации культурно-исторического наследия К. Н. Батюшкова. Наш многолетний путь заключался в открытии поэта для себя, а затем привлечении к нему молодого поколения через вживую звучащее слово.

К формам популяризации наследия К. Н. Батюшкова через внеурочную работу в образовательном учреждении относём, прежде всего, театрализацию. Тридцать лет назад, в год 200-летия со дня рождения К.Н. Батюшкова, мною, молодым педагогом, был написан по нескольким изученным источникам сценарий литературно-музыкальной композиции «**Любовь поэта**». Постановка заняла 1 место в городском конкурсе. С тех пор Батюшков навсегда «поселился» в разнообразном репертуаре нашего самодеятельного театра «Таланты и поклонники». Когда в кинофильме «Барышня-крестьянка» впервые прозвучал романс «Мой гений» композитора

В. Комарова, он тут же вошёл в нашу инсценировку. Работая заместителем директора по воспитательной работе в 21-й школе г. Череповца, поставила спектакль **«Воспой мне песнь любви и брани»**, где Батюшков был представлен не только как поэт, но и как доблестный воин своего Отечества. Вновь звучало его вдохновенное слово, в свой танец смерти валькирии увлекали Петина, близкого друга Батюшкова; «в воздух чепчики бросали» и танцевали с доблестными героями Отечественной войны 1812 года барышни в шляпках-капорах по моде того времени...

Работая в Литературном музее Дворца детского и юношеского творчества имени А. А. Алексеевой, помогла ребятам в написании сценария **«Беседка муз»**, по которому также была поставлена литературно-музыкальная композиция.

Литературное творчество, как и искусство театра и кино, литературное краеведение – разделы программы дополнительного образования, реализуемой на базе музея. По нашим наблюдениям, молодым вдвойне интереснее воплощать то, что в «мужах творчества» рождено ими самими, а не преподнесено в готовом виде. В театр одного актёра часто превращается чтение произведений К. Н. Батюшкова и поэтов его окружения на литературных конкурсах не только в Череповце, но и в Вологде, Устюжене. Так, со стихотворением Батюшкова «К Никите» **Ольга Виноградова** стала обладательницей гран-при городского конкурса «Тебе, Россия, посвящаем!».

В 2016/2017 учебном году в связи с приближающимся 230-летием со дня рождения К. Н. Батюшкова был организован литературный новогодний салон. Старшеклассники, перевоплотившись в современников поэта, декламировали его стихи, беседовали о судьбе и значении творчества К. Н. Батюшкова. С удовольствием приняли от вологжан приглашение участвовать 29 апреля 2017 года в Пасхальном бале, также посвящённом юбилею поэта. Считаем удачным опытом процесс погружения в эпоху, благодаря которому лучше усваивается молодёжью культурное наследие предков.

Ещё одной формой популяризации наследия К. Н. Батюшкова являются экскурсии в Литературном музее, в проведение которых вовлекаем и учащихся объединения «Таланты и поклонники», осваивающих программу дополнительного образования на базе музея. Темы предлагаемых посетителям музея экскурсий: «Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова», «История родовой усадьбы Хантаново», «Патриотическая тема в творчестве К. Н. Батюшкова», «Вологодские адреса Батюшкова», «Батюшковские места на Вологодчине» и другие. Дети также участвуют в открытии Дней славянской письменности и культуры у памятника К. Н. Батюшкову в Череповце, в литературно-театрализованном празднике «Отечески

Пенаты» на территории бывшей родовой усадьбы матери поэта близ Хантаново Череповецкого муниципального района.

Остановимся на пользе научно-исследовательской деятельности в деле популяризации наследия К. Н. Батюшкова. Батюшковеды XX века (Д. Д. Благой, Б. В. Томашевский, Б. С. Мейлах, Г. П. Макогоненко, Н. В. Фридман, И. М. Семенко, В. Н. Турбин) утверждают: скромной книжке «Опыты в стихах и прозе» суждено было стать прологом к литературе XIX столетия, кратким конспектом ее. В этом мы сумели убедиться на собственном исследовательском опыте, как и в том, что научные открытия могут совершаться в довольно юном возрасте.

2014 год. С работой **«Традиции военной поэзии К. Н. Батюшкова в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино»** 1 место на городских Алексеевских чтениях занял четвероклассник **Влад Кузьмин**. Год спустя работа отмечена дипломами 2 и 3 степени на городской конференции «Великое русское слово» и областной «Первые шаги в науку». На областной олимпиаде «Мир через культуру» представила своё исследование **«Моё восприятие личности К. Н. Батюшкова на основе его эпистолярного наследия»** десятиклассница **Ольга Виноградова**, ныне – студентка Череповецкого государственного университета. Через год на высший балл прошла защита проекта **«Адресаты писем К. Н. Батюшкова»** на областной олимпиаде «Мир через культуру».

Завершила свою работу по документам музея и представила её на областной конкурс «История в фотографиях» **Валида Гусейнова**. Причём изучила старшеклассница два снимка с различной в десять лет, на которых запечатлены в момент танца исполнители ролей Батюшкова и его возлюбленной А. Фурман. Она нашла этих людей, взяла у них интервью, пришла к выводу о том, что те, в ком заложены ростки духовности, никогда не останавливаются в своём развитии.

2015 год. Работа **Ольги Виноградовой «По следам библиотеки К. Н. Батюшкова. Опыт реконструкции»** стала победителем межрегиональной научно-практической конференции «С наукой в будущее», а также Всероссийской конференции в Обнинске «Юность. Наука. Культура». В 2016/17 учебном году подготовлена работа **Виктории Ёроховой** на тему **«Традиции прозы К. Н. Батюшкова в создании образа Печорина»**. Выпускница получила диплом 2 степени, медаль и кубок на XX Всероссийской научной конференции школьников «Открытие» в Ярославле.

Необходимо отметить, что достижения воспитанников приводятся не тщеславия ради, а как прямое доказательство высокого уровня проведённых исследований.

К творчеству знаменитого земляка привлекаем и через творческие работы на нравственные темы, которыми изобилует наследие

Батюшкова. И здесь идём от себя, от личных впечатлений, делясь ими с учениками. Восхищает и глубина мысли, и афористичность: «Лучший признак мудрости есть кротость. Наморщить лоб и взять Ювеналову дубину не так-то трудно»; «Ничто не даёт такой силы уму, сердцу, душе, как беспрестанная честность!»; «Снисхождение должно иметь границы. Брань пороку, прощение слабости... Надобно быть снисходительным и к себе: сделал дурно сегодня – не унывай: теперь упал – завтра встанешь. Не валяйся только в грязи». Искренне рады тому, что эти слова находят живой отклик в сердцах моих воспитанников. В заключение приведу выдержки из их творческих работ.

«Я написал это эссе, чтобы побудить читателя к действию. Скорее всего, моими читателями будут подростки, которые еще не в полной мере осознают, что значит «настоящее дело». Моя задача состояла в том, чтобы убедить читателя, как важно достигать своей цели, не совершая безнравственных поступков и не ущемляя прав других людей. Фигура нашего земляка К. Н. Батюшкова может послужить не только мне, но и им в этом примером».

«Судьба Константина Николаевича была непростой, но, изучив небольшой отрезок его жизни, я сделаю для себя некоторые выводы. Любовь к семье и родным, друзьям, верность Родине, смелость духа, уважение к наставникам, честность – все эти качества были у Батюшкова и должны быть у нас».

«В одном из писем я встретила такое высказывание моего знаменитого земляка, оно вполне может считаться афоризмом: “Занятие и труд есть лучшее лекарство в горести”. Эти слова остались сильный след в моей памяти. Действительно, работа помогает нам забыть о невзгодах и неприятностях, отвлекает от бытовых и личных проблем, давая морально отдохнуть. Видимо, Константин Николаевич Батюшков из личного опыта знал чудодейственные свойства труда. Для меня эта фраза стала путеводной. Теперь я знаю, как мне справляться со сложными жизненными вопросами».

Все это лишний раз подтверждает непреложную истину: «Дорогу осилит идущий», а также красноречиво подтверждает тот факт, что нынешнее поколение учащейся молодежи в тесном сотрудничестве со своими наставниками может наполнить новым, современным ему осмыслением, «вечные истины» К. Н. Батюшкова.

Волков А. Н.
(Череповец)

ПРОБЛЕМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. Н. БАТЮШКОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ.

Аннотация: В статье освещены проблемные моменты, препятствующие широкому использованию культурно-исторического наследия, оставленного К. Н. Батюшковым, для просветительской и воспитательной деятельности в современном социуме, обозначены пути их преодоления на основе духовно-нравственного потенциала жизни и творчества поэта.

Ключевые слова: Батюшков, Батюшковское общество, популяризация, проблемы, наследие, музей, центр.

Популяризация творческого наследия К. Н. Батюшкова – одна из уставных задач Вологодской региональной общественной организации «Батюшковское общество», которую мы решаем на протяжении вот уже почти 18 лет. То, чего нам удалось достичь за это время, частично отражено в 8-ми изданиях «Батюшковского общества», два из которых – буклете «К. Н. Батюшков в судьбе России. К 230-летию поэта» и литературно-краеведческий альманах «Над Шексной», были недавно представлены общественности на презентациях в честь 230-летия поэта.

В буклете мы постарались отразить ту высокую оценку творчества К. Н. Батюшкова, которую дали ему известные поэты и критики – от В. Белинского до И. Бродского. Но именно лауреату Нобелевской премии в области литературы Иосифу Бродскому принадлежат слова о том, что «Батюшков колоссально недооценен: ни в свое время, ни нынче» [3, с. 51].

Следует отметить, что на всем протяжении своей деятельности мы в той или иной форме сталкиваемся с проблемами популяризации творчества поэта, которые главным образом имеют, по нашему мнению, гносеологические корни. Действительно, на изучение творчества Батюшкова в средней школе отводится 1 или 2 урока, а подчас эта тема вообще выносится за сетку расписания – в региональный компонент. При сегодняшней загруженности учителей это означает, что Батюшков рискует вовсе не появиться перед школьниками в когорте своих литературных учеников и последователей: Пушкина, Лермонтова, Баратынского и др. В этом мы усматриваем одну из причин того, что на рассмотрение жюри проведенного в декабре 2016 г. регионального конкурса учащейся молодежи «Свидетели протекшей славы и новой славы наших

дней», посвященного 230-летию К. Н. Батюшкова, из почти 600 школ поступило всего 40 работ учащихся десяти образовательных заведений нашей области (и ни одной из г. Вологды, родины поэта!)

В чем искать причину такой низкой активности? Может быть, она кроется в нехватке учебно-методической литературы? Достаточно взглянуть на сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки, чтобы убедиться, что это не так. Да и в каждой школьной библиотеке можно найти труды нашего земляка профессора С. Ю. Баранова, посвященные литературе Вологодского края и творчеству К. Н. Батюшкова [2; 4].

Наша гипотеза: большинству учителей литературы либо недосуг, либо просто неинтересно заниматься изучением произведений Батюшкова. По той простой причине, что в свое время поэт «выпал» из поля их профессионального интереса как в школе, так и в стенах высших учебных заведений, где будущие педагоги-филологи готовили себя к тому, чтобы сеять в умах школьников «разумное, доброе, вечное».

Конечно, правильность каждой гипотезы необходимо доказать, но это – отдельная тема исследований, а в рамках данной статьи хотелось бы остановить свое внимание на том, что далеко не все ладится в культурной жизни нашего региона. Достаточно сказать, что вот уже шестой год, несмотря на многократные обращения и ходатайства литературной общественности Вологодчины, в том числе «Батюшковского общества», бездействует закрытый на капитальный ремонт музей-квартира К. Н. Батюшкова в Вологде. А некогда украшавшая ее интерьеры экспозиция, повествующая о жизни и творчестве К. Н. Батюшкова, по иронии судьбы выставлена теперь в музее «Мир забытых вещей».

Показателен и пример так называемого «народного голосования», которое проходило несколько лет назад на портале Правительства Вологодской области по определению 20 имен, призванных олицетворять культурные достижения нашего региона. Среди лидеров Интернет-голосования ко времени его завершения не оказалось ни Константина Батюшкова, ни Василия Верещагина, ни даже Николая Рубцова. И только по настоянию научно-педагогической общественности и, в частности, нашей организации, проводившей в апрельские дни 2014 года в стенах Вологодской областной библиотеки круглый стол по вопросам популяризации культурно-исторического наследия, связанного с именем К. Батюшкова, список выдающихся вологжан был расширен до 30, и имя К. Батюшкова заняло в нем свое почетное место.

И еще одно замечание, касающееся современных тенденций в области культуры. Начиная с 1991 года, 24 мая в России отмечается

официально учрежденный *государственный* праздник – День славянской письменности и культуры, в ходе которого возлагаются цветы к подножию памятников нашим известным писателям и поэтам. Памятуя высказывание К. Н. Батюшкова о том, что «великие писатели образуют языки» [1], наша организация, после установки бюста поэта в 2012 году в Череповце, в полном соответствии с заслугами Батюшкова в области российской словесности, ежегодно проводит в этот праздник акцию памяти поэта с возложением цветов к его бюсту. И не без сожаления констатирует, что в Вологде первому в списке почитаемых в этот день писателей отдаются официальные почести епископу Кавказскому и Черноморскому Игнатию Брянчанинову. Нисколько не умаляя заслуг Игнатья Брянчанинова перед отечеством, все же выражаем надежду, что официальные лица на Вологодчине вспомнят, «кто первый море к нам в поэзию привел» и воспел свои (а почитай – наши) «Отечески Пенаты».

Каковыми же видятся нам пути преодоления существующих проблем в популяризации творческого наследия К. Н. Батюшкова?

Это, прежде всего, проведение активной просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы с учащейся молодежью по вопросам, непосредственно относящимся к культурно-историческому наследию региона, оставленного нам К. Н. Батюшковым. Это поиск новых форм такой деятельности, включая разработку оригинальных методик изучения страниц жизни и творчества Батюшкова в контексте гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания личности, подготовка и переподготовка педагогов дополнительного образования для эффективного использования их научно-педагогического потенциала во внеурочной работе со школьниками, придание творческим конкурсным состязаниям школьников, связанным с именем Батюшкова, особого, приоритетного статуса. Это создание словаря поэтического языка К. Батюшкова.

Считаем необходимым еще раз отметить, чем же ценные для нас литературные и жизненные «опыты» К. Батюшкова:

1) К. Батюшков был одним из зачинателей «золотого века» русской поэзии, непосредственным предшественником и литературным учителем А. С. Пушкина, он создал высокохудожественные образцы поэзии и прозы, заложив своеобразный «фундамент» для дальнейшего развития отечественной словесности и литературы.

2) К. Батюшков сделал многое для развития русского языка, наполнив его особой, присущей только ему гармонией и выразительностью, а также доказал бесспорную «применимость» русского языка для различных жанров поэзии и прозы.

3) К. Батюшков заложил основы нравственности во взглядах на писательский труд: «Живи, как пишешь и пиши, как живешь,

иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы»; первым мечтал сделать «науку из жизни стихотворца», подчеркивая, что «поэзия... требует всего человека».

4) К. Батюшков следовал духовно-нравственным законам и в личной жизни: «...жертвовать собой позволено, жертвовать другими могут лишь злые сердца»; по высказыванию первого биографа поэта Л. Н. Майкова, Батюшков «... обладал поэтическим воображением; еще более поэзии было в его душе. Он был энтузиаст всего прекрасного. Все добродетели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиром, бескорыстие и честность – отличительными чертами его характера» [5].

5) К. Батюшков явил в своей жизни пример высоких патриотических чувств при выполнении гражданского долга по защите интересов Отечества и последующего избавления Европы от ига Наполеона.

6) К. Батюшков первым из поэтов Вологодчины воспел в своих произведениях «Отечески Пенаты».

В связи с изложенным, нам представляется особо важным на современном этапе информатизации общества доносить до учащейся молодежи и всех, кто интересуется историей родного края, «живое слово» поэта. Создание и показ литературно-музыкальных композиций, любительских спектаклей школьных театральных кружков, работ профессиональных творческих коллективов – все это должно помогать развеивать миф о «непонятности» и даже «устарелости» произведений Батюшкова, помогать начинающим в изучении его творчества, открывать для слушателей ценностные ориентиры поэта, которые со временем не теряют своей актуальности и могут послужить еще не одному поколению молодых литераторов, будущих «инженеров человеческих душ». Ожидаю, что в последующих докладах мои коллеги по «Батюшковскому обществу» дополнят и расширят эти направления популяризации жизни и творчества поэта.

Нам также представляется назревшей настоятельная необходимость в создании полнометражного художественного фильма, посвященного жизни и творчеству некогда всероссийски знаменитого К. Н. Батюшкова, который можно было бы озаглавить строкой поэта: «Его и жизнь, и сочиненья». Показ подобного кинофильма по одному из центральных каналов российского телевидения имел бы огромный социальный эффект как в области просвещения, так и в плане популяризации культурно-исторического наследия, связанного с именем Батюшкова.

Большой познавательный потенциал кроется, на наш взгляд, в краеведческих исследованиях, направленных на изучение малоизвестных страниц биографии поэта во время пребывания

его в России и за рубежом. Отдельной темой исследований должна стать до сих пор недостаточно полно изученная военная биография К. Н. Батюшкова.

Вести такую деятельность можно как в стенах учреждений дополнительного образования, так и в высших учебных заведениях, в ходе выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ. Опираясь на личный опыт работы с выпускниками Череповецкого филиала Санкт-Петербургского государственного экономического университета, отмечу, что уже разработаны и экономически обоснованы три новых туристско-экскурсионных маршрута «По Батюшковским местам Вологодчины», подобная работа ведется в настоящее время и в Вологодском государственном университете.

В феврале текущего года «Батюшковское общество» в целях организации системной работы по изучению жизни и творческого наследия поэта предприняло ряд мер по созданию на базе МОУ «Максинская школа» в Череповецком муниципальном районе «Центра просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы» учащейся молодежи, полагая, что в изучении истории и традиций родного края (в т. ч. связанных с именем К. Батюшкова), кроется основа гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения россиян.

Новые сведения и находки, полученные в результате проводимых исследований, предполагается не просто оформлять в виде отчетов, но и наполнять ими «Банк культурных ценностей, связанных с именем К. Н. Батюшкова» для последующего использования в электронных и печатных изданиях, в просветительской и воспитательной деятельности, а также при формировании новых экскурсионных и туристских маршрутов, способствующих развитию внутреннего и въездного туризма в Вологодской области.

Как подтверждают имеющиеся сведения, Центр начал активно функционировать, и его переоснащенные на средства президентского фонда «Перспектива» музейные комнаты, включая музейный класс К. Н. Батюшкова, к настоящему времени посетили уже более 250 человек.

На наш взгляд, необходимо продолжать и расширять сотрудничество с музеями и библиотеками – хранителями артефактов и источниками бесценных архивных материалов, которые могут приоткрыть нам завесу над малоизученными страницами биографии и творчества К. Н. Батюшкова, обогатить и вооружить наши знания новыми доводами в пользу необходимости ведения более активной работы по изучению и популяризации творческого наследия поэта.

В связи с этим, хотелось бы особо приветствовать участие в работе конференции представителей культурной столицы нашей

родины – г. Санкт-Петербурга: «Всероссийского музея А. С. Пушкина» и «Пушкинского Дома», а также отметить ту большую работу, которую проводит Вологодская областная универсальная библиотека по информационному обеспечению и поддержке исследовательских работ в области изучения творчества К. Н. Батюшкова.

Координацию наших усилий, безусловно, необходимо совершенствовать, расширять и укреплять. В этом – залог наших будущих общих достижений в популяризации творческого наследия К. Н. Батюшкова и преодолении имеющих место в настоящее время негативных тенденций, препятствующих этому процессу. Возможно, что благодаря именно такому подходу к популяризации творчества К. Н. Батюшкова в наши дни, так же, как и 120 лет назад, вновь получит актуальное звучание цитата известного русского историка и литературоведа, заслуженного пушкиноведения Петра Ивановича Бартенева: «Прочное преуспечение отечества на пути истинного просвещения невозможно, как скоро произведения таких писателей, как Батюшков, не делаются общим образовательным чтением русского народа».

Литература

1. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. Ч. 1. Проза. – Санктпетербург : В типографии Н. Греча, 1817. – [8], 335, [1] с.
2. Батюшков К. Н. Сердца тихий жар / К. Батюшков ; [сост. С. Ю. Баранов]. – Вологда : Учебная литература, 2007. – 520, [7] с., [7] л. ил.
3. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – Москва : Издательство Независимая газета, 1998. – 325, [2] с. : ил. – (Серия «Литературные биографии»).
4. Литература Вологодского края : 9 кл. : учеб. пособие для общеобразоват. учреждений / сост. С. Ю. Баранов. – Вологда : Учебная литература, 2013. – 318, [1] с. : ил.
5. Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения : с портр. К. Н. Батюшкова, грав. на стали Ф. А. Брокгаузом и печатан. на япон. бумаге / [соч.] Л. Майкова. – 2-е изд., вновь пересмотр. – Санкт-Петербург : А. Ф. Маркс, 1896. – VI, 287 с., 1 л. фронт. (портр.).

Волков А. Н., Леонтьев В. Л.
(Череповец)

**СОЗДАНИЕ «ЦЕНТРА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ,
НАУЧНО-ПОИСКОВОЙ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ»
НА БАЗЕ МОУ «МЯКСИНСКАЯ ШКОЛА» –
НОВЫЙ ШАГ В ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. Н. БАТЮШКОВА
НА ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ**

Аннотация: Статья посвящена открытию «Центра просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы» на базе МОУ «Максинская школа» в результате многолетней работы ВРОО «Батюшковское общество» по сохранению и популяризации культурно-исторического наследия, связанного с именем К. Н. Батюшкова. Авторы рассматривают краеведение в качестве системообразующего фактора при формировании общекультурных компетенций, воспитании духовно-нравственных качеств и гражданско-патриотических чувств учащейся молодежи.

Ключевые слова: «Батюшковское общество», творческое наследие, туристско-краеведческий Центр, воспитание, патриотизм, Малая Родина.

24 февраля 2017 года во время проведения первого в расширенном формате слета юных краеведов Череповецкого муниципального района (с участием педагогов образовательных учреждений района и г. Череповца), в с. Макса на базе МОУ «Максинская школа» был открыт и начал свою работу «Центр просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы» учащейся молодежи (далее – Центр).

Оба события были инициированы и подготовлены Советом Вологодской региональной общественной организации «Батюшковское общество» в рамках реализации проекта «Краеведческая программа «Отечески Пенаты» (на базе образовательных учреждений Череповецкого муниципального района Вологодской области)», получившего грантовую поддержку президентского фонда «Перспектива».

Создание Центра было обосновано необходимостью усиления гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи, приведения краеведческой работы в соответствие с Федеральными государственными общеобразовательными стандартами начального и среднего общего образования, выполнением требований Постановления Правительства РФ от 30 декабря 2015 года № 1493

«О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы», развитием туристско-краеведческого движения «Отечество», а также целями и задачами «Батюшковского общества», изложенными в Уставе организации.

В начале своей активной общественной деятельности, на рубеже XX и XXI веков, члены «Батюшковского общества» планировали воссоздание архитектурно-ландшафтных черт бывшего родового имения матери К. Н. Батюшкова непосредственно на территории некогда существовавшей усадьбы Хантаново. С этой целью выпускницей ВоГТУ Татьяной Сусловой был разработан и в 2003 году представлен специальный архитектурный проект, получивший высокую оценку как у государственной аттестационной комиссии, так и на международном конкурсе проектов в Брюсселе, где работа была отмечена грантом.

Основные проектные решения, выполненные в формате 3D, сегодня можно увидеть в пятиминутном видеоролике «Усадьба Батюшкова».

Однако из-за отсутствия средств на строительство объектов и обустройство территории бывшей усадьбы, проекту в данном виде не суждено было осуществиться, и в настоящее время «хантановские уступы», на которых располагалась усадьба, венчает лишь стилизованная «Беседка муз» поэта, установленная на средства городского гранта в 2001 году, и аллея шаровидных ив, ведущая гостей от сохранившегося с прежних времен «Барского пруда» к вершине верхнего, третьего уступа, откуда открывается красивый вид на Рыбинское водохранилище и близлежащие окрестности. Вместо вырубленной в 1941 году вековой липовой аллеи в настоящее время зеленеют шаровидные ивы, посаженные в 1989 году почитателями творчества поэта, а также молодые липки, заботливо посаженные учащимися школ района, жителями с. Мякса и д. Хантаново, расположенных неподалеку.

У нижней границы бывшего родового имения Батюшковых нашел свое пристанище многотонный камень, некогда находившийся на одном из уступов, но перемещенный со своего места в результате сельхозработ. Сейчас возле камня расположена установленная силами «Батюшковского общества» мемориальная доска, здесь останавливаются экскурсанты, участники и гости ежегодного литературно-краеведческого праздника «Отеческие Пенаты», чтобы почтить память поэта и возложить цветы.

Неподалеку от этого знакового места два года назад забил из-под земли «Батюшковский родник», подпитывавший своими водами заросший пруд, а теперь дарующий свою живительную влагу усталому путнику...

Все эти достопримечательности – и сохранившиеся с давних времен, и так называемый «новодел» – постепенно формируют новый облик территории бывшего родового поместья Батюшковых, куда любил возвращаться поэт из своих многочисленных «странствий», где были написаны им лучшие произведения в стихах и прозе и где земля, исцелявшая Константина Батюшкова физически и духовно, получила от него поэтический титул – «Мои Пенаты».

Учитывая историко-культурную значимость этого места в литературной жизни Вологодского края, большой воспитательный потенциал проводящихся здесь на протяжении 20 с лишним лет краеведческих работ и исследований, а также существующий в МОУ «Максинская школа» собственный краеведческий музей, и было решено переоборудовать одно из помещений сельской школы – класс-музей К. Н. Батюшкова – в «Центр просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы».

Создание Центра и проведение на его базе многочисленных экскурсий и других туристско-краеведческих мероприятий (со времени открытия Центр посетило уже свыше 250 гостей) получило широкий резонанс в образовательной среде Череповецкого муниципального района, а также среди жителей других районов Вологодской области.

Обновленные музейные стенды и витрины, выставочные баннеры и настенные перекидные конструкции, собранные в течение нескольких десятилетий «предметы старины глубокой», документальные свидетельства о школе (с почти полуторавековой историей!) и ее бывших учениках, многочисленные издания, хранящиеся в краеведческом отделе школьной библиотеки, возможность просматривать на большом экране эксклюзивные видеосюжеты и презентации – все это создает особую и незабываемую для посетителей атмосферу путешествия в историческое прошлое культурной жизни с. Макса и его округи, а для учащихся открывает широкие возможности к познанию окружающей действительности.

Так, по результатам участия в проводимом «Батюшковским обществом» региональном интернет-конкурсе «Свидетели протекшей славы и новой славы наших дней», посвященном 230-летию К. Н. Батюшкова, выпускница Максинской школы Ольга Сердюкова завоевала Гран-при с исследовательской работой «Детские годы Константина Николаевича Батюшкова», по результатам которой было предложено внести уточнение в биографическую справку о К. Н. Батюшкове, касающуюся его пребывания в детские годы в родовом имении отца – Н. Л. Батюшкова – селе Даниловское Устюженского муниципального района Вологодской области. Такой вывод был сделан на основе анализа научных изысканий

доктора филологических наук Риммы Михайловны Лазарчук и вышедшей в 2012 году в издательстве «Молодая гвардия» книги из серии «Жизнь замечательных людей» под названием «Батюшков» (авт. Анна Сергеева-Глятис).

Призом жюри конкурса была отмечена работа другой учащейся школы – девятиклассницы Елизаветы Комкиной – за представленную работу «Чудесный сон Элизабет, или Путешествие по имени К. Н. Батюшкова». Примечательно, что обе ученицы посещают «Школу юного экскурсовода», работающую при Центре, и ведут экскурсии по школьному краеведческому музею. Занятия с учащимися проводит Наталья Николаевна Зайцева, учитель истории, руководитель школьного музея. В Центре открыт также «Банк культурных ценностей», связанных с именем К. Н. Батюшкова, куда стекается информация, которая может представлять интерес для будущих исследователей жизни и творчества выдающегося поэта Вологодчины.

В следующем, 2017/2018 учебном году, в Центре для всех желающих планируется открыть краеведческий лекторий «Знать и любить свой край», участие в котором в качестве лекторов примут ведущие педагоги-краеведы г. Череповца и Череповецкого муниципального района, а также ветераны-выпускники школы и все, кому дороги Вологодский край, его история и традиции.

Из-за насыщенной школьной программы занятия будут проходить преимущественно во внеурочное время в форме интерактивных лекций, презентаций, мастер-классов, бесед, семинаров, дискуссий, интеллектуальных игр, познавательных викторин, видеопросмотров. В гостях у школьников побывают их сверстники – гости из городских учебных заведений с показом литературных композиций и сцен из любительских спектаклей, посвященных жизни и творчеству К. Н. Батюшкова, других известных писателей Вологодчины. Все это призвано стать первым – просветительским – направлением деятельности Центра.

Научно-поисковое и краеведческое направления деятельности Центра будут сосредоточены вокруг имен и событий, непосредственно связанных с историей и сегодняшним днем Череповецкого муниципального района: именами К. Н. Батюшкова, В. И. Ловкова, игумении Таисии (М. В. Солоповой), А. П. Жданова и др., историей Рыбинского водохранилища, Леушинского и Ново-Леушинского монастырей, возрождением усадьбы в Хантаново, проведением литературно-краеведческого праздника «Отечески Пенаты» и военно-исторической реконструкции «Сражение на Гейльбергских полях», историей МОУ «Мяксинская школа» и судьбами ее выпускников.

Согласно установившимся в школе традициям, будут запланированы выездные экскурсии сельских школьников в музеи,

выставочные центры и другие культурно-образовательные учреждения района и области, в которых содержатся сведения о культурно-исторических достопримечательностях Вологодского края.

В 2018 году на базе Центра пройдет очередной слет юных краеведов Череповецкого муниципального района и г. Череповца с изданием материалов туристско-краеведческой направленности. Принципиальное согласие на это получено от районного Управления образования. Разработанные юными краеведами под руководством опытных педагогов новые культурно-познавательные экскурсионные маршруты будут наноситься на туристскую карту Череповецкого района и включаться в «Банк культурных ценностей» Центра. Наработанные материалы могут вызвать интерес представителей туристских фирм, занимающихся развитием внутреннего и въездного туризма в Вологодской области, что также будет способствовать популяризации жизни и творчества К. Н. Батюшкова, других именитых вологжан.

Силами учащихся школы и работающего в с. Мякса краеведческого клуба «Исток» будут продолжены работы по зеленому благоустройству парковой территории бывшей родовой усадьбы Батюшковых. Для этого должна быть разработана и согласована с местными специалистами специальная программа по формированию современного облика ландшафта парковой зоны, приданию этому месту официального статуса объекта культурного значения.

Руководство «Батюшковского общества» надеется, что таким образом быстрее решится вопрос транспортной доступности туристов и экскурсантов к месту, исторически связанному с именем К. Н. Батюшкова, а приобретенные в Центре общекультурные компетенции позитивно скажутся на воспитании духовно-нравственных качеств и гражданско-патриотических чувств учащейся молодежи, будут способствовать развитию ее научно-познавательного потенциала и как результат – выведут краеведческую работу на новый уровень, определяющий фактор при формировании патриотических ценностей и любви к своей Малой Родине.

Волкова М. А.
(Череповец)

ЭКСКУРСИОННО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАРШРУТ «ХАНТАНОВО В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К. Н. БАТЮШКОВА»

Аннотация: В статье рассматривается экскурсионно-краеведческий маршрут «Хантаново в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова» как способ воспитания у подрастающего поколения уважительного отношения к культурно-историческому наследию Малой Родины. Акцентируется внимание на том, что экскурсия как дополнительная форма внеклассной работы располагает большими возможностями в плане духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания школьников в контексте изучения жизни и творчества поэта-земляка К. Н. Батюшкова.

Ключевые слова: Хантаново, К. Н. Батюшков, «Отечески Пенаты», экскурсионный маршрут, воспитание, Малая Родина.

В настоящее время изучение культурно-исторического наследия Вологодского края является актуальной задачей воспитательного и образовательного процессов в школе. Имя К. Н. Батюшкова вошло в список 30 имён выдающихся деятелей Вологодчины, олицетворяющих культурное наследие Вологодского края. К. Н. Батюшков – предшественник и литературный учитель А. С. Пушкина, поэт, прозаик, литературный и художественный критик, член литературного кружка «Арзамас», почетный член «Вольного общества любителей российской словесности», является единственным в Вологодской области представителем «золотого века» русской поэзии [5]. Своим творчеством К. Н. Батюшков сделал многое для развития русской словесности, первым на вологодской земле воспел в стихах «Отечески Пенаты» и явил яркий пример служению идеалам гражданственности, веры, добра и справедливости. Все это сделало К. Н. Батюшкова известным не только на Вологодчине, для которой он стал в настоящее время литературным брендом, но и во всей России [2].

Учитывая богатое культурно-историческое наследие, оставленное К. Н. Батюшковым, нескольких часов, отводимых в школе на изучение его жизни и творчества, недостаточно для понимания роли и значимости поэта в судьбе России. В свою очередь, такие дополнительные формы внеклассной работы, как факультативные занятия по краеведению, конкурсы и вечера поэзии, экскурсии в Вологду, Череповец и Устюжну – места, связанные с жизнью и творчеством К. Н. Батюшкова, а также традиционный литературно-

краеведческий праздник «Отечески Пенаты» в Хантанове, позво- лили бы школьникам наиболее полно ознакомиться с жизнью и творчеством поэта-земляка.

Известно, что Хантаново для К. Н. Батюшкова – «Отечески Пенаты», особый милый сердцу мир, который он неоднократно воспевал в своих стихотворных произведениях: «Какие радости в чужбине? Они – в родных краях!» В этом поэтическом и литературном уголке Вологодской земли ежегодно собираются почитатели творчества поэта. Такие темы, как война и мир, «дружество», красота души, духовность, тоска по родине оказавшегося на чужбине человека, любовь к родному краю, раскрытые в стихотворениях К. Н. Батюшкова, призваны воспитывать, формировать нравственные идеалы подрастающего поколения [6].

Экскурсионно-краеведческий маршрут для школьников «Хантаново в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова» разработан членами Вологодской региональной общественной организации (ВРОО) «Батюшковское общество» не случайно. Именно здесь К. Н. Батюшковым были написаны и подготовлены к изданию его лучшие произведения, вошедшие в двухтомник «Опыты в стихах и прозе» и принесшие поэту всероссийскую славу. В них, в частности, нашли отражение военные баталии 1807 – 1814 годов, в которых непосредственное участие принимал и сам поэт, награжденный двумя орденами Святой Анны. Именно в Хантанове, где поэт отдыхал после боевых походов, написано стихотворение «Мои Пенаты», в котором поэт впервые воспел родную ему вологодскую землю:

Отечески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи,
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!..

Экскурсия «Хантаново в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова» располагает большими потенциальными возможностями в плане духовно-нравственного и патриотического воспитания школьников. Разработанный экскурсионный маршрут органично дополняет реализуемые в учебных заведениях программы исторического,

литературного и географического краеведения и является составной частью интегрированной программы факультативного курса краеведения «Знать и любить свой край!».

Вместе с тем, данная экскурсия является практической формой всестороннего изучения культурно-исторического наследия Череповецкого муниципального района периода начала XIX – середины XX столетий [1; 4].

Целью разработанного мероприятия является популяризация культурно-исторического наследия, связанного с именем выдающегося поэта-вологжанина К. Н. Батюшкова; духовно-нравственное, патриотическое воспитание учащейся молодежи на примере жизни и творчества поэта.

Задачи мероприятия.

- воспитательные – развитие гражданских качеств, патриотического отношения к России и Вологодскому краю, пробуждение любви к Малой Родине;
- развивающие – формирование познавательных интересов, развитие интеллектуальных и творческих способностей в контексте исследования культурно-исторических достопримечательностей Череповецкого муниципального района;
- образовательные – формирование представления о различных сторонах жизни и культурно-исторических достопримечательностях Вологодского края, Череповецкого муниципального района и его населения;
- социальные – содействие развитию туристско-краеведческой направленности дополнительного образования школьников и поддержка военно-исторического движения реконструкторов.

Экскурсионный маршрут «Хантаново в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова» предоставляет школьникам уникальную возможность развивать свои способности, расширять кругозор и удовлетворять растущие интересы, занимаясь краеведческой работой на культурно-исторической местности, связанной с именами К. Батюшкова и других исторических личностей, оставивших заметный след в культурной жизни Череповецкого муниципального района. Одним из практических результатов реализации разработанного маршрута может явиться увеличение туристской привлекательности ежегодно проводимого в последнее воскресенье мая литературно-краеведческого праздника «Отечески Пенаты» с военно-исторической реконструкцией «Сражение на Гейльсбергских полях», посвященного Дням славянской письменности и культуры и дню рождения К. Н. Батюшкова.

Проведению экскурсии предшествует краеведческое занятие на тему «Культурно-исторические достопримечательности села Мякса и деревни Хантаново» с показом и обсуждением докумен-

тального фильма Санкт-Петербургских кинематографистов «Сказания земли Максинской».

Само мероприятие осуществляется в соответствии с программой литературно-краеведческого праздника «Отечески Пенаты», который с 1998 года ежегодно проходит в селе Мякса и на территории бывшего родового имения Батюшковых в Хантаново [3] (рис. 1).

Рис. 1. Афиша литературно-краеведческого праздника «Отечески Пенаты»

Экскурсионный маршрут начинается с посещения храма святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с. Мякса Череповецкого района. После посещения храма проводится панихида в память о семье Батюшковых, за которой следует остановка у памятного знака Варваре Николаевне Батюшковой – сестре К. Н. Батюшкова, последней из рода Батюшковых владелице Хантановской усадьбы. Затем школьники знакомятся с историей «Старой Мяксы» (территория, прилегающая к храму), делая остановку у памятного знака летописцу села Мякса 19 века Вонифатию Ловкову, а также у стелы участникам Великой Отечественной войны. Посещение воскресной школы Архиерейского подворья храма Рождества Иоанна Предтечи села Мякса включает ознакомление с церковным музеем Леушинского монастыря и просмотр документального фильма об истории и затоплении монастыря водами Рыбинского водохранилища.

Следующим пунктом проведения экскурсии является «Центр просветительской, научно-поисковой и краеведческой работы» на базе МОУ «Мяксинская школа». Учащиеся посещают музейные комнаты школы, в том числе класс-музей К. Н. Батюшкова. Здесь же экскурсанты просматривают видеофильмы о К. Н. Батюшкове и об истории литературно-краеведческого праздника «Отечески Пенаты». Рассказ об истории и традициях МОУ «Мяксинская школа», о судьбе вологодского поэта К. Н. Батюшкова ведут юные экскурсоводы школы.

После посещения МОУ «Мяксинская школа» происходит организованный переход школьников к Памятному камню и мемориальной доске на границе бывшего родового имения Батюшковых (окрестности деревни Хантаново). Далее следует посещение «Батюшковского родника» и лагеря военных реконструкторов Наполеоновской эпохи у Барского пруда. Конечным пунктом экскурсионно-краеведческого маршрута является «Беседка муз», в которой учащиеся и организаторы экскурсии по сложившейся традиции читают стихи К. Н. Батюшкова.

Из «Беседки муз» открывается прекрасный вид на аллею шаровидных ив, посаженных в 1989 году усилиями учителей и учащихся Мяксинской школы, педагогов Череповецкого государственного педагогического института и жителей села Мякса. «Беседка муз» расположена рядом с самой высокой точкой ландшафта местности, откуда открывается великолепный вид на Рыбинское водохранилище и окрестности близлежащих населенных пунктов.

По итогам проведения экскурсии учащимся предлагается написать эссе, повествующее о наиболее впечатливших юных экскурсантов фрагментах поездки по историческим местам череповецкой земли.

Таким образом, экскурсионно-краеведческий маршрут «Хантаново в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова» призван воспитывать подрастающее поколение в духе уважения к культурным и историческим традициям родного края, формировать духовно-нравственные качества и пробуждать чувство любви к своей Малой Родине.

Литература

1. Баранов С. Ю. Сказания о Земле Вологодской : кн. для первоклассников / С. Ю. Баранов, Е. А. Скупинова. – Вологда : Учебная литература, 2011. – 191 с. : ил.
2. К. Н. Батюшков в судьбе России. К 230-летию поэта : [буклет] / Вологод. регион. обществ. орг. «Батюшков. о-во» ; [сост. Волков А. Н.]. – Череповец : Полиграфист, 2017. – 20 с.
3. Вологодская региональная общественная организация «Батюшковское общество» [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://knbsociety.ru/ru/>.
4. История Вологодского края XIX – начала XXI века : учеб. пособие для учащихся 8–9 кл. общеобразоват. учреждений / под ред. М. А. Безнина. – Вологда : Вологодский институт развития образования : Учебная литература, 2009. – 227, [3] с. : ил., портр., карты.
5. Лазарчук Р. М. Батюшков Константин Николаевич [Электронный ресурс] / Р. М. Лазарчук // Культура в Вологодской области. – Режим доступа: <http://cultinfo.ru/literature/early-writers-vologda/batyushkov-konstantin.php>.
6. Хантановские уступы : лит. ист.-краевед. сб. / Череповец. город. обществ. орг. «Батюшков. о-во» ; [сост. А. Н. Волков, И. А. Климина, Е. В. Максимова, В. И. Филиппова ; под общ. ред. А. Н. Волкова]. – Череповец : Череповецкий государственный университет, 2014. – 125 с., [8] л. цв. ил. : ил., карты.

*Лебедев В. П.
(Вологда)*

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ ДАНИЛОВСКОГО И ХАНТАНОВСКОГО ПАРКОВ И ИХ АДАПТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА

Аннотация: В статье рассматривается символика деревьев, произрастающих в Даниловском и Хантовском парках и упомянутых в поэзии К. Н. Батюшкова.

Ключевые слова: символика деревьев, Хантово, Даниловское, парковое искусство.

Благодаря Константину Батюшкову в русскую поэзию вошла та особенная чувственная роскошь, которая связана с образами русской растительности [4]. Именно поэтому большой интерес для исследования представляет символика тех деревьев, которые были связаны с К. Н. Батюшковым как в реальности (в виде реальных деревьев в парке), так и в его творчестве. В рамках данной статьи нас будет интересовать психологическая значимость и адаптивное значение деревьев, а также то, как их символика освещает характер и судьбу Константина Батюшкова.

Акация, тополь, черемуха, ясень – все эти деревья впервые поэтически освоены Батюшковым, именно их символическое значение мы рассмотрим наиболее подробно.

По новому стилю дата рождения К. Н. Батюшкова входит в сферу действия астрологического знака Близнецов. Однако гораздо более логичным представляется рассматривать характер и энергетические связи поэта в рамках астрологического знака Тельца, поскольку в XIX веке люди жили по юлианскому, а не григорианскому календарю, а по старому стилю К. Батюшков родился 18 мая, то есть под знаком Тельца.

Именно к деревьям, связанным со знаком Тельца относятся акация желтая, дуб черешчатый, каштан конский, тополь серебристый, черемуха обыкновенная, ясень обыкновенный, то есть деревья, характерные для Даниловского и Хантовского парков [1].

Даниловский парк, частично сохранившийся до наших дней, представляет собой впечатляющее зрелище. С какой бы стороны вы ни подъезжали к селу, отовсюду видна старинная усадьба, раскинувшаяся на высоком угоре. Из-за тенистых лип и вязов просматривается деревянный особняк с двумя флигелями, крыльцом и просторной террасой.

Парк невелик по размерам. Частично сохранилась круговая аллея – обязательный элемент старинных парков. От дома отходят две центральные липовые аллеи, самые декоративные и тенистые. За более чем 150 лет липы разрослись, одни из них высокие и стройные, другие развесистые с толстыми узловатыми стволами.

Между центральными аллеями раньше был пруд, который живописно обрамляют пышные ряды акаций и сирени. Характерен подбор древесных пород: мастера отдали предпочтение акации, сирени и липе – излюбленной породе старых русских парков. Умело подобран и местный ассортимент – березы, черемухи и ели, обогатившие зимний пейзаж. Именно в Даниловском Батюшков писал чудесные элегии и стихотворения, отражающие красоту северной природы.

Рассмотрим символику этих деревьев и их энергетическое влияние на физическое и психическое здоровье человека [2; 3].

Акация желтая. Приводит в порядок душевную энергию при беспокойстве и раздражительности, способствует внутреннему спокойствию. Подавленные печали и старые чувства благодаря энергии акации становятся осознанными, происходит душевный подъем, мир воспринимается свободнее и разностороннее. Самостоятельность и ответственность за самого себя приводятся в гармонию со стремлением к любви и дружбе.

Дуб черешчатый. Дерево помогает человеку запастись терпением и прочно стоять на земле. Он помогает сохранить спокойствие и душевное равновесие в кризисной ситуации. Энергия дуба помогает больше поверить в себя и доверять другим, обостряет чувство справедливости и правдивости, указывает на грехи предков.

Липа мелколистная. Дерево помогает людям испытывать чувство солидарности и открывать красоту жизни. Липа помогает чувствовать себя комфортно в любом обществе и принимать других людей с открытым сердцем. Она смягчает болезненные переживания, связанные с конфликтами. Энергия липы обостряет в человеке чувство справедливости, повышает уверенность в себе.

Каштан конский. Дерево обладает свойством пробуждать в людях добрые чувства и интерес к жизни. Каштан излучает мощную энергию, повышает активность и усиливает желание действовать. Энергия дерева поддерживает здоровье человека, помогает при фантазиях вернуться к реальности.

Тополь серебристый. Дерево повышает чувствительность, позволяет увидеть многообразие окружающего мира. Энергия тополя помогает людям, у которых сформировались ложные представления, помогает лучше понимать других и разобраться в собственных чувствах. Трепетание листвы, открывающее

то темную поверхность, то светлую изнанку, указывает как бы на двойственность самой жизни.

Черемуха обыкновенная. Дерево помогает почувствовать в себе желание к путешествиям и переменам, познать жизнь во всем многообразии, делиться своими чувствами. Устаревшие мнения человек пересматривает под воздействием черемухи.

Ясень обыкновенный. Дерево усиливает в людях чувство сплоченности, они осознают, что никогда не бывают одни. Ясень помогает понять, что человек живет в союзе с другими формами жизни, зависящими друг от друга. Человек начинает мыслить шире и в сложных взаимоотношениях может достичь новых возможностей. Становится яснее, где преувеличивается собственная значимость, и как не уклоняться от обязанностей. Именно К. Батюшков впервые указывает на произрастание ясения во флоре Вологодской губернии в элегии «Таврида» в 1815 году.

Деревья Тельца имеют разветвленную и глубоко уходящую в почву корневую систему, возможно поэтому К. Батюшков особенно преданно относился к своим корням, предкам и родным.

В символике деревьев, окружавших поэта, отражаются самые разные стороны характера и судьбы К. Батюшкова, чувства и ощущения. Она оказывается своего рода сосредоточением поэтического мира К. Батюшкова, который колеблется между бездной небытия и хаосом и вечным стремлением к бытию и космосу.

Литература

1. Лебедев В. П. История создания и особенности стиля старинных парков / В. П. Лебедев // Проблемы использования и охраны природных ресурсов Вологодской области в свете решений XXVI съезда КПСС : тез. докл. науч.-практ. конф. / Исполком Вологод. обл. Совета нар. депутатов, Обл. совет Всерос. о-ва охраны природы, Вологод. межотраслевой территор. центр науч.-техн. информ. и пропаганды. – Вологда, 1982. – С. 60–61.
2. Райд Ж. Деревья лечат : все о целител. силе деревьев / Ж. и М. Райд ; [пер. с нем. Л. Проценко]. – Москва : Мой мир, 2006. – 143, [1] с. : ил.
3. Седир П. Магические растения / П. Седир ; [предисл. А. В. Трояновского]. – Москва ; Казань : ТВЕРДЬ Слово, 1993. – 224 с. – (Серия «По следам редких изданий»).
4. Эпштейн М. Н. Стихи и стихии : природа в рус. поэзии XVIII–XX вв. / М. Эпштейн. – Самара : Бахрах-М, 2007. – 351 с. – (Радуга мысли : собрание работ в семи цветах / М. Эпштейн. Серия оранжевая. Литературоведение). – Библиогр.: с. 348–349.

Чекалова И. В.
(Вологда)

К ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА БАТЮШКОВА

Аннотация: В статье рассматриваются события, связанные с установкой памятника на могиле К. Н. Батюшкова, а также судьба этого памятника с момента установки до настоящего времени.

Ключевые слова: захоронение К. Н. Батюшкова, Спасо-Прилуцкий монастырь, намогильный памятник.

«Самое беззащитное у человека –
это его могила» [2]
В. И. Белов

В мае 2017 года исполнилось 230 лет со дня рождения, а в июне – 162 года со дня смерти Константина Николаевича Батюшкова. Великий русский поэт родился в мае 1787 года в Вологде. В ней же он провел под опекой родных последние годы жизни, и после длительной, неизлечимой болезни скончался 7 июля 1855 года в возрасте 68 лет. Похоронен был на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря, что близ Вологды (см. цв. вкл., ил. 20).

В этом тихом, уединенном месте за высокими вековыми стенами монастыря еще с XIV века располагался древний некрополь, в котором находились захоронения лиц духовного звания. С конца XVIII века там также хоронили дворян, купцов, лиц мещанского и крестьянского сословий. В их числе представители многих известных фамилий Вологды: Нееловы, Олешевы, Зубовы, Мельгуновы, Сапоговы, Брусиловы, Шипиловы и многие другие. Общее количество погребений неизвестно, но по некоторым данным, там покоятся от 1000 до 1500 человек.

Спасо-Прилуцкий монастырь неслучайно был выбран местом захоронения поэта. По словам родных, он неоднократно высказывал пожелание быть похороненным рядом со своим «маленьkim другом» Модестом – сыном его опекуна и племянника Григория Абрамовича Греченича. Малыш умер в феврале 1850 года от скарлатины в возрасте 4,5 лет и был похоронен на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря [4]. Константин Николаевич очень тяжело переживал его потерю, часто пешком приходил в монастырь, навещая могилу Модеста. Завещание поэта было исполнено, а в казну монастыря за место для погребения опекуном было внесено 70 рублей [5]. Похороны состоялись 10 июля 1855 года. Провожали

К. Н. Батюшкова к месту вечного покоя «проеосвященный Феогност епископ Вологодский и Устюжский с знатнейшим духовенством, господин начальник губернии, наставники гимназии и семинарии и все, кто знал о смерти поэта» [13].

Памятник на могиле был поставлен не сразу. Об этом мы узнаем из очерка вологодского краеведа Герасима Ивановича Добрякова «На могиле Батюшкова», опубликованного в журнале «Русская старина» за 1910 год.

В нем, ссылаясь на обнаруженное им «в одном из архивов г. Вологды старое «дело» о Батюшкове», автор сообщает, что «в 1862 году (через 7 лет после кончины поэта) его брат Помпей Николаевич Батюшков изъявил желание перевезти тело Константина Николаевича из Спасо-Прилуцкого монастыря в семейный склеп при церкви села Даниловского Устюженского уезда Новгородской губернии» [7]. На это было получено разрешение министра внутренних дел П. А. Валуева и обер-прокурором Святейшего Синода предложено епископу вологодскому Христофору сделать соответствующее распоряжение. Уже последовал указ консистории настоятелю Спасо-Прилуцкого монастыря о переносе тела поэта.

Между тем, сестра Батюшкова Варвара Николаевна Соколова, узнав об этом, также обратилась с письмом к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой отменить распоряжение на перевоз гроба с прахом поэта из Прилуцкого монастыря в село Даниловское. По своему эмоциональному звучанию и душевному настрою это письмо настолько сильно, что мы считаем возможным перепечатать его полностью из журнала «Русская старина».

«Ваше Высокопревосходительство, Петр Александрович.

Только сегодня я совершенно неожиданно узнала, что Вы изволили дать разрешение перевезти прах моего родного брата Константина Николаевича Батюшкова из Спасо-Прилуцкого монастыря, близ г. Вологды, в Новгородскую губернию для предания его земле на кладбище приходской церкви.

Не скрою от Вашего Высокопревосходительства, что известие это глубоко огорчило меня. Семидесятилетняя старуха, родная сестра покойного, старшая по летам, более всех к нему близкая по связям родственным (второй мой брат Помпей Николаевич от другой матери), свято чтущая память его, как брата и благодетеля, я не считала себя столь чуждой покойному, чтобы не только без моего согласия, но даже и без моего ведома можно было нарушать гробовой покой Константина Николаевича.

Поэтому позвольте изложить Вашему Высокопревосходительству причины, по которым я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой отменить сделанное Вашим Высокопревосходительством распоряжение. Константин Николаевич, подвергшись страшному

душевному недугу, похитившему его столь рано у семейства и отечества, с 1830¹ года, в течение 25 лет находился на руках родного нашего племянника Григория Абрамовича Грекеница, в доме которого и скончался. Часто посещая Спасо-Прилуцкий монастырь во время своих прогулок, он неоднократно в те светлые минуты, которые иногда имел во время своей болезни, выражал желание быть погребенным в этой обители. Племянник мой исполнил желание покойного. Поэтому я не нахожу никакого достаточного основания к нарушению воли моего брата, тем более, что в селе Даниловском не существует никакого фамильного склепа рода Батюшковых. Мать наша погребена в Петербурге, сестры: Анна Николаевна Грекениц – там же, Елизавета Николаевна Шипилова в Вологде, Александра Николаевна Батюшкова в селе Никольском Ярославской губернии. Кроме того, я и племянник мой Г. А. Грекениц, считали священной нашей обязанностью отдать последний долг Константину Николаевичу и поставить ему надгробный памятник. Имея в виду, что Константин Николаевич по заслугам своим выходит из ряда людей обыкновенных, мы не сочли возможным ограничиться скромным монументом, и вот причина, почему мы до сих пор должны были отложить исполнение нашего намерения. Теперь памятник сооружается и 7-го июля сего года (в день кончины Константина Николаевича) будет поставлен на место. Оставшиеся в живых родственники покойного не приняли никакого участия в сооружении памятника, и потому я вправе полагать, что они не должны своим поздним вмешательством тревожить прах моего брата. Простите, Ваше Высокопревосходительство, что я утруждено Вас чтением настоящего письма; я сочла нужным объяснить Вам все подробности и твердо надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство уважите последнюю, может быть, земную просьбу женщины, стоящей у дверей гроба, просьбу бескорыстную и ни для кого не обидную. Вологда, колыбель Батюшкова, путь будет местом его последнего покоя. В том случае, если Ваше Высокопревосходительство не почетете возможным отменить сделанное Вами распоряжение, имею честь покорнейше просить вас всеподданнейше доложить просьбу мою Государю Императору и, сообщив о последующем г. обер-прокурору Святейшего Синода, поставить и меня о том в известность.

С чувством истинного уважения, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства готовая к услугам Варвара Николаевна Соколова, рожденная Батюшкова.

Сельцо Хантаново.

Марта (не означено) дня 1862 года».

Министр 16-го марта телеграммою уведомил г-жу Соколову и вологодского губернатора, что дело о перевозе праха Батюшкова приостановлено. Дальнейшего распоряжения никакого не последовало» [7].

Из этого письма становится понятно, что памятник на могиле поэта был установлен на средства и старанием его младшей сестры Варвары Николаевны Соколовой и семьи племянника Григория Абрамовича Гревеница.

Как выглядел памятник первоначально?

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится акварельный рисунок памятника (см. цв. вкл., ил. 21) [12]. На нем хорошо видна высокая стела на ступенчатом постаменте. Верхняя часть имеет закругление с отходящими в стороны «крыльями». Завершает памятник крест, укрепленный на шаре. В верхней части стелы круглый медальон с изображением, вероятно, святого. Ограда отсутствует. В левой части листа, синим карандашом, написано: «Памятник Конс. Николаевичу». Можно предположить, что надпись сделана кем-то из заказчиков, а рисунок – это и есть чертеж будущего памятника. И этому мы находим подтверждение в архивных документах² [3].

В деле Вологодского Городового Магistrата сохранился договор, заключенный 7 февраля 1862 года между титулярным советником Петром Григорьевичем Гревеницем³ и казенным крестьянином Семенковского волостного правления Вологодского уезда д. Метишина (?) Андреем Лукьяновым.

По этому договору Андрей Лукьянов обязуется изготовить памятник для могилы Константина Николаевича Батюшкова из белого итальянского мрамора и красного гранита по рисунку, данному ему господином Гревеницем. Он же, Гревениц, должен выдать Лукьянову «серебром сто пятьдесят рублей с тем, что он, Лукьянов, должен немедленно отправиться в С.-Петербург и приобрести там нужное количество белого итальянского мрамора». «Мрамор должен быть цвета ровного, без трещин, раковин или других недостатков и состоять из двух кусков: из плит – один кусок для пьедестала, другой для колонны памятника» [3]. Также он, Лукьянов, на мраморном памятнике должен «вырубить приличную надпись по назначению г. Гревениц и место для образа» и поставить памятник на место. По этому договору вокруг памятника должна быть поставлена решетка и гранитные полированные стойки «по поданному от г. Гревеница рисунку». За всю работу П. Г. Гревениц обязуется заплатить «двести двадцать пять рублей и за каждую гранитную стойку особо по десяти рублей, а всего до двухсот шестидесяти пяти рублей». «Вся работа должна быть кончена 1 июля 1862 года»⁴ [3].

Первое изображение памятника (см. цв. вкл., ил. 22) было опубликовано в «Иллюстрированной газете» в 1866 году, там же приводилось и подробное его описание: «памятник из белого и темно-серого (постамент) мрамора; в верхней части его вделан образ царя Константина, под ним высечена надпись славянским шрифтом: «Константин Николаевич Батюшков, родился в Вологде 17-го мая 1787 года, скончался там же 7-го июля 1855 года» [10]. Изображенный в «Иллюстрированной газете» памятник очень похож на тот, что изображен на акварельном рисунке из Российской национальной библиотеки. Дано не только описание материала, из которого он сделан, но и, пожалуй, единственное упоминание о том, кто изображен в круглом медальоне. Это небесный покровитель Константина Николаевича – святой равноапостольный царь Константин. Появилось изображение ограды. На рисунке хорошо видна и четко прорисована надпись на стеле старославянским шрифтом, где цифры имеют буквенное обозначение. Эта надпись идентична той, что есть на памятнике сейчас. Значит, стела сохранилась подлинная.

В фондах Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранятся несколько фотографий, сделанных на территории Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XIX – начале XX века. На одной из них (см. цв. вкл., ил. 23) рядом с могилой К. Н. Батюшкова стоит настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря архимандрит Анатолий⁵. Хорошо виден памятник, его строение, круглый медальон в верхней части. По этой фотографии можно судить о высоте памятника. Он был значительно выше роста человека. Где же находилась могила поэта на территории монастыря?

К началу нашего исследования мы располагали единственным свидетельством краеведа священника Сергея Арсеньевича Непеина о месте могилы поэта: «Небольшой из белого мрамора памятник над могилой поэта находится на юг от главного соборного монастырского храма, близ северо-восточного угла Екатерининской церкви» [9, с. 131]. Подтверждением этого стала еще одна фотография из фондов музея. На ней хорошо виден памятник на могиле Константина Николаевича Батюшкова рядом с углом Екатерининской церкви. Рядом с захоронением К. Н. Батюшкова находится маленькая ограда могилы Модеста Гревеница (см. цв. вкл., ил. 24).

После революции 1917 года жизнь монастыря резко изменилась. Монастырь был закрыт, но не сразу. Церковная община, организованная из местных жителей, еще некоторое время сохраняла и защищала монастырь. В Спасском соборе совершались богослужения, захоронения на территории монастыря осуществлялись еще вплоть до 1924 года.

Но уже с 1919 и до конца 1923 года происходило постепенное изъятие церковных ценностей для сдачи их в Госфонд, в помощь голодющим Поволжья. Вскоре договор с религиозной общиной монастыря расторгли, храмы и колокольню опечатали. Церковное имущество, имеющее художественное и историческое значение, передали в Вологодский объединенный музей, а все остальное различным учреждениям. С середины 20-х годов XX века уже все монастырские храмы пребывали в запустении. Во Введенской церкви был устроен буфет и киноклуб, разыгрывались спектакли. Жилые и хозяйственные здания монастыря в разное время занимали: дом инвалидов, пересыльная тюрьма для раскулаченных, колония для несовершеннолетних преступников, а впоследствии и военные склады.

После ликвидации в 1924 году монастырской общины, доступ на территорию монастыря стал свободным. За могилами некрополя смотреть было некому.

За этот период некрополь монастыря оказался полностью уничтоженным. Определить местонахождение многих его захоронений уже не представляется возможным. Остатки прежнего некрополя можно еще и сейчас увидеть на территории между Введенской и Екатерининской церквями и Спасо-Преображенским собором, куда снесены несколько могильных плит.

В настоящий момент нас интересует только одно из захоронений: могила поэта Константина Николаевича Батюшкова. Как перенесла она это лихолетье? Пострадало ли захоронение или памятник на могиле в этот период?

В Государственном архиве Вологодской области нам удалось обнаружить несколько документальных свидетельств о состоянии могилы поэта в 1920-е и 1930-е годы.

В октябре 1926 в Вологодский Губмузей из Наркомпроса Главнауки поступает запрос о том «зарегистрирован ли Губмузеем памятник на могиле поэта К. Н. Батюшкова на кладбище б. Спасо-Прилуцкого монастыря, имеющий меморативное значение и какие меры приняты к его охране» [6, л. 38]. Затем, в марте 1927 года снова из Москвы приходит запрос, в котором Комитет по охране могил великих людей просит «выяснить, в каком состоянии находится могила поэта Батюшкова, расположенная в 5-ти верстах от Вологды» [6, л. 39] и уведомить об этом.

В июне 1927 года сотрудниками Вологодского областного музея Елизаветой Александровной Писковой и Татьяной Сергеевной Бурлакиной было обследовано состояние могилы К. Н. Батюшкова и составлен надлежащий акт, который сразу же был отправлен в Москву. В нем сообщалось, что «памятник из белого мрамора, обнесенный железной оградой, сохранился, но на лицевой стороне

из круглой бронзированной рамы неизвестно когда похищен находившийся там *барельефный портрет поэта* (*курсив мой – И. Ч.*) [6, л. 40]. Впервые появляется упоминание о портрете поэта на надгробном памятнике. Сообщение об утраченном портрете К. Н. Батюшкова на памятнике мы вновь встречаем у историка и краеведа Николая Ивановича Лебедева.

В 1930 году Н. И. Лебедев как член окружного общества краеведов при подготовке к 75-й годовщине со дня смерти К. Н. Батюшкова проводил обследование могилы поэта и надгробного памятника. В своем отчете он писал: «Несмотря на то, что в последнее время в бывшем монастыре жило очень много высланных лишенцев, к общему удовольствию, я должен констатировать, что могила и надгробный памятник поэта Батюшкова сравнительно мало пострадали. В то время, когда почти все остальные памятники на кладбище изломаны или уничтожены и представляют из себя «мерзость запустения», на общем фоне вандализма выделяется памятник Батюшкова. Сделан он из цельного куска мрамора высотой до $3\frac{1}{2}$ метров⁶.

На самом верху мраморного пьедестала уцелел небольшой, сделанный из металла (кажется бронзы) крест, крепко сидящий в гнезде. Одним словом, памятник весьма цел. Только уничтожены все венки, которые раньше висели на памятнике (2 или 3), и совершенно уничтожен *медальон с портретом поэта* (*курсив мой – И. Ч.*), который был вставлен вверху мраморного памятника. Кругом памятника сохранилась небольшая, но крепко скованная ограда из железа» [8]. Мог ли Н. И. Лебедев ошибаться? Был ли портрет К. Н. Батюшкова на стеле?

Мы позволим себе высказать свои предположения. На фотографиях XIX – начала XX века памятник довольно высокий (около 2,5 метров), медальон находился выше уровня глаз и всегда был закрыт венками, сменявшими друг друга. Мнение об утраченном портрете поэта скорее предположение, чем констатация факта.

Далее Н. И. Лебедев пишет, что «могила поэта, как и все кладбище, теперь никем не охраняется. Для приведения могилы Батюшкова в порядок, по моему мнению, следует укрепить (немного тут работы) кругом железную ограду, разбить кругом и в самой ограде клумбы с цветами, можно посадить несколько деревьев, сам памятник очистить и вымыть от всей грязи и надписей и главное крепко вставить лучше *барельеф* (*курсив мой – И. Ч.*) из какого-либо металла с изображением лица поэта или портрет под стеклом. По моему мнению, ремонт могилы можно сделать в 120 рублей» [8].

В отчете Н. И. Лебедева нет упоминания о месте памятника, что естественно. Памятник находился на своем первоначальном месте.

Но уже на фотографии 1948 года (см. цв. вкл., ил. 25) белый обелиск памятника находится между двумя храмами: Введенской церковью и Спасо-Преображенским собором. Рядом с Екатерининской церковью его нет. Значит, он уже был перемещен со своего первоначального места. Очевидно одно: до 1930 года памятник не был серьезно поврежден и не был убран с могилы. Его перемещение произошло между 1930 и 1948 годами.

В начале 1950-х годов на территории монастыря организуются реставрационные мастерские и начинаются работы по реставрации архитектурных памятников. Военные склады по-прежнему находятся в монастыре, а доступ на территорию остается закрытым.

В 1954 году в Вологду приезжает один из потомков поэта художник Василий Николаевич Батюшков. Он пишет серию акварельных работ в Спасо-Прилуцком монастыре и по местам, связанным в Вологде с именем его предка. На акварельном рисунке В. Н. Батюшкова «Могила К. Н. Батюшкова» [1] изображен белый обелиск с могилы К. Н. Батюшкова, который находится рядом с Введенским храмом (см. цв. вкл., ил. 26).

В 1955 году исполнилось 100 лет со дня смерти поэта. Вокруг памятника приводят в порядок территорию, разбивают клумбы (см. цв. вкл., ил. 27). Белый обелиск ставят на постамент из двух частей, поправляют ограду. В это же время сделаны новые тумбы и крест. В 1954 году на памятнике появляется белый гипсовый барельеф с профилем поэта и датами жизни, выполненный скульптором Текусой Павловной Контаревой⁷ (см. цв. вкл., ил. 28).

В октябре 1955 года Вологодским областным отделом по делам архитектуры был составлен паспорт исторического памятника на могиле К. Н. Батюшкова. В нем документально подтверждено состояние и расположение памятника на территории монастыря в 1955 году: «Могила К. Н. Батюшкова представляет собою надгробие, небольшой мраморный обелиск на кирпичном цоколе. Высота обелиска 1,8 метра. *Памятник расположен на территории памятника архитектуры бывшего Спасо-Прилуцкого монастыря между бывшим Спасским собором и Введенской церковью.* Памятник в сохранности. Необходим текущий ремонт обитых граней памятника (обелиска) и восстановление надписи с позолотой, а также восстановить по старой форме завершение памятника» [11].

В начале 1962 года на территорию монастыря как памятника деревянной шатровой архитектуры XVI века была привезена церковь Успения Пресвятой Богородицы из Александро-Куштского монастыря Кадниковского уезда. К 1965 году она была установлена рядом с Екатерининской церковью. Эта церковь становится для нас еще одним архитектурным ориентиром на территории монастыря.

На фотографии (см. цв. вкл., ил. 29) стела памятника с могилы К. Н. Батюшкова находится рядом с церковью, но с левой стороны от крыльца, а не с правой, как сейчас. На фотографии 1976 года памятника на могиле поэта около северо-восточного угла Екатерининской церкви нет (см. цв. вкл., ил. 30).

С 1979 года все памятники архитектурного ансамбля Спасо-Прилуцкого монастыря были переданы в ведение Вологодского областного краеведческого музея и до 1990 года находились под его охраной. По территории монастыря начали проводить экскурсии, устраивать выставки. Продолжалась реставрация, хотя и воинские склады там еще оставались. Ни о каких повреждениях самого захоронения К. Н. Батюшкова сведений нет. Вероятно, пострадал только памятник.

В 1987 году в Вологде проходили Дни славянской письменности и праздничные мероприятия, посвященные 200-летию со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова. Венки были возложены к памятнику «на могиле» поэта (см. цв. вкл., ил. 31), но за памятником нет Успенской церкви, и за деревьями просматривается свободное пространство. Следовательно, памятник вновь был переставлен на более «удобное» для кого-то место.

В 1990 году весь комплекс монастыря был передан Вологодской епархии. С этого периода на его территории вновь действующий Спасо-Прилуцкий Дмитриев мужской монастырь.

В 1993 году белый обелиск с могилы поэта был поставлен между Екатерининской и Успенской церковью. Перед этим никаких предварительных исследований захоронения не проводилось.

Мы считаем, что в настоящее время памятник, завершающий могилу К. Н. Батюшкова, находится рядом с его захоронением.

Несмотря на невзгоды в период революционного лихолетья, время пощадило подлинную стелу памятника могилы с именем великого русского поэта Константина Николаевича Батюшкова. Памятник на его могиле был поставлен в 1862 году его сестрой Варварой Николаевной Соколовой и семьей племянника Григория Абрамовича Гревеница. Первоначальная высота памятника была около 2,5 метров. В верхней части стелы находился круглый медальон с изображением Святого равноапостольного царя Константина. Несмотря на перенос памятника, могила не была потревожена.

¹ Григорий Абрамович Гревениц был назначен указом Вологодского губернского правления опекуном К. Н. Батюшкова в январе 1833 года.

² Благодарю Е. А. Виноградову за указание на этот источник.

³ Петр Григорьевич Гревениц – сын опекуна поэта Григория Абрамовича Гревеница.

⁴ Всего за установку памятника на могиле Константина Николаевича Батюшкова было заплачено родственниками четыреста пятнадцать рублей.

⁵ Архимандрит Анатолий (1832 – 1908) пребывал настоятелем монастыря в 1888 – 1908 гг.

⁶ Это очень высокий памятник, но на фотографиях это не так. Мы считаем, что, говоря о высоте памятника, Н. И. Лебедевым допущена невольная ошибка и, вероятно, по той причине, что в начале 20-х годов XX века в стране осуществлялся переход на другую систему мер. Аршины и вершки заменялись метрами и сантиметрами. И вероятно, Н. И. Лебедев имел в виду высоту в аршинах.

⁷ В 1961 году на стеле установлен отлитый из бронзы барельеф работы скульпторов Т. П. и Г. П. Контаревых.

Литература

1. Батюшков В. Н. Могила К. Н. Батюшкова : [рисунок] / В. Н. Батюшков // ВГИАХМЗ. Инв. № ВОКМ 9111.
2. Белов В. И. Над прахом в Прилуках / В. Белов // Литературная газета. – 1987. – 27 мая (№ 22). – С. 6.
3. ГАВО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об. – 4.
4. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 190. Л. 771 об. – 772 ; Д. 216. Л. 576 об. – 577.
5. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 723. Л. 6.
6. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 65. Л. 38 – 40.
7. Добряков Г. На могиле Батюшкова : очерк / Г. Добряков // Русская старина. – 1910. – Т. 143, № 8. – С. 223–226.
8. Лебедев Н. И. Отчет / Н. И. Лебедев // ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–3 об.
9. Непеин С. А. Вологда прежде и теперь / [соч.] свящ. С. Непеина. – Вологда : Типография Знаменского и Цветова, 1906. – [4], II, 238 с., 2 л. ил. : ил. – Библиогр.: с. 238.
10. Памятник Батюшкову // Иллюстрированная газета. – 1866. – 13 янв. – С. 23.
11. Памятник на могиле К. Н. Батюшкова : паспорт № 10 // Архив АУК ВО «Вологдареставрация».
12. ОР РНБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8.
13. Сорокин П. [К. Н. Батюшков] / П. Сорокин // Вологодские губернские ведомости. – 1855. – № 29. – С. 249–250.

Чусова В. Д.
(Череповец)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ – ОЧАГ ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Аннотация: В статье рассказывается о создании и работе Литературного музея, который существует на базе Дворца творчества детей и юношества им. А. А. Алексеевой. Анализируется влияние, которое данный музей оказывает на духовное развитие череповецкой молодежи.

Ключевые слова: Литературный музей, духовность, воспитание молодежи.

«Век шествует путём своим железным. В сердцах корысть...», — так писал о своем времени поэт пушкинской поры Е. Баратынский, а кажется, что это точная характеристика того, что происходило в 90-х годах XX века в нашем обществе. Главное внимание сосредоточено было на политике и экономике, угасал интерес к поэзии, театру, науке, ненужными становились вечные человеческие ценности: красота, любовь, честь, бескорыстное общение даже между близкими людьми. Чем и как восполнить этот пробел? Эта проблема волновала и родителей, и учителей. Спасительными для многих школьников стали занятия в различных кружках, секциях, студиях, в том числе в научном обществе на базе Дворца детского и юношеского творчества г. Череповца. Создание Литературного музея (первоначальное название «Музей череповецкой поэзии») во Дворце творчества детей и юношества им. А. А. Алексеевой в 1997 году было своеобразным социальным заказом со стороны ЛИТО (Литературное объединение). Его инициаторами выступили члены ЛИТО В. В. Башнин и В. В. Попова, а организаторами — педагоги дополнительного образования ДДиЮТ им. А. А. Алексеевой Н. Л. Деревягина и В. Д. Чусова (см. фот. 1, 2).

В комплектовании фонда приняли активное участие авторы г. Череповца, принося в качестве дара музею свои биографии, рукописи, сборники произведений, книги. Поэт С. Созин помог оформить выставки, посвященные членам Союза писателей России, Вологодского Союза писателей-краеведов, неоднократно приглашал на встречи с членами НОУ авторов и ученых г. Вологды. Очень интересной была встреча с гостем из Германии, который также работает «в области речи и фольклорной литературы».

Расширяя рамки школьной программы, Литературный музей, созданный на основе результатов литературоведческой и краеведческой работы, предоставлял широкие возможности для

проявления творческой личности. В основу первой программы «Литературное краеведение» легли темы, связанные с жизнью и творчеством поэтов Вологодчины: К. Н. Батюшкова, В. Т. Шаламова, И. Северянина, С. Орлова, Л. Беляева, А. Каютиной, А. Пошехонова. Цели и задачи образовательной программы были ориентированы на успешную подготовку учащихся к исследовательской работе. Выбор темы для самостоятельной работы – вопрос сложный как для ученика, так и для педагога. Лекции, практические занятия, обзор

Фот. 1, 2. Экспозиции, посвященные К. Н. Батюшкову и его родственникам

литературы по теме, знакомство с личностью автора – очень важный этап. Кроме того, атмосфера музея (экспозиции, посвящённые поэтам и писателям, книги, выставки) также располагала к творчеству. В работе над темой «К. Н. Батюшков» значительную роль играло пребывание в Хантанове, «творческой даче» поэта, где учащиеся имели возможность не только увидеть необыкновенно притягательный ландшафтный облик бывшей дворянской усадьбы (пруды, огромный гранитный камень, террасы, на одной из которых расположена «беседка муз», установленная членами «Батюшковского общества» (ответственные Д. В. Медведев, А. Н. Волков) (см. фот. 3, 4), но и услышать воспоминания людей, в семьях которых сохранились сведения о Батюшковых, ощутить

Фот. 3, 4. Благоустройство территории вокруг беседки Муз

себя участниками интересных и разнообразных событий: весенних работ в Хантановском парке, литературных чтений в Мяксинской школе, праздника «Отечески Пенаты». Информация, полученная подобным образом, живая, интересная, нашла отражение в самостоятельных исследованиях учеников: «Образы растений в стихах К. Н. Батюшкова» (Оксана Дымань), «Образ Музы в поэзии К. Н. Батюшкова» (Елена Климова).

Музей располагает многими источниками для получения знаний. Кроме того, были установлены широкие контакты с учреждениями культуры области, в том числе с музеями С. С. Орлова, И. Северянина, К. Н. Батюшкова, В. Т. Шаламова. Они включали не только экскурсии, но и участие школьников в юбилейных мероприятиях, использование фондов Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина, музеев, Государственного архива Вологодской области. Одна из сотрудниц отдела редких книг областной библиотеки заметила: «Как только мы видим Вашу фамилию, стараемся подобрать материалы поскорее, потому что знаем: приехали на 2–3 дня». Во время «батюшковских дней» мы вместе с учащимися Мяксинской школы принимали участие в чтениях, организатором которых в областной универсальной научной библиотеке им. И. В. Бабушкина была кандидат филологических наук И. П. Канунникова. После обсуждения докладов участники отправлялись на Кремлёвскую площадь к памятнику К. Н. Батюшкова, возлагали цветы, читали стихи. Завершался этот памятный день посещением Спасо-Прилуцкого монастыря.

При изучении темы «Жизнь и творчество В. Т. Шаламова», помимо лекций, практических занятий, члены НОУ неоднократно побывали на экскурсии в музее В. Т. Шаламова в Вологде, встречались с великой сподвижницей И. П. Сиротинской, зам. директора ЦГАЛИ, участвовали в Днях памяти, знакомились с видеоматериалами из архива. С докладами «В. Шаламов-поэт», «Лирическое начало в рассказе В. Т. Шаламова “Стланик”», «Особенности символики в стихах Шаламова», «Семиотика поведения человека в экстремальных условиях» (по рассказам В. Шаламова) они успешно выступали на городской, областной, российской научных конференциях. Особый трепет испытали мы, работая над черновиками стихов Н. М. Рубцова в областном архиве. Интересным дополнением была экскурсия «По вологодским местам Н. М. Рубцова», которую провёл для нас кандидат педагогических наук Ю. С. Широковский (см. фот. 5). Полученные знания нашли отра-

жение в исследовательской работе П. Широглазова «Тема любви в поэзии Н. Рубцова», в его стихах «Николаю Рубцову», «Зажав в кулаке ворох листвьев осенних», в стихотворении Т. Ржанниковой «Памяти Рубцова», а также в работе Ю. Базановой «Элегические открытия К. Н. Батюшкова в поэзии Н. М. Рубцова» (2007).

Фот. 5. Экскурсия «По вологодским местам Н. М. Рубцова».
Первый справа Ю. С. Широковский.

В ходе исследовательской работы иногда возникают вопросы, которые требуют длительного поиска. Так было в случае с поэтом Серебряного века И. Ф. Анненским. Впервые нас «познакомил» с его творчеством В. Т. Шаламов. В рассказе «Афинские ночи» он называет И. Ф. Анненского в ряду высоко чтимых им авторов. Личность, судьба и творчество обоих поэтов вызвали огромный интерес. Как потом выяснилось, их многое сближает: и то, что произведения не так давно нашли путь к широкому кругу читателей, и присущие им строгая требовательность к себе, бескомпромиссность во всем, удивительная нравственная чистота и даже то, что оба поэта стремились указать на болезни века, придерживаясь принципа «Не учи», предоставляя право читателю самому искать выход. Безусловно, у нас возник вопрос о том, когда, при каких обстоятельствах В. Т. Шаламов познакомился с творчеством Анненского, который по роду своей деятельности в начале века бывал в Вологде. Дело

в том, что во время известных событий 1905 – 1906 гг. гимназисты Николаевской гимназии, директором которой был в то время И. Ф. Анненский, принимали участие в уличных шествиях, подписали две резолюции, содержащие требования об изменении в учебном деле. Анненский, несмотря на требования, в том числе и части родительской общественности, о наказании гимназистов, выступил в защиту воспитанников. Они не пострадали, а он был смещен с поста директора и переведен в Учебный округ инспектором северных губерний. В этой роли И. Ф. Анненский занимался не только учебными делами. Ему приходилось сталкиваться с острыми ситуациями, конфликтами и разрешать их. Одна из таких ситуаций имела место в Вологде в 1906 году.

Как сообщалось Попечителю Петербургского Учебного округа, священник церкви при Вологодской женской гимназии отслужил панихиду по лейтенанту П. П. Шмидту, погившему 6 марта 1906 года. Инициаторами служения панихиды якобы были две учительницы, занимавшиеся к тому же противоправительственной агитацией. Анненский, которому было поручено разобраться в ситуации, не дал хода «делу», изобразив в своем отчете Попечителю Учебного округа происшедшее «в самом мягком, чуть юмористическом тоне» (А. Федоров). Кто он, крамольный священник, уж не Тихон ли Николаевич Шаламов? Наши запросы в Пушкинский Дом и Российскую национальную библиотеку г. Санкт-Петербурга положительных результатов не дали.

А вот из Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга мы получили сведения о том, что «в отчете И. Ф. Анненского о ревизии учебных заведений г. Вологды от 6 – 25 мая 1906 года имя, отчество и фамилия священника Вологодской (Мариинской) женской гимназии, отслужившего панихиду по П. П. Шмидту, не указаны (ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10250). И далее: «В делах с перепиской и сведениями о преподавателях Вологодской Мариинской женской гимназии за 1905 – 1906 гг. значится, что законоучителем в этой гимназии был священник Федор Казанский». В вышеупомянутом документе сообщается также о том, что «в общем списке лиц, служащих в Вологодской второй женской гимназии (дата не указана) значится, что священник Тихон Шаламов был назначен законоучителем упомянутой гимназии с 1 августа 1906 года». А в «Указе Святейшего Синода епископу Вологодскому и Тотемскому Никону» от 10 февраля 1907 года предписано: в связи с тем, что священник Тихон Шаламов при служении панихиды по бывшему члену Государственной Думы Герценштейну в Спасо-Преображенском соборе г. Вологды

27 июля 1906 года произнес противоправительственную речь, «войти в сношения с кем следует об увольнении священника Шаламова от должности законоучителя Вологодской женской гимназии».

Напрашивается вывод о том, что, если бы расследование «дела» о священнике Казанском и двух учительницах было поручено не И. Ф. Анненскому, человеку благородному и гуманному, то они могли бы быть уволены со службы, как это случилось с Т. Н. Шаламовым. От отца, принимавшего участие в событиях 1906 года, В. Т. Шаламов мог получить сведения об Анненском, ставшем впоследствии одним из его любимых поэтов.

Такого рода «открытия», безусловно, имеют огромное значение для формирования интереса к научному поиску. Знания, полученные на вводных занятиях, побуждают к самостоятельной работе. Постигая нравственную высоту личности И. Ф. Анненского, ученики познают и совершенствуют себя, о чем говорит признание одной из учениц: «Благодаря этим занятиям, я смогла не только увидеть другими глазами окружающий мир, но и лучше понять себя» (Даша Х.). Интерес к личности поэта, безусловно, рождает желание узнать и понять его творчество, ибо у Анненского, словам исследователя Б. Громова, «без нравственного начала рассыплется сам стих». Если изъять из лирического субъекта Анненского «совесть», «память» о другом человеке – моральную ответственность человека за человека, то не будет и стиха Анненского». Трепетно, с такой же высокой степенью ответственности относился к труду поэта его предтеча К. Н. Батюшков, который оставил завет на все времена: «Первое правило сей науки должно быть: живи, как пишешь, и пиши, как живёшь. Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». Личность, судьба, творчество К. Н. Батюшкова и И. Ф. Анненского вызвали не просто интерес, но и желание взять тему для самостоятельного исследования. На Российской конференции (г. Обнинск) были успешно представлены доклады «Мотивы тоски и одиночества в поэзии И. Ф. Анненского» (А. Рохлова), «Действительность и мечта в лирике К. Н. Батюшкова и И. Ф. Анненского» (А. Смирнова). По поводу доклада А. Рохловой при подведении итогов ведущая секции заметила: «Тонкая и хорошо написанная работа».

Незабываемым для членов секции «Литературоведение» был пушкинский юбилей (1999). Они участвовали в городском конкурсе исполнителей пушкинских произведений, в празднике народных гуляний в Хантанове, выступали во Дворце творчества, Доме культуры с. Мяксы со спектаклем «Батюшков и Пушкин»

(сценарий В. Д. Чусовой, постановка А. Н. Волкова). Блестяще организованный областным Департаментом образования пушкинский форум был завершающим аккордом. Выступления членов секции были отмечены несколькими дипломами: 1-й степени (Т. Копейкина), 2-й степени (И. Латышева), 3-й степени (Е. Дмитриева), 1-й степени (секция «Литературоведение» НОУ ДДиЮТ г. Череповца). Работы юных литераторов были напечатаны в изданиях:

- сборник литературных произведений учащихся «Надежда» (1997);
- педагогический альманах «Вовлекая в творчество» (1998);
- книга «Собранье пестрых глав: о К. Н. Батюшкове и Хантонове» (2012).

После выхода книги «Собранье пестрых глав: о К. Н. Батюшкове и Хантонове» учительница Нелазской средней общеобразовательной школы В. И. Сумарокова сказала мне: «Эта книга стала для меня настольной, я использую как образец и работы детей, и сценарий «Три войны, все на коне и в мире на большой дороге...»

Спустя некоторое время мы получили приглашение от нашего друга кандидата педагогических наук Ю. С. Широковского на встречу с его учениками из школы № 15 г. Вологды. Встреча состоялась в музее К. Н. Батюшкова. После экскурсии ученики читали стихи, а потом смотрели спектакль «Батюшков и Пушкин» в исполнении

Фот. 6. Череповецкая делегация.

Второй слева Н. Криушенков
(исполнитель роли К. Н. Батюшкова)

череповчан. Особенно трогательным было то, что исполнитель роли Батюшкова (Нодар Криушенков) с разрешения директора музея выступал в мундире поэта из экспозиции музея. Съёмки вёл Ю. С. Широковский (см. фот. 6).

Литературный музей, безусловно, является центром духовного общения. Широкие контакты с писателями и поэтами, соприкосновение с хорошим поэтическим словом пробуждают у учащихся природные способности к творчеству. Вдумчивое прочтение стихов и анализ во время занятий, выразительное чтение на вечерах, встречах с поэтами стимулируют юношескую поэзию. По справедливому замечанию Л. Н. Толстого, знакомство с образцами высокой поэзии безошибочно «возбуждает к работе». Уже в годы обучения школьникам предоставляются широкие возможности для самореализации. Так, юные литературоведы и краеведы из 7-й школы в течение 5 лет вели клуб «Слово», выступая на вечерах, встречах, в том числе перед ветеранами. Под руководством В. М. Хлебова, руководителя ЛИТО, был организован семинар для начинающих авторов, на котором шло серьёзное обсуждение их стихов (см. фот. 7). Редактор журнала «Автограф» (г. Вологда) В. С. Белков, посетивший Литературный музей в 2004 году, написал в «Книге отзывов»: «Был в музее, смотрел, радовался за череповецких писателей. С благодарностью к организаторам литературного музея».

В время обучения в НОУ стихи некоторых юных авторов были напечатаны в сборниках «Души прекрасные порывы» (Вологда),

Фот. 7. После подведения итогов выступают поэты.

Первый слева В. М. Хлебов

«Мозаика души», в альманахах «Воскресенский проспект», «Окраина» (Череповец). Сочинения Николая Васильева, лауреата Всероссийского конкурса «Мой Пушкин» (Псков), появились и в журнале «Кто здесь?» (Новосибирск). По окончании Литературного института Николай работает журналистом. Интерес к творчеству объединил юных стихотворцев с начинающими композиторами. Случилось это после выхода в свет сборника стихов под названием «Стихи и стихии». История его такова. В 2004 году выпускница НОУ Даша Харченко, будучи аспиранткой Московского Института языкоznания, во время встречи в Литературном музее сказала мне: «Я хочу издать сборник стихов наших ребят». Идея меня порадовала. Я предложила написать вступительную статью об авторах стихов. Даша возразила: «Нет, я хочу, чтоб они сами написали о себе». Произведения из сборника «Стихи и стихии», авторы которых в разное время занимались в НОУ ДДиЮТ им. А. А. Алексеевой, заинтересовали музыкантов. Преподаватель училища искусств и ремёсел им. В. В. Верещагина Л. Н. Лехина обратилась с предложением провести вечер в Литературном музее. Студенты не только положили на музыку стихи, но и внесли в них элементы драматизации, чем покорили нас. Было решено повторить этот спектакль для родителей, которые приняли его с благодарностью. Им понравилось не только исполнение, но и атмосфера Литературного музея, в котором родители музыкантов были впервые. Действительно, атмосфера музея побуждала к творчеству. «Для меня, – признавалась О. Дымань (11 кл.), – Литературный музей не просто помещение с интересными, порой довольно редкими экспонатами, а какой-то оазис духовного просвещения, место, где можно поработать и сердцем, и умом. Безусловно, огромную роль играет атмосфера помещения, а она в музее просто изумительная».

Многолетняя связь Литературного музея с кафедрой литературы ЧГУ выражалась в разной форме. В научных конференциях преподаватели (Н. В. Володина, З. В. Лукичева, И. А. Смирнова, М. Г. Трубицина) участвовали в качестве членов жюри. Доктор филологических наук, профессор Н. В. Володина рецензировала работы членов секции «Литературоведение» перед отправкой их на Российскую конференцию, выступила с лекцией, от которой ученики были в восторге. Однажды члены секции «Литературоведение» приняли участие в студенческой научной конференции по литературе в ЧГУ. При подведении итогов преподаватель В. А. Рябинин, оценивая работы студентов и

школьников, видимо, желая подбодрить младших, заметил: «Слушая, не всегда понимал, выступает студентка или ученица». Безусловно, такая высокая оценка работ порадовала учеников. На вечере в ЧГУ, посвященном юбилею Н. М. Ивановой-Романовой, наряду со студентами выступила с докладом Д. Харченко, изучавшая ее жизнь и творчество. При подготовке дипломных работ получали консультации в Литературном музее студенты 5 курса художественно-графического факультета ЧГУ Н. В. Васильевская и Е. В. Забугина (научный руководитель Д. В. Медведев, консультант В. Д. Чусова). Результат их творчества – макет «Возрождение усадьбы К. Н. Батюшкова Хантаново», впоследствии был подарен Литературному музею (см. фот. 8). Во время экскурсий он вызывает большой интерес и у школьников, и у взрослых.

Фот. 8. Макет «Возрождение усадьбы К. Н. Батюшкова Хантаново»

Консультировались также И. М. Поспелова, иллюстрировавшая сборник стихов А. А. Каютиной «Подарю я тебе...», студентка ВоГТУ Т. В. Суслова при подготовке дипломного проекта «Возрождение Хантанова».

Выпускники НОУ, будучи студентами-филологами, продолжали успешно заниматься научной работой. Они поддерживали связь с музеем, выступая в роли ведущих на научных конференциях, вечерах. Троє из них вели секции в музее: Е. Рогачева – «Риторика», Н. Пожидаева – «Литературоведение», Т. Ржанникова – «Музеведение». Шесть выпускников НОУ ДДиЮТ продолжали учиться в аспирантуре. Авторы книг «Кто не спрятался» (Т. Ржанникова,

член Союза российских писателей), «Нараспашку в белый свет» (П. Широглазов, член Союза писателей России) принимают активное участие в популяризации творчества А. Башлачева не только в России, но и за рубежом (см. фот. 9). 27 мая 2017 года состоялась церемония по поводу установки памятной доски на фасаде здания школы № 20, в которой учился Александр, где его помнят и чтут. Автор памятной доски, инициатор установки – Татьяна Ржанникова.

Фот. 9. Вечер, посвященный творчеству А. Башлачева
в зале ДДиЮТ, 1999 г.

Чаще всего юные стихотворцы не задумываются о будущем. Стихи существуют для них самих как «человеческие документы», в которых они запечатлели важные для себя чувства, мысли, переживания, события. Для близких им людей стихи имеют жизненную ценность и отражают жизнь души сочинителя в определенный момент. Кто знает, может быть, для кого-нибудь из них это начало пути к тому единственному стихотворению, которое время и люди назовут классическим, то есть образцовым. Самостоятельная работа над произведениями и научными источниками, архивными материалами и воспоминаниями способствовала выработке свободы высказывания, нестандартности решения той или иной проблемы. «Я научилась анализировать стихи, отбирать материал для доклада. Участие в вечерах, встречах – это возможность раскрыть себя, пообщаться с людьми, зарядиться положительной энергией», – признавалась Елена Д. Именно о ней говорили взрослые: «Как изменилась девочка! Она так хорошо улыбается». Действительно, знакомство с образцами высокой поэзии безошибочно, по словам Л. Н. Толстого, «возбуждает к работе». Вызывает удивление и радость то, что на фоне тревожной современности мы являемся свидетелями всеобщего интереса

к духовной жизни и творчеству. В Литературном музее ДДиЮТ им. А. А. Алексеевой постоянно действующие выставки, посвящённые поэтам К. Н. Батюшкову и его родственникам, И. Северянину, Н. М. Ивановой-Романовой, А. Башлачёву, позволяют заинтересовать во время экскурсий и детей, и ветеранов. Предметы, подаренные членом «Батюшковского общества» Н. В. Фоминых (посуда, предметы дамского туалета, колокольчик, книга «Журнал для детей» (1875), а также миниатюрный столик, на котором лежат книга, чернильница, перо, выполненные в стиле XIX века современной художницей Л. Целуйко, вызывают большой интерес (см. фот. 10).

Фот. 10. Предметы, подаренные членом
«Батюшковского общества» Н. В. Фоминых

Фот. 11. Делегация участников семинара молодых авторов Северо-Запада.
Третий справа председатель Союза писателей России В. Ганичев

В 2002 году в музее побывала делегация участников семинара молодых авторов Северо-Запада (см. фот. 11). Председатель Союза писателей России В. Ганичев заметил: «Мы побывали во многих регионах России. Такой музей мы видим впервые. Он уникальный». Члены делегации подарили музею ценные книги, журналы, газеты. Кроме того, Г. Иванов, батюшковед, один из авторов книги «Сто великих писателей», весной 2003 года был гостем на празднике «Отечески Пенаты».

В 2003 году музею было присвоено название «Школьный музей» (свидетельство № 9363).

Белова А. П.
(Вологда)

ИЗУЧЕНИЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ К. Н. БАТЮШКОВА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ К НАПИСАНИЮ СОЧИНЕНИЯ-РАССУЖДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается изучение эпистолярного наследия К. Н. Батюшкова в процессе подготовки обучающихся к написанию сочинения-рассуждения. Обучающиеся, изучив письма К. Н. Батюшкова, формулируют проблемы, которые рассматривает адресант, самостоятельно подбирают цитаты из его писем. Выделение проблемы в прочитанном тексте и подбор соответствующих цитат – важные текстовые умения, необходимые при написании сочинения-рассуждения на ЕГЭ по русскому языку.

Ключевые слова: эпистолярное наследие К. Н. Батюшкова, адресант, переписка, культ дружбы, биографический контекст, историко-литературный контекст, цитатник.

Исследователи отмечают, что переписка была постоянной потребностью К. Н. Батюшкова [1; 3]. В этой связи совершенно особое значение приобретает часто цитируемая фраза Батюшкова из письма Гнедичу в марте 1817 г. в период работы над «Умирающим Тассом»: «Кончу “Тасса”, уморю его и писать ничего не стану, кроме писем к друзьям: это мой настоящий род. Насилу догадался». К такому окончательному выводу пришел К. Н. Батюшков в последний период творчества.

Можно привести суждения современников Батюшкова о «прелестном слоге» его писем, мастерстве и живости описаний и т. д. Публикация писем Батюшкова началась еще при его жизни. И хотя первые письма были отданы в печать друзьями (в 1827 г. в «Северных цветах», «Памятнике отечественных муз» и «Московском телеграфе»), отчасти готовить их к публикации начинал сам Батюшков.

В эпоху К. Н. Батюшкова письмо как художественное целое должно было соответствовать следующим параметрам: оригинальность и индивидуальность слога, спонтанность авторской реакции, непринужденность выражения мыслей, чувств, впечатлений, иными словами – яркое и непосредственное отражение в тексте письма личности и душевного мира пишущего [1].

По мнению исследователей, в Батюшкове мы имели бы первого русского эпистолографа в европейском смысле этого слова. Говоря о месте Батюшкова в развитии русской эпистолографии,

литературоведы учитывают и этот нереализованный потенциал его литературной позиции [1].

Письма К. Н. Батюшкова – лучшие образцы данного жанра. Предлагая их старшеклассникам для чтения и изучения, учитель предоставляет обучающимся возможность составить портрет эпохи, в которой жил К. Н. Батюшков, составить портрет автора писем (его предпочтения, возможные ответные реакции, готовность к общению в определенных параметрах – смысловых, эмоциональных, стилистических). Одновременно письма (как факт реальной жизни и факт литературы) помогают обучающимся собрать небольшой банк аргументов, которые могут быть использованы на ЕГЭ по русскому языку при написании сочинения-рассуждения. Один из приемов работы с письмами К. Н. Батюшкова – это составление старшеклассниками подборки цитат, иллюстрирующих взгляды поэта на ту или иную проблему. Приведем пример цитатника по одной из проблем, встречающихся в текстах, которые предлагаются обучающимся на ЕГЭ по русскому языку.

Дружба в представлении К. Н. Батюшкова (на основе его писем)

Связи стихотворных посланий и писем, автором которых является К. Н. Батюшков, – многогранные, развивающиеся. Но адресаты в основном одни и те же: Н. И. Гнедич, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, Н. И. Тургенев, сыновья А. Н. Радищева – Николай и Василий.

<i>Проблема, над которой размышляет автор письма</i>	<i>Цитата, источник</i>	<i>Биографический / историко-литературный контекст</i>
Какими качествами должен обладать настоящий друг?	«Петин один меня утешает... истинно добрый малый. Я с ним болтаю сидя у камина, время кое-как утекает». «Петин убит, Петин, добрый, милый товарищ трех походов, истинный хороший друг, прекрасный молодой человек, скажу более: редкий юноша. Эта весть меня расстроила совершенно и надолго. На левой руке от батарей, вдали была кирка.	Характерные для предромантизма культ дружбы, сердечная симпатия и связанная с ними общительность проявились в дружеских посланиях, посвященных Н. И. Гнедичу, В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому, И. А. Петину, А. И. Тургеневу и др. [1].

	<p>Там погребен Петин, там поклонился я све- жей могиле и просил со слезами пастора, чтоб он поберег прах моего то- варища. Мать его умрет с тоски» (Н. И. Гнеди- чу. 30 октября 1813. Беймар).</p> <p>В чем заклю- чается смысл дружбы? для чего / зачем / почему люди дружат?</p> <p>Что может разрушить дружбу? Как следует реагировать на нелице- приятные выводы, сделанные вашим другом о вас?</p>	<p>Это чувство было для Батюшко- ва, как и для многих просвещен- ных дворянских интеллигентов начала XIX в. и более ранних пе- риодов, утешением в остро ощу- щаемом разладе со «светом» [3].</p> <p>Благодетельная роль «союза дру- жества» и подвиги, совершенные ради него, становятся темой осо- бого стихотворения Батюшкова «Дружество», где нарисовано несколько пар «известных друзей» (Тезея и Пирифоя, Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла) [3].</p> <p>В «Опытах» Батюшков поместил вслед за «Дружеством» другое свое стихотворение – элегию «Тень друга», посвященную своему любимому товарищу И. А. Петину, павшему в «битве народов» под Лейпцигом.</p> <p>Образ друга получил завершение в прозе – «Воспоминания о Пети- не» (1815), где Батюшков писал: «Я верю симпатии, ибо опыт на- учил верить неизъяснимым таин- ствам сердца. Души наши были сродны. Одни пристрастия, одни наклонности, та же пылкость и та же беспечность, которые со- ставляли мой характер в первом периоде молодости, пленили меня в моем товарище. Привычка быть вместе, переносить труды и бес- покойства воинские, разделять опасности и удовольствия тесни- ли наш союз. Часто и кошелек, и шалаш, и мысли, и надежды у нас были общие» [1].</p>
--	--	--

Домашнее задание: 1) изучите письма К. Н. Батюшкова к Н. Вяземскому, В. А. Жуковскому и дополните цитатник самостоятельно подобранными примерами; 2) подберите два примера из русской литературы, которые подтверждают следующую мысль: «Жизнь не жизнь без друзей» (из письма К. Н. Батюшкова Н. И. Гнедичу, 10 июля 1815. Каменец-Подольский) [2, с. 338].

Приведем некоторые цитаты из писем К. Н. Батюшкова, которые доказывают, что темы его размышлений весьма актуальны в наши дни.

Проблема отношения человека к войне. Контекст: в 1807 году К. Батюшков записывается в ополчение, созданное во время второй войны России против наполеоновской Франции, и совершает поход в Пруссию. В битве под Гейльсбергом поэт был тяжело ранен в ногу; его вынесли полумертвого из груды убитых и раненых товарищей. В 1808 – 1809 гг. Батюшков участвует в войне со Швецией, в том числе в походах в Финляндию и на Аландские острова. Во время Отечественной войны Батюшков, несмотря на расстроенное ранением здоровье, не хочет оставаться в стороне от борьбы с Наполеоном. «Я решился, и твердо решился, – пишет Батюшков Вяземскому, – отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени». В 1813 г. Батюшков вновь зачисляется на военную службу, принимает участие в ожесточенных сражениях, в частности, в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом (в эту пору поэт был адъютантом генерала Н. Н. Раевского) и в составе русской армии в 1814 г. попадает в вынужденный капитулировать Париж [3]. «Я объехал весь Лейпциг кругом и видел все военные ужасы. Еще свежее поле сражения, и какое поле! Слишком на пятнадцать верст кругом, на каждом шагу грудами лежали трупы людей, убитые лошади, разбитые ящики и лафеты. Кучи ядер и гrenад – и вопль умирающих» (Н. И. Гнедичу, 30 октября 1813. Веймар) [2, с. 260].

Проблема определения патриотизма. «Истинный», «просвещенный» патриотизм для Батюшкова – одно из самых высоких свойств человека. Правда, этот патриотизм поэта ограничивала умеренность его политических взглядов. Если для многих радищевцев и для декабристов любовь к родине была неотделима от борьбы за свободу, то Батюшков связывал свой патриотизм главным образом с мирной идеей просвещения. И в то же время этот «просветительный» патриотизм был целиком направлен против реакционной идеологии открытых защитников феодально-крепостнической системы, выступавших под флагом любви к родине. Свой патриотизм Батюшков резко противопоставляет патриотизму шишковистов. Он едко издевается над членами «Беседы» – «славянями», которые, «оградяясь щитом любви к отечеству», проявляют

«невежество, бесстыдство и упрямство». Батюшков подчеркивает, что шишковисты защищают не самобытность, а патриархальную отсталость [3]. «Любить отчество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычай, от которых мы отделены веками и, что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели восхваляют все старое? Но поверь мне, что эти патриоты не любят или не умеют любить русской земли» (Н. И. Гнедичу, 1 ноября 1809. Хантоново) [2, с. 111].

Контекст: Батюшков противопоставляет свой патриотизм фальшивому патриотизму представителей светского общества, громко заявляющих о своей любви к старинным русским обычаям и ведущих на практике оффранцуженный образ жизни, тех, кто «сердцем славянин, желудком галломан». Пародийное противопоставление патриотических деклараций и французских привычек дано Батюшковым в эпиграмме «Истинный патриот» (1810), где «истый витязь русский», заявляющий свою привязанность к русской старине, «съел соус, съел другой, а там сальмис французский». Патриотизм Батюшкова проявился в его отношении к военной службе. Часто говоривший, что ему «очень нравится военное ремесло» в отличие от «чернильной» штатской службы, Батюшков был храбрым боевым офицером. И современники воспринимали Батюшкова не только как «певца любви», но и как «отважного воина», «пламенного героя» «на ратном поле» [3].

Проблема выбора лучшей модели воспитания и образования. Контекст: сестра К. Н. Батюшкова и ее муж просят совета относительно выбора губернера для их сына Алешеньки. «... Верьте мне, что летний деревенский воздух, общество родителей, благие примеры и счастье полезнее французов, французского языка и модных слов. Последнее даром или легкоается, а первое редко, очень редко, даже и детям» (П. А. Шипилову, 15 апреля, 1816. Москва) [2, с. 388]. *Какую цель преследуют родители, выбирая модель воспитания и образования?* «Он пишет, читает хорошо, понятлив: чего ж вы хотите более? Вижу по всему, что не человека из него хотите сделать, а редкого ребенка. Суэтное желание! Пагубное!» (Е. Н. и П. А. Шипиловым, 24–29 марта, 1816. Москва) [2, с. 382].

Литература

1. Аношкина В. Н. Особенности русского предромантизма: роль эпистолярия в творчестве К. Н. Батюшкова [Электронный ресурс] / В. Н. Аношкина. – Режим доступа: <http://kostromka.ru/tevyakin/literature/479.php>.
2. Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Из записных книжек. Письма / К. Н. Батюшков ; [сост., подгот. текста, comment. А. Л. Зорина]. – Москва : Художественная литература, 1989. – 718, [1] с. – Библиогр.: с. 706–708 и в comment.: с. 592–660. – Имен. указ.: с. 661–705.
3. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова / Н. В. Фридман ; [Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис.]. – Москва : Наука, 1971. – 381, [2] с. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 376–382.

*Елистратова К. А.
(Череповец)*

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА К. Н. БАТЮШКОВА ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ УЧИТЕЛЯ

Аннотация: В настоящей статье рассматривается изучение творчества вологодского поэта К. Н. Батюшкова в рамках внеурочной деятельности. Обучающиеся 8 класса, следуя индивидуальному маршруту личностного развития, моделируют проект «Пейзаж в лирике К.Н. Батюшкова».

Ключевые слова: маршрут личностного развития школьника, внеурочная деятельность, лингвокультурная компетенция, литература Вологодского края, лэпбук.

В государственном образовательном стандарте общего образования задан ориентир образовательной деятельности, зафиксированный в «портрете выпускника», определены приоритетные личностные результаты: готовность и способность школьника к личностному самоопределению и саморазвитию, позитивная мотивация к обучению, продуктивная познавательная деятельность, что, несомненно, призвано активизировать процессы педагогического проектирования [4].

Достичь личностного развития школьника за счёт освоения только предметных программ невозможно. Необходима интеграция учебной и внеурочной деятельности для создания образовательного пространства, которое предоставит каждому школьнику возможность проявить свою уникальность, индивидуальность, ставить и реализовывать лично значимые цели и идеи.

Процесс проектирования индивидуального маршрута личностного развития школьника во внеурочной деятельности представлен нами в виде модели, которая содержит четыре компонента: целевой, содержательный, оценочно-рефлексивный, результативный [4]. Каждый из них выполняет свою функцию в формировании и развитии универсальных учебных действий (далее – УУД).

Модель личностного развития обучающихся мы проектировали и наблюдали во время внеурочных занятий по литературе Вологодского края в 8 классе.

Заранее оговоримся, что литературное образование реализуется на бикультурной основе – это предмет федерального уровня «Литература» и в то же время предмет регионального уровня «Литература Вологодского края».

Литература Вологодского края в узком смысле – это произведения авторов, живших и писавших на территории данного региона. Стандарт исходит из более широкого понимания объекта изучения, трактуя его как совокупность фактов литературной жизни, способствующих формированию культурного пространства Вологодчины, что важно для формирования и развития лингвокультурной компетенции обучающихся [4].

Изучение литературы Вологодского края в рамках внеурочной деятельности мотивировано большими образовательными возможностями литературы как вида искусства в целом, важной ролью художественной словесности в культуре региона и широким общественным признанием творчества писателей, связанных с регионом.

Принципиально важным является установка стандарта на изучение данной дисциплины в тесной связи с основным (по федеральному базисному плану) курсом литературы.

Так, например, изучая творчество К. Н. Батюшкова на уроках литературы XIX века, обучающиеся и на внеурочных занятиях обращались к творческому наследию вологодского поэта, тем самым углубляли свои познания в историко-литературном процессе, жанрово-родовой презентативности поэтических текстов, расширяли свой кругозор.

Рассмотрим подробнее компоненты модели личностного развития обучающихся во внеурочной деятельности.

Целевой компонент – знакомство с биографией и творческой судьбой К. Н. Батюшкова как поэта Вологодского края; осмысление нравственных принципов, основных эстетических норм автора.

Содержательный компонент – осознанное изучение творчества К. Н. Батюшкова и выполнение заданий, способствующих развитию познавательных, лингвокультурных и творческих способностей обучающихся.

Так, например, для понимания литературного направления (романтизм) обучающиеся 8 класса выполняли проектное групповое задание, которое способствовало развитию личностных УУД: интерес к новому; стремление к саморазвитию; целеустремлённость.

Групповой проект – создание лэпбука на тему «Пейзаж в лирике К. Н. Батюшкова». Лэпбук (в переводе с английского) – интерактивная тематическая папка на определённую тему. Обучающимся понравилось составлять план своей папки, моделировать макет, отбирать, далее исследовать живописные элементы в поэтических текстах поэта.

План. Обучающиеся 8 класса продумали, что должен включать в себя лэпбук, чтобы полностью раскрыть тему «Пейзаж в лирике

К. Н. Батюшкова»; составить глоссарий (лирика, литературное направление, пейзаж, пейзажная лирика, поэт, послание, романтизм), биографическую справку «Поэт и Вологодский край»; собрать и проанализировать поэтические тексты по заявленной теме; расположить материал в соответствии с заранее конструированным шаблоном.

Сбор материала. Обучающиеся 8 класса при чтении и выборке текстового материала по заявленной теме выяснили, что наиболее частотный вариант пейзажа, запечатленный во многих стихотворениях автора, представлен образами моря и леса. Данные образы обнаруживают романтический характер, так как организуют единство лирического героя и природы. Нельзя не вспомнить элегию В. А. Жуковского «Море», ставшую своеобразным символом романтизма, квинтэссенцией его эстетики. Вполне уместно в данном ключе будет упомянуть и «прощание» с романтизмом пушкинского героя в стихотворении «К морю», и о философской задумчивости «Паруса» М. Ю. Лермонтова.

В стихотворении К. Н. Батюшкова «Надежда» словосочетание «спокойный брег» (финал второй строфы), с одной стороны, служит метафорой ключевого понятия «надежда» и выражает представление о жизни после смерти, с другой стороны, идентифицирует лирического героя в пространстве. «Спокойный брег» – опорный образ, формирующий метафорический морской пейзаж стихотворения. Образ «спокойного брега» делает пейзаж зрымым.

Живописное начало обучающиеся увидели в стихотворении «Тень друга». Лирический герой Батюшкова видит неспокойное море «свинцовым»: «Казалось, он в волнах свинцовых утопал...» Цветовая палитра вызывала у школьников тревожное настроение. Кроме этого, образ моря в стихотворении оказывается местом мистической встречи лирического героя с тенью друга (ср. античный мотив: древние греки считали, что Аид был населен тенями умерших людей). Поэтому образ моря в данном случае – символ бесповоротного времени, имеющего грозные роковые черты: «Стихии грозные казались безмолвны...»

Стихотворение «На развалинах замка в Швеции» удивило учеников 8 класса фотографической тщательностью прорисовки пейзажа. Особенно рельефно и зрымо представлен главный объект воссоздания – замок. Мы видим и обвитые плещом стены, и «грозный вал», и «ветхий мост с чугунными цепями». Словесное воплощение пейзажа, развернутого на фоне главного экфрасисного объекта – замка. Северные скалы, луна, которая «задумчиво глядит», «сумрак дубравы», умиротворенная тишина – все это в совокупности формирует романтическое содержание произведения. Следует отметить, что сам пейзаж включает в себя не только

мшистые скалы, но и море. Очевидно, что замок находится на берегу: «Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит / На хляби и брега безмолвны...» Надо сказать, что замок как в поэзии, так и в прозе романтизма традиционно изображался на фоне разноландшафтного пейзажа (море также неизменно присутствовало) и при нейрком, таинственном – вечернем или лунном – освещении. Соответственно, «цветовой» глагол «осеребрил» (в грамматической основе «месяц осребрил») является здесь одним из важных романтических «маркеров».

«Вольное переложение «Мщения» (из Парни) К. Н. Батюшковым – любопытный пример органичного включения пейзажа в лирический сюжет стихотворения. Автор описывает лес «непоследовательно», параллельно включая фрагменты лирического повествования. Подобно мозаике, образ леса складывается по крупицам: «Тому сей бор немой свидетель был...», «В зеленом сумраке развесистых древес...», «И в роще сумрачной сверкало...» Обучающиеся отметили неопределенность в номинации леса: в первом случае он называется «бор», во втором – «роща». Посредством комментированного чтения с лексическими остановками ученики поняли и сделали вывод: лирические переживания героя как бы стирают все грани видения, делают его взор туманным, а лес становится для него подобным стихии. Существенен и еще один момент. Для обучающихся лес становится соучастником, третьим героем (фактически одним из главных), переживающим происходящее. Поэтому он участвует в любовной кульминации, разрешает ее. Сумрак освещается молнией, раздается гром. Преображение темноты пейзажа светом – вот главный смысловой «исход» стихотворения. Цветопись играет при этом основную роль.

«Послание к Муравьеву-Апостолу» открывает целую пейзажную перспективу. Палитра в нем представлена двумя доминирующими красками – зеленой и голубой. Словосочетания «свет лазурный неба», «зелень», «зелень полей», «свет лазоревый» обладают явно позитивной семантикой, сообщая посланию эффект легкости, парения. Тем не менее, «лес» остается «полным мрака». Вероятнее всего, с точки зрения учеников, «мрачный лес» для лирического героя – плод романтического воображения. «Мрачный» в данном примере – это не только цветовой синоним прилагательного «темный», но и, что очень важно, «тайственный», «незнакомый». Акцент на образе достигается путем инверсии и употребления явно оценочного существительного «мрак».

Макет. После работы с поэтическими текстами, фронтальной выборкой живописных элементов обучающиеся подбирают макет. Каждый субъект думает, как в лэпбуке будет представлен каждый из пунктов плана и собранный иллюстративный материал.

Создание лэпбука. В соответствии с макетом ученики делают шаблон папки в натуральную величину и представляют свой продукт. На протяжении выполнения творческого группового проекта учитель «ведёт» в выбранном направлении, теме, консультируя, корректируя маршрут на основе личностной рефлексии школьника.

Оценочно-рефлексивный этап. Выполненный проект позволил обучающимся 8 класса систематизировать свои знания по теории литературы (составление тематического глоссария, признаков романтизма); знакомство с вологодским поэтом К. Н. Батюшковым (составление биографической справки); обратить внимание на развернутые пейзажные описания, отражающие мир чувств и переживаний лирического героя; цветовые признаки, помогающие читателю прочувствовать внешнее и внутреннее пространство лирического героя. Важным является и то, что обучающиеся в ходе выполнения проекта получают личностное развитие: самоанализ и самоконтроль результата на соответствие требованиям конкретной задачи.

Таким образом, результатом внеурочной деятельности обучающихся 8 класса является не только выполнение проектного задания (лэпбук «Пейзаж в лирике К. Н. Батюшкова»), но и личностно-значимый смысл внеурочной деятельности.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://xn--80abucjiihbhv9a.xn--p1ai/%D0%Б4%D0%ВЕ%D0%ВА%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974>. – 12.06.2017.
2. Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 1. «Опыты в стихах и прозе». Произведения, не вошедшие в «Опыты в стихах и прозе» / К. Н. Батюшков ; [сост., подгот., текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Копшелева]. – Москва : Художественная литература, 1989. – 510, [1] с. : портр. – Библиогр в коммент.: с. 437–486.
3. Литература Вологодского края : прогр. и тематич. планирование : [для 5–9 кл.] / Департамент образования Вологод. обл., ГОУ ДПО «Вологод. ин-т развития образования» ; [авт.-сост.: С. Ю. Баранов, И. В. Мовнар ; науч. ред. С. Ю. Баранов]. – Вологда : ИЦ ВИРО, 2007. – 50, [1] с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80abucjiihbhv9a.xn--p1ai/%D0%Б4%D0%ВЕ%D0%ВА%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938>. – 12.06.2017.

Научное издание

«МОИ ПЕНАТЫ».
РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ
И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
Сборник материалов по итогам
всероссийской научной конференции
(Вологда, 29 – 30 мая 2017 г.)

Редактор и сотователь – И. Е. Колесова
Оригинал-макет – Е. А. Лежнева

Подписано в печать 17.07.17 Формат 60x841/2
Усл. печ. ед. 295310 Тираж 100 Заказ № 13

Вологодская областная универсальная научная библиотека
160000, Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 1.,
тел. 72-96-30 эл. адрес wgunis@mail.ru